

ОООП «Литературный фонд России»
Ростовское региональное отделение
Союз писателей России
Ростовское региональное отделение
Литературно-художественный альманах
Юга России
«ДОН и КУБАНЬ»
№2 (17) декабрь 2013 г.

Главный редактор Г. В. Студеникина

Редакционная коллегия:

А. Г. Береговой, Ростов-на-Дону
В. А. Воронов, Ростов-на-Дону
Н. И. Дорошенко, Москва
Н. А. Зиновьев, Кореновск Краснодарского края
Х. Х. Кауфов, Нальчик
И. Н. Кудрявцев, Ростов-на-Дону
В. И. Лихоносов, Краснодар
С. Н. Макарова, Краснодар
А. Н. Можаяев, Можаяевка Ростовской области
Н. В. Переяслов, Москва
Н. М. Скрёбов, Ростов-на-Дону
Б. М. Стариков, Тихорецк Краснодарского края
Г. Н. Ужegov, Тихорецк Краснодарского края

Адреса обязательной рассылки альманаха: Литературный фонд России
Союз писателей России
Союз российских писателей
Ростовское региональное отделение ЛФР
Ростовское региональное отделение СПР
Ростовское региональное отделение СРП
Краснодарское региональное отделение СПР
Краснодарское региональное отделение СРП
Министерство культуры Ростовской области
Министерство культуры Краснодарского края
Донская публичная библиотека
Кубанская публичная библиотека
Районные и городские библиотеки Ростовской области и Краснодарского края

Содержание:

<u>Проза</u>	
Владимир Барвенко. Дыхание Голгофы. Роман. Окончание.	3
Константин Попупанов. Не бывает... Повесть. Окончание.	151
<u>Поэзия</u>	
Ярослав Кауров. Всё-таки жив. Стихи.	145
<u>РОДНИК. Альманах в альманахе.</u>	
<u>Победитель номера:</u>	
Вячеслав Дутов. Моя вы недоτροга... Стихи.	80
<u>Страницы прозы</u>	
Ирина Степанова. Явление маленького чуда. Миниатюры.	82
Раиса Кореневская. Не меняй в сказке ничего!.. Миниатюры.	86
Татьяна Колесникова. Грешница. Рассказ.	94
Татьяна Морозова. Варварина сказка. Рассказ.	105
Людмила Байкалова. Затяжной прыжок. Рассказ.	106
Тамара Иванченко. Место под солнцем. Рассказ.	111
Даниил Журавлев. Применение для львицы. Рассказ.	116
<u>Поэтические строки</u>	
Наташа Корбут. Я была бы фрейлиной. Стихи.	85
Алёна Харук. С небом яблочного цвета. Стихи.	92
Юрий Краснокутский. А дождь ничуть не устаёт... Стихи.	97
Валерий Калина. Ты первая, кому я не соврал. Стихи.	109
Исропил Эсмурзиев. Дурман весенний. Стихи.	114
Игорь Антонов. Раздавая мечты и звёзды. Стихи.	119
<u>Победители областного литературного конкурса РРО Союза писателей России «90 лет Ростовской областной писательской организации»</u>	
<u>Номинация «Проза»</u>	
Вартан Бабян. Очень скорая. Рассказ.	120
<u>Номинация «Поэзия»</u>	
Валерий Калмацуй. У костра. Стихи.	133
<u>Номинация «Публицистика»</u>	
Валерий Жердев. Подпольщик из Мёдона. Эссе.	134
<u>Номинация «Детская литература»</u>	
Татьяна Александрова. Новогодняя сказка. Рассказ.	138

Альманах «Дон и Кубань»: распространяется на территорию России и стран СНГ.

*

Содержание альманаха не всегда отражает точку зрения редколлегии на затронутые авторами темы.

*

За точность имён, фактов и цифр ответственность несут авторы.

*

Редколлегия оставляет за собой право не разъяснять авторам причины отказа в публикации их произведений.

*

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

*

Все произведения в альманахе публикуются пока на безгонорарной основе.

ББК 99(2Рос-Рус)93

А-128

ISBN 978-5-87612-126-6

Альманах «Дон и Кубань» № 2 (17) декабрь 2013 г.

Издатель: Ростовское РО ОООП «Литературный фонд России»

ООО «Издательство «Донской писатель»

Над выпуском работали:

Редакторы Атланова Н. С., Баштова К. Н., Склярова М. Г.,

Студеникина Г. В., Ханин И. Д.,

Художник Никулин М.

Вёрстка Анистратова В.

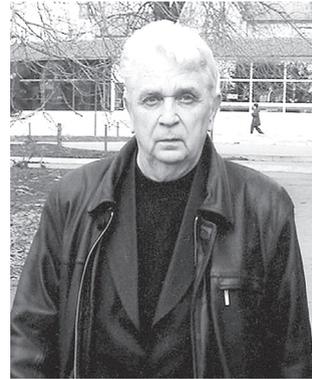
Директор издательства Береговой А.Г.

Тираж 900 экз.

т.ф. 8-918-599-67-51; 8-988-567-43-95; 8-918-854-80-59

e-mail: donpisatel@yandex.ru

Владимир Барвенко
член Союза писателей России
г. Шахты Ростовской области

Дыхание Гогафы

Роман

(Окончание. Начало в №2(15), 2012 г. и №1(16), 2013 г.)

Часть третья

13

Позвонил тесть.

— Живой, зятек? Ни слуху от тебя, ни духу. Как стал «вождём краснокожих», так и возгордился. Хотя бы брякнул больному старику. Иль уже не нужен?

— Ну что вы такое говорите, Сергей Сергеевич? Но вы правы, события увлекли.

— Читаю газетки про твоё пламенное выступление перед ветеранами. А чего ж меня с Эльвирой не пригласил?

— Я посчитал — вам по статусу ближе общегородское собрание. Там без вашей парторганизации никак нельзя, — едва нашёлся я. Что говорить? Виноват, забыл — этот вал событий накрыл с головой.

— Да не был я ни на каких собраниях. Хвораю. Опять проблемы с поджелудочной железой, а под нож не хочу, — вздохнул тяжело старик, — Элька уговаривает. А ты молодец; похоже, в своей организации ты гвоздь. Правильно, молодой — мути, пока силы есть. Жениться-то не надумал ещё?

— А почему вы спросили? — удивился я.

— Да так, слушок прошёл, что видят тебя частенько в исторических местах. И с дамой.

— Понял. Галя? — улыбнулся я себе. — Пошто ревнует?

— Да не то чтобы, ты же знаешь, она упёртая, из неё слова не вытянешь. Но думаю, если бы ты сейчас постучался к ней, она бы открыла.

Тут у меня возникло подозрение, что тесть звонит по наводке Галины.

— Прошло, Сергей Сергеевич. Не совсем, конечно, но главного нет.

— Да это я так. Она ж со своим окончательным зад об зад, так скажем — с юридическими подробностями. Но и заскучала малость. А я ей говорил когда-то: близок будет локоток, да не укусишь. Жалко мне её, дочь она мне. И внуку жалко — твою копию. Видно, что-то осталось у неё к тебе, коль дочка так вот в тебя оформилась.

Я промолчал. Конечно, сердце тонюсенько отреагировало. Но я вдруг подумал: «Как давно это было!»

Я тепло попрощался со стариком, пожелал ему скорейшего выздоровления и встречи на даче.

— Что-то на душе хреново, — ответил Сергей Сергеевич и положил трубку.

Приближался день рождения Анюты, а я всё никак не мог найти удачного момента прокатиться с ней в ювелирный. Она на работе, и у меня дни грузёные. Но тут позвонил из деревни отец и сказал, что до конца месяца должны приехать молодые, то есть брат мой с женой и детьми. Это был очень хороший повод представить всей семье свою новую невесту, да и, само собой, меня раздирало любопытство, какие они получились, племяши мои Иван да Марья. Обо всём этом я и рассказал Анюте.

— Значит, ты меня повезёшь на смотрины, — то ли спросила, то ли утвердила Анюта, так и сияя от счастья.

— Где-то так. Я тут никак не могу выбрать тебе подарок в ювелирном. Хочу перстень с каким-нибудь камушком.

— С прицелом на обручальное, — смеётся Анюта. — Ну, это просто. Поедем, выберем. — Значит, пока перстеньк...

И мы поехали и выбрали.

— А ты себе разве не купишь колечко? — хитровато спросила Анюта.

— Я однажды уже покупал заранее. Так скажем, запасом. Что получилось — ты знаешь.

— Ну ты мудрец! Все мосты не сжигаешь, — посерьёзнала вдруг Анюта. — Уже никакого чуда не будет.

— Да нет уже никаких мостов. А тем более — чуда. Старею, наверное. Начинаю верить в приметы. Свадебные кольца надо надевать только на регистрации. И пусть Господь примеряет. Тогда и снимать тяжелее.

— И откуда ты всё знаешь, Апраксин?! — так и воскликнула Анюта.

— Опыт. И давай тут сделаем паузу. Все торжества по случаю твоего дня рождения проведём в деревне. Тебе понравится. Так что бери отгулы или за свой счёт. Ну и как только, так сразу. Я уже принял решение.

— Да всё я уже сделала, — обняла меня Анюта и вдруг заплакала. — Не прошло и пяти лет. Ты же понимаешь, какое-то время я ещё держалась на своих прежних чувствах к мужу-жениху, а потом как-то в одночасье рухнула в тебя, как девчонка. Сколько бессонных ночей, сколько слёз...

— Об этом нельзя признаваться мужчине, — искренне посоветовал я, чувствуя вдруг боль в сердце. — Ну разве что в крайнем случае.

— Вот он и наступил, этот крайний случай.

Вечером того же дня я позвонил родителям. Узнал от отца, что молодые уже выехали и, по всей видимости, завтра будут дома.

— А ты что решил? Подъедешь? — спросил отец.

— Конечно, но не один, с невестой. Вот так следом за Фёдором и прикачу.

— На своей машине?

— Само собой. Очень уж хочу увидеть племяшей. Ну и вам показать молодую.

— Ждём, сынок, с нетерпением, — перехватила у отца трубку мама.

Я взял у своих клиентов на несколько дней отпуск и предупредил о своём отсутствии Батищева и Пахомыча. Сторож решил мне на дорожку сосватать свежей крольчатины.

— Никакого отказа не принимаю. Готовлю парочку тушек к твоему отъезду. Не бойсь, всё обработаю по уму. Чтоб меня за столом добрым словом вспоминали, — тархтел в трубку Пахомыч. — А родителям скажешь, что от корней крестьянских не отрываешься. И вот имеешь своё хозяйство.

В тот же день Кондратий Пахомович привёз мне пару свежеобработанных тушек. А на следующий мы выехали. По дороге нас застала гроза и по-майски жадный ливень. Впрочем, гроза продержалась недолго.

— Это к счастью, — заключила сияющая от радости Анюта. Кажется, она всерьёз, в деталях приготовилась к встрече. Лёгкий брючный костюм, макияж, причёска. «И то верно: родители — это святое», — подумал я, откровенно любуясь подругой.

— Кстати, мужчина, потом вам предстоит ещё и ответственный шаг, — завоображала Анюта.

— Да знаю я, знаю. Просить руки у родителей дочери, — поощрил я её. — Ну, я готов. Мне после Афгана ничего уже не страшно. Я даже и мэром могу стать. Ты хочешь, чтоб у тебя муж был мэром?

Тут Анюта как-то потупилась и глаза её внезапно заполнились слезами.

— Я боюсь, Апраксин, — прошептала она. — Тревожно мне что-то.

В деревню мы приехали под вечер: солнце уже безо всякой задержки валило к горизонту и плотный за Доном перелесок барахтался в воде буровато-зелёным плюшем. Здесь тоже днём пробежала галопом гроза, и от реки пряно тянуло настоящей на травах свежестью.

— Красиво тут у вас, — глядя на открывшийся простор, сказала Анюта. — А воздух, как говорят, хоть на хлеб намазывай. Счастливый ты, Апраксин. Родиться в таком месте! Представляю, какое у тебя было детство.

— Согласен: природа, речка... Но в детстве что главное? Свобода! Хотя знаешь, мы с братцем не сильно ею злоупотребляли. Нас родители держали в крепкой узде. Особенно отец. Домашнее хозяйство... Хлопоты.

— Отец-то порол? — рассмеялась Анюта.

— Меня нет, а братца — было. Но нам, пацанам, достаточно было одного его взгляда.

— Ну вот поэтому вы и стали офицерами, — с чувством заключила Анюта.

— Понятно, рано нас «строить» начал, — усмехнулся я.

— А сейчас про деревню говорят или плохо, или ничего. Народ на селе спивается. Колхозы разорились. Что там теперь у вас?

— Фермеры недоделанные. Не все, правда. Есть и с башкой. Время такое. Но поля-то, как видишь, засеваются. Отец говорил, что землю поделили по паям. Всем членам колхоза. Хочешь — сдавай в аренду, хочешь — сам обрабатывай. Наши пока не определились. Да и не до того. Мать часто хворать стала, — сказал я. И, кажется, на этих словах я подогнал «жигулёнка» к усадьбе. Глянул на часы — шестой. А у ворот никаких признаков гостевого ожидания. Наверное, брат ещё не приехал, — в сердцах подумал я. И в этот момент калитка открылась, и вот он — братец при всех офицерских доспехах.

Обнялись. Я познакомил Фёдора с Анютой.

Брат сказал, откровенно обласкивая взглядом Анюту:

— Красивая у тебя невеста. Но глубоко не завижусь — моя Варюха — это моя Варюха.

— Так, офицер, пожалуйста, не сбивай с толку, лучше доложи обстановку. Извини, братуха, не по долгу службы.

— Докладываю. Малые мои спят. Кажется, и моя Варюха с ними прикорнула. Мы вас ждали-переждали. Старики в летнице возятся. Я вас случайно заметил. Вот едва успел китель набросить.

Тут я только заметил, что вместо брюк на Фёдоре спортивное трико.

— А ты уже майор, братуха. Рад за тебя.

— Ну, если раз в пять лет видется, то в следующий раз уж точно генерала встретишь. — Но тут вдруг глаза его потеряли блеск. — Или не встретишь. Радости-то мало, Гаврюха. Потом как-нибудь... — Фёдор подозвал меня ближе, откинул китель и поднял тельник. Тут я увидел огромный, свежий ещё шрам на правой стороне, чуть ниже рёбер. — Кусок печёнки в горах Кавказа оставил. Спецуха. Ну ладно, не буду сразу грузить. Это я тебе — старики про это не знают. Проходим в дом...

Я всё-таки не выдержал.

— Неужели Кавказ — так серьёзно, Федя?

— Да всё там путём. Тлеют себе угольки, вот-вот полыхнут. Что, телевизор не смотришь, как нас чечены «добрым» словом порют? Товарищ генерал Дудаев пошёл в отрыв, герой хренов... Если в этом году не полыхнёт Кавказ, то в следующем — точняк. Бикфордов шнур уже запалили. Ну всё. — Фёдор поднял руки. — Вот тут у порога и заканчиваем политику. Старикам знать не надо. Всё у нас хорошо, как в той песенке про прекрасную маркизу... Так что загоняй свою «копейку» во двор.

Первой увидела меня мать; она держала в руках какую-то посудину, уронила и бросилась со слезами мне на шею.

— Мам, ну что ты?! Я с тобой всегда на связи. Не надо. — Но материнские слёзы унять трудно.

Ситуацию разрулил отец:

— Цыц, хватит! С войны, что ли? Весь дом на ноги поставила. Сначала по одному слёзы пускала, теперь по другому. Радоваться надо. Поди ж не с фронта. Пацанов разбудишь.

— А они уже проснулись, — возникла в дверях Варя, жена Фёдора. И мне: Здравс-те, приехали?..

Она подала мне руку.

— Ты чё руку подаешь, а ну целуй родича! — смеясь, приказал Фёдор.

Варя, смущаясь, прикоснулась к моей щеке губами. По-моему, с того далёкого уже момента нашего знакомства она ничуть не изменилась... Как была девушка-подросток, так и осталась. Потом Варя подала руку моей Анюте.

— Вы Аня, да? А я Варя, жена вот этого командира.

— Варенька, это моя невеста, — поддержал я Анюту, которая от такого напора как-то потерялась, и я, кажется, на одном дыхании представил её и родителям: — Анечка, моя невеста. А это мой отец Алексей Петрович и мама Евдокия Ивановна.

Анюта пожала руку отцу, а маму поцеловала.

— Может, пока с дороги перекусите, а потом уж серьёзно будем ужинать? — спросила мать.

— Какая еда, мама? Дай отойти от волнения, — сказал я и вдруг вспомнил про эти окаянные тушки кроликов. Кстати, родители, я там привёз крольчатинки. Возьмите в работу. Из собственного хозяйства.

— Ты держишь хозяйство? — удивился отец.

— Ну, у меня же дача. Вот на ней устроил маленькую ферму, выращиваю кроликов. Это пока первые. — Тут я и сам не понял — говорю ли я всерьёз или в шутку.

— Ты, боевой офицер, выращиваешь кролов?! — покачал головой отец. — Ну, времена...

— Папа, успокойся, — рассмеялся я. — Основной работе это не мешает. А увлék меня дачный сторож. Он и приглядывает, и заготавливает корм, я только финансирую этот проект. Мясо диетическое. Сейчас, например, к застолью. Я ж не должен отрываться от деревенских корней.

— Ну молодец, ну широко! — то ли согласился, то ли съехидничал отец, и тему кролов на этом закрыли.

— Ладно, добре. Все перезнакомились. Теперь маленько отдохните — и за праздничный стол. Мы с мамой — в летницу. Позовём, — распорядился отец.

— Может, на Дон? — предложил я Фёдору. — Ополоснёмся.

— Какой там Дон! Ещё вода после разлива не спала. Грязная. Несёт мусор. Я ходил. Лучше в душ, он на мази.

— Понял. В душ так в душ... — согласился я.

— А можно к маленьким? — осторожно спросила Анюта, обращаясь то ли к Фёдору, то ли к его жене.

— И я хочу посмотреть на племяшей, — сказал я, и мы дружно вошли в некогда мою комнату.

Два премилых куклёнка сидели в коляске. Они смотрели на нас одинаково — чёрными ягодками глаз, в которых восторг и любопытство одновременно. Мне они показались совершенно на одно лицо. И я спросил:

— А кто из них кто? Они ж как две капли воды.

— Это на первый взгляд. — Тут Варя вытащила из колыбельки ребёнка. — Смотрите — это девочка Машенька. Какие у неё губки и глазоньки большие и внимательные!

Между тем Фёдор достал другого, ухмыльнулся:

— А у пацанов дурь, похоже, с младенчества. Вот, гляди, складочки на лобешнике. Упёртый растёт.

В самом деле, когда детвора разобралась родителями, разница стала более-менее видна.

— Поддержать можно? — спросила Анюта у брата.

— Да пожалуйста, — передавая ей ребёнка и озорно подмигивая мне, проговорил Фёдор. — Порепетируй.

Тут я заметил, как в глазах Анюты мелькнула грусть. Она держала малыша на руках и улыбалась как-то совсем ново. В эту минуту мне очень хотелось её поцеловать.

— Так, гости дорогие, — вошла в комнату мама. — Потихоньку продвигаемся в палисад. Можно и мальшню на воздух. Чего тут в духоте сидеть?

Все вышли в палисад. И в итоге «всем миром» там и накрыли стол. Мы с братом немножко, для зачина, порисовались в форме, но потом сняли: надвигающийся майский вечерок оказался душным... Первый тост за приезд, за встречу, а вторым — поздравления с днём рождения принимала Анюта. Варя с Фёдором подарили ей французские духи, а мама достала свою гордость — пуховую шаль. Откровенно говоря, эту шаль ей вручили сотрудники, когда провожали её на пенсию, но уже тогда она решила, что обя-

зательно преподнесёт её какой-нибудь своей невестке. По случаю. Она набросила на плечи Анюты шаль, и та вдруг от волнения заплакала.

— Чего ты плачешь? У меня ещё есть. Подарок от Гаврюши, Афганский, — сказала мама.

— Ну а ты, брательник, что своей любимой подарил? Озвучь командованию.

Тут Анюта с гордостью показала пальчик с моим перстеньком:

— Пока вот это.

— А я ждал обручальное, — состроил хитроватую мину братец. — Или мы по принципу: как только, так сразу?

— Именно... — не стал я развивать тему.

...Сидели допоздна. Пока уж комары совсем не осатанели. Варюха успела не только уложить маленьких, но даже и приспать. Мама по какой-то надобности забрала Анюту в дом. Отец по этому поводу заметил:

— Повела невестку на инструктаж, чисто дамский. Познакомит, сын, её с фактами твоей биографии. Уверен, что сейчас будет показывать твои детские фотографии.

— Стораю от любопытства, — сказал брат и на цыпочках подкрался к окошку. Только и покачал самодовольно головой: — Так и есть, фотографии показывает.

Выпили между собой «на посошок», и Фёдор пошёл к своим ребятам, а отец сказал мне:

— Ты, Гаврюш, не обижайся, но мать по моей команде постелила Анне наверху, а ты будешь спать в низах. Я понимаю, конечно, вы когда вместе — как хотите, но дома, до свадьбы...

Тут я взял руку отца:

— Понял, папа, развивать не надо.

— И ещё, сынок. Ты в девице-то своей уверен? Не получится как с Галиной? Правда, Галина и тогда манерная была, с характером, а эта вроде проще. Или я что-то не то говорю? Чему ты смеаешься?

— Да так. Себе. — Тут я посерьёзней. — Анюта, отец, горюшка хлебнула. Жених её, военный лётчик, на их свадьбе разбился. Нелепо так. Приехал Анютин школьный товарищ на мотоцикле поздравить молодожёнов, ну тот и попросил прокатиться... И в грузовик влетел. Анюта ребёнка потеряла.

— Видно, судьба её такая — с тобой быть, — заключил после паузы отец. — Дамочка-то она справная. Но ты же так Галку любил, а?

— Всё, папа, проходит, — обнял я его за плечи. — В одном я уверен: эта не предаст.

— Ну и слава Богу. Мы с матерью, можно сказать, своё благословение дали. Хорошего человека за версту видно.

...Уехали мы на следующий день. Вечером. Родители, как и положено, соорудили нам хорошие «харчевые» баулы. Мать не забыла и про крола. Зажарила в духовке.

В дороге я рассказал Анюте о своём разговоре с отцом. Та заметила:

— У вас там как-то надёжно.

...В тот приезд я остался ночевать у Анюты — просто инерция родительского дома требовала продолжения тепла.

Вечером следующего дня позвонил Батищев, я только проводил последнего клиента.

— Как родина, как близкие? Все живы, здоровы? — спросил Руслан после приветствия.

— Слава Богу.

— Благословение молодым дали?

— Само собой и в лучших традициях, — усмехнулся я себе.

— Надеюсь, на свадьбу пригласишь? Кстати, когда наметили? — вдруг в упор спросил майор.

— А ты веришь, Руслан, ей-богу, не знаю, — так и опешил я. — Пока никакой конкретики.

— По-хорошему после б нашей победы, — выдал вдруг майор. — Или уже невтерпёж? Беременная?

— Да нет пока ничего. — «Какая победа? Договаривались же по телефону только про любовь, — подумал я. — Чего мутить-то в открытую?»

— Ну, тогда нам сам Бог велел отметить нашу победу вашим бракосочетанием. потерпите?

— По-моему, командир, вы — «кремлёвский мечтатель», — сказал я и вздохнул.

— Ну, тяжело-то не вздыхай. Всё у нас впереди. А пока на завтра собираем Совет. Есть одно предложение. Как там у тебя с клиентами? Эдак часиков на пять у меня.

— Идёт. Если задержусь, то малость.

— Привыкать надо к дисциплине, капитан.

— Да я-то привыкаю. А вот некоторые упорно не хотят по телефону о любви говорить.

— Помню я всё, доктор, помню. Но это пока не тот случай.

На следующий день, как договаривались, я у Батищева. В штабе, мать его...

— Ты что, на меня в обиде, что я не шифровался? — смеётся, пожимая мне руку, майор. — Пока никакой прослушки нет. У меня человек в органах. Большой чин и свой в доску. Это, оказывается, не так просто сделать. Нужны серьёзные аргументы, масса согласований. Тем более, нашего главу там не крепко уважают. Конечно, лишнего болтать не будем. Но это уж когда оппонент наш совсем озверевает. Но сказать о победе — это же святое. Надо же начинать её притягивать за уши.

— Убедил, — улыбнулся я. — Но не глубоко. Собрание-то на какую тему? Или так, междусобойчик, чтоб не забывали?

— Тема очень серьёзная. Умные люди посоветовали мне начать выпуск газеты. Нашей, понял? А как ты считаешь, нужна? — спросил Руслан.

— Во всяком случае, не замешает. Но дело-то это, сам понимаешь, накладное.

— Да я последние портки заложу, чтоб этого деятеля стурнуть!

...В штабе в этот час собралось больше десятка офицеров — явное большинство Совета. По словам Батищева, остальные подгребут обязательно: дисциплина. Уже предупредили, что припаздывают. Я многих теперь знал лично, ещё по подготовке торжества к Празднику Победы и застолью, конечно. Добрая половина из прибывших была в гражданской одежде. Расселись.

Батищев, на правах председателя, придиричиво оглядел присутствующих и сказал:

— Редко встречаемся, господа-товарищи офицеры. Надо бы определиться с режимом работы Совета, установить график. Но это — если позволит сегодняшняя повестка дня. А пока очень важный вопрос. Я тут посоветовался с умными людьми — до выборов ещё хренова туча времени, а работать с населением уже надо. Есть мнение: выпустить свою газету. Я думаю, возражений не будет.

— Принимается, — едва ли не хором согласился Совет.

— Расслабляться не будем. Если постараться, то уже через месяц мы можем держать в руках первый, свежий то есть, номер нашей газеты. Я понимаю, дело это новое. У кого какие будут предложения?

В комнате зависает молчание.

— Апраксин, вы, как наш лидер, может, что-нибудь предложите? — прямо-таки командовал майор.

Я встал, неожиданно ловя себя на волнении.

— Я думаю, нам надо бы связаться с хорошими профессионалами, редактором, издателем для начала, — предложил я. — А вот название будущего издания можно уже опробовать сегодня.

Я сел.

— Уже имел разговор с издателем, только мы говорили не о характере издания, а о подготовительной кухне, — сказал Батищев. — Это раньше дело было хлопотное. ЛИТО, так называемая цензура, партийные органы, уйма всяких согласований. Сейчас просто.

— Сумма прописью! — выкрикнул кто-то из Совета.

— Совершенно точно. Я думаю, эту часть мы с моим бухгалтером разрулим. Поговорим пока о характере газеты. Какой она будет? И начнём с названия.

— «Патриот», — сказал кудрявый капитан с нежным именем Аскольд. Мне почему-то он запомнился по торжествам в банкетном зале, тостами своими оригинальными.

— «Товарищ»...

— «Наши задачи»...

— «Единство»...

— «Только вперёд»...

... Так и посыпалось отовсюду.

Тут поднял руку я:

— Руслан Георгиевич, любое название из предложенных имеет право на жизнь. Но я так полагаю, перед нами стоит сверхзадача.

— Именно, капитан.

— Нам нужна обратная связь. Газета ничего лишнего не должна пропагандировать. Во всяком случае, наша. Я понимаю, нам нужен такой орган, который не только бы слышал нас и доверял нам, но, главное, верил в нас.

— По-моему, офицеры, с выбором лидера мы не ошиблись, — польстил мне Батищев. — Предлагай.

— Ребята, давайте назовём нашу газету просто. «Вместе».

В зал ухнула тишина, и я почувствовал неловкость. Первым откликнулся всё тот же кудрявый капитан:

— То есть вместе с народом?

— А то с кем, с тещей, что ли? — подхватил незнакомый мне офицер, забившийся в уголок.

Возникла пауза. И вдруг дверь распахнулась и в комнату вошли ещё двое опоздавших офицеров.

— А вот мы сейчас у них спросим, какое название нашей газеты им нравится, — сказал Батищев.

Тут он озвучил все названия по мере поступления. Возникла пауза. И высокий суховатый подполковник заявил твёрдо, как-то даже авторитетно:

— Да тут, по-моему, ясно. Только «Вместе».

— Ну вот за такое название и проголосуем, — предложил Батищев.

Проголосовали единогласно.

— Итак, наша газета будет называться «Вместе». Тираж, я думаю, по мере приближения выборов будем наращивать. А пока пять тысяч экземпляров, — подводил итог Батищев. — Я думаю, как только завершим организационные работы по созданию газеты, так и определимся с периодичностью. Но я считаю, сейчас не реже раза в две недели. И, как мне советуют специалисты, — четырёхполосник, средним форматом. Будем считать, что это пока заявочные экземпляры. Посмотрим обратную связь.

Тут всё тот же кудрявый капитан встал и попросил слова:

— Товарищи офицеры, я некоторым образом имею отношение к печати. Я работал одно время в армейской газете. По крайней мере, знаю вёрстку. Дело это очень серьёзное. Нам надо подготовить пишущую братию, и в первую очередь из наших рядов. Вводить гононарду систему. Если уж мы хотим, чтоб нас читали и к нам потянулись.

— А чего ж ты молчал, родной ты мой? — тотчас отреагировал Руслан. — Вот тебе и карты в руки. Дерзай. Свяжись с местной пишущей братией. Только одно условие: каждое твоё движение — мне лично или вот нашему лидеру. Ну и Совет, конечно, будет обо всём в курсе.

Единодушным поднятием рук Совет утвердил главным редактором бывшего политрука, капитана Черных Аскольда Юрьевича. И, как показало время, при всём занудстве капитана, он оказался в нужном месте и, главное, в нужное время. В конце июня уже вышел первый выпуск нашей газеты «Вместе» под патронажем Совета воинов Афганистана и горячих точек. А рубрика «О личном и вечном» стала гвоздём каждого выпуска. Просто в ней были слышны голоса тех, кто вернулся домой «в цинке». Как-то удавалось бывшему журналисту-политруку топтать тропку к читательским массам на главном направлении — военной памяти и быте земляков. Газета от номера к номеру становилась всё более жёсткой.

Как-то Батищев в сердцах заметил мне, отложив в сторону очередной четырёхполосник:

— Надо бы капитану попрिдержать лошадей, а то выдует себя в свисток прежде времени. Или в аварии какую-нибудь попадёт ненароком.

Но капитан оказался на редкость упёртым.

— Я, товарищ майор, своё дело делаю. По-другому не могу. А вы — своё, пожалуйста.

— Вот наглец, — только и развёл тогда руками Багищев. — Но, кажется, «паренёк»-то наш мурый — глава — задёргался. Реагирует на общественное мнение; правда, с камнем за пазухой. Своих борзописцев настроил давать «наш ответ Керзону». И дают. Поливают наше воинство. По мелочам, дёшево. Значит, бить его можно? Как ты думаешь, Апраксин? Можно? — втолковывал он мне в который уж раз, откровенно, с мальчишеским запалом. Но я-то чувствовал, что такие наши уколы главе — как слону дробина. Хотя подобные дразги дали возможность газете увеличить тираж, и к августу он перешагнул семь тысяч.

Впрочем, в конце августа я с Анютой уехал на пару недель в Сочи. Во-первых, обещал, а во-вторых, я уже сам забыл, когда последний раз был на море. Кажется, ещё до Афгана, с Галиной. Мы решили остановиться в частном секторе, но нам неожиданно повезло: в санатории имени Орджоникидзе «случайно завалилась» пара путёвок, естественно, с хорошей доплатой. К нашей небывалой радости, в дополнительные услуги вошёл и курс процедур в Мацесте.

Анюта счастливоотреагировала:

— Это за моё долготерпение — свадебное путешествие авансом.

Конечно, теперь она уже совершенно не сомневалась, что акт бракосочетания близок и клиент не только созрел, но, кажется, уже перезрел. К концу отдыха она как-то заметно округлилась и что-то новое, мягко-вальяжное, появилось в её движениях. И по тому, как на неё заглядывались мужчины, я чувствовал, что надо бы поторопить время.

Когда мы уже возвращались, в поезде, она вдруг прильнула ко мне и шепнула на ухо:

— Крепись, Апраксин, у меня уже второй месяц задержка.

По-моему, я повёл себя глупо. Я как-то завис в восторге. И обыкновенно, буднично спросил:

— Ты думаешь, беременна?

— Ни о чём я не думаю, — обиделась Анюта. — Я констатирую факт.

— Я буду рад, если это «то», — сказал я, но, кажется, в пустой след. Анюта потупилась, потерялась. Только и сказала:

— Что будет, то и будет.

Бывают такие минуты, когда требуется совет кого-нибудь чужого, постороннего, и не для того, чтобы разубедить тебя в принятом решении, а просто для человеческого участия. Тесть ну никак не подходил на роль советчика в нашей с Анютой драме. Надо было немедленно назначать дату бракосочетания, ибо возраст моего ребёнка уже колеблется в пределах восьми недель. Но возникающее внутреннее сомнение, неуверенность, а главное — неожиданный страх тормозили меня изнутри. Чёрт возьми, какое-то нехорошее предчувствие останавливало меня каждый раз, когда я делал попытку позвонить Анюте и потащить в конце концов её в ЗАГС. И тогда я решил пойти в Свято-Троицкий храм к Анютиному однокласснику Олеся, то бишь отцу Олегу.

...В который уж раз с замирием сердца и даже страхом я миновал строй попросаек, автоматически ища глазами старика Рериха с дочерью. И в который уж раз убеждал себя в том, что мне просто показалось тогда. Конечно, этот всплеск фантазии — следствие контузии. В храме я купил несколько свечей и разнёс по иконам. Задержался у Богоматери, ища, однако, глазами отца Олега. Из «врат царских» выходили церковнослужители — молодые мужчины, а Олеся не было. Но тут вдруг кто-то тронул меня за руку, я обернулся — и вот же он передо мной, отец Олег.

— А почему один? — спросил он, просто подавая мне для приветствия руку.

Тут наши глаза встретились, и я вдруг поймал себя на мысли, что совсем недавно видел эти глаза. Чёрт возьми, что-то очень важное связано с ними — глазами этими.

— Я искал, то есть ждал вас, — искренне признался я. — Хотелось бы поговорить.

— Если личное, давайте выйдем на воздух: образа тоже свидетели, — хорошо улыбнулся он.

Мы вышли. Он провёл меня в глубь двора к лавочке. Сели.

— Я могу только подозревать, что вас привело ко мне. — Он пронзительно посмотрел мне в глаза, и я снова подумал о том, что совсем недавно эти глаза уже видел, но на другом лице. — Анна? У вас какие-то сомнения?

— Да, отец Олег. Но не в ней. Она беременна. И мне как-то страшновато.

— Ну, страх у вас, очевидно, оттого, что вы пережили собственную трагедию. И здесь не только Афган.

— Так вы знаете, отец Олег? — удивился я.

— Не называйте меня вне храма отцом, просто Олегом или Олесем, как вам будет угодно. Я могу только догадываться и прочесть что-то на вашем лице. У вас чувственные глаза, глаза человека, который, как говорится, хлебнул лиха.

— Кроме ранения и контузии, я пережил смерть дочери, ну а дальше всё посыпалось...

— Предательство жены, — вздохнул Олес. — Или что-то подобное. Да? И теперь вы стоите перед выбором. Я полагаю, Аннушка беременна и вас, вашу душу, сейчас посетили страх и неуверенность... Она-то ведь тоже перенесла горе, и не одно.

— В общем так. Извините. Но я вот смотрю на вас — это какая-то мистика. Вы всех так читаете?

— Я не читаю. Читает Господь наш, а мы его слуги, — очень уверенно и даже как-то строго произнёс отец Олег. — А вы отпустите ситуацию. Если Аннушка вам дорога, идите к ней, и немедленно. После того, что вы пережили и что пережила она, Бог вам даёт шанс. Под венец вам надо, дорогие мои, и это решит все ваши сомнения. Если думаете, ребёнок зачат во грехе, так нет же. Оба вы свободны и много страдали. Так что милости просим, и, как говорят в таких случаях, совет да любовь! Оставьте ваши сомнения.

— Спасибо. — Я уже хотел попроситься с отцом Олегом, как вдруг назойливый вопрос так и вырвался наружу. — Скажите, а у вас есть брат? Мне ваше лицо, и особенно глаза, кого-то напоминает; человека, которого я видел совсем недавно и который меня, кажется, потряс.

— А-а, — улыбнулся Олес. — Так вы ж, наверно, моего родного брата Артёма встретили в переходе, в центре.

— Да, точно! Он там торгует своими чудовищными поделками. Прямо скажу, талантливые штучки делает.

— А стихи он вам не читал? — как-то печально повёл глазами отец Олег.

— И стихи читал. Экспромт. Я так удивился! Может, я чего-то не догоняю, но кажется, его тоже увечил Афган.

— Да. И он, и вы пригубили из сей чаши, — вздохнул отец Олег. — И тут уж не знаю, кто больше. Студент Суриковского училища, подающий надежды живописец, скульптор, и вдруг — госпиталь в Баграме. Погребальный взвод. Пайщик. Каждый день цинковые гробы... Изуродованные тела. Только что живой.

Здесь отец Олег отвернул от меня лицо и перекрестился на купола. Обернулся.

— Ступайте с Богом. Это хорошо, что вы пришли. Кланяйтесь Аннушке, хорошему человеку. А вообще, друг мой, каждому на этой земле Господь отмеряет по силам его.

И пошёл от меня в глубь церковного двора.

...Через неделю мы с Анютой расписались в небольшом зальце обычного районного ЗАГСа, остро пахнувшем канцелярией и плотным, устоявшимся духом человеческого волнения. В одном из отверстий брачного ритуала обменялись кольцами. Торжество с настоящим подвенечным платьем, роскошной колесницей с тройкой гнедых у Свято-Троицкого храма и, конечно, толпою гостей решено было перенести на более поздний срок, а точнее, на следующий год, ближе к весне, когда наступит во всё ясность. Ведь никогда не поздно встать под венец в храме и попросить у Всевышнего благословения на любовь и верность. В роли дружки с моей стороны выступил майор Батищев, который явился на сей акт при полном параде и с завидным «иконостасом» наград на груди. А Анюта привела свою подругу — весьма приятную молодую даму, сотрудницу отдела, в котором работала. Потом с друзьями и близкими отправились на трапезу в ресторан с экзотическим названием «Метрополь». Родители мои приехать не смогли — поздравили телеграммой. «Мама прихварывает» — объяснил по телефону отец, зато родные невесты явились в полном составе. А вообще застолье было искренним, шумным, многолюдным. Хоть мы с Анютой от него и крепко устали. Поздней ночью «молдых», то бишь меня и Анюту, отвезли в лучшую гостиницу города и оставили в номере люкс — хотя бы в первую юридически брачную ночь постигать наконец, что значит в семейной жизни это самое «горько».

В номере, заваленном цветами и подарками, мы провели двое суток, напрочь оторвавшись от мира, от его проблем, и, кажется, впервые были безумно счастливы!..

Подарки и цветы потом перевезли Анюте на квартиру. Я взял лишь один букет роз к себе в общежитие. И ещё большую общую фотографию на выходе из ЗАГСа. Позднее я завёл её в рамочку и нашёл ей неброское местечко на стене. И, кажется, ничего не изменилось. Разве что ходить к Анюте я стал теперь на правах мужа. Конечно, надо было принимать какое-то решение и конкретно определяться с жильём, на чём, кстати, настаивал тесть, ибо моё такое «шаткое» положение вызывало у него лишь отрицательные эмоции. А после того как я сказал ему, что Анюта ждёт ребёнка, нерв наших переговоров ослаб и от звонка к звонку Сергей Сергеевич всё больше терял ко мне интерес. (Он до последнего надеялся на мой возврат к Галине.) И всё-таки жить постоянно у Анюты я не мог. Какая-то тяжёлая энергетика прошлого не отпускала. Надо было съезжать, а точнее, бежать из этого дома, — но квартиры в городе баснословно взлетели в цене, даже в пригороде. Мои сбережения, весьма тронутые свадебным ритуалом, не давали возможности даже с продажей Анютиной однушки приобрести двухкомнатную секцию в черте города. А продавать комнату в общежитии не имело смысла. Тогда мне придётся для работы что-то арендовать. Да и к моей-то лечебной «бэндежке», что ни говори, а клиентские тропки с годами найдены. Я, конечно, обо всех своих сомнениях рассказал шефу — Руслану Батищеву. Нетрудно догадаться, каким был ответ: — Вот победим — и выберешь всё что захочешь.

Я только усмехнулся: «Ну да. Ещё чуть-чуть — и я поверю в чудеса...»

14

Осень подкралась незаметно. Она всегда приходит в эти края на цыпочках. Жёлтые, красные, оранжевые листья — это уже поздний признак. В сентябре ещё жарко и лишь легонько знобит под вечер. В сентябре мы с Анютой каждый день гуляем в городском парке — она не любит двор; вероятно, это тот случай, когда ей ну никак не хочется встречаться с моей бывшей. Анюта стала суеверной и боится сглаза. Я отмечаю себе, что беременность немножко отяжелила её осанку и черты лица стали жёстче. Конечно, я поневоле сравниваю её с Галиной пикантного периода, и пока, с точки зрения женственности и какой-то особой магии, она проигрывает моей бывшей. К тому же у неё иногда вдруг проявится в характере капризность и даже раздражительность. Хотя, как врач, я отмечал нормальное развитие беременности и полное отсутствие элементов токсикоза, но всякий раз, уходя на ночёвку в общагу, я ловил себя на том, что и скупаю и волнуюсь за неё.

В конце октября под ногами уже шуршит листва и нет-нет да тронет лицо паутинка. Значит, всё — пиши пропало, не миновать длинных, заунывно-серых дождей. Потом вдруг блеснёт, как надежда, последний липкий лучик солнца — и вот уже и белые мухи, и первый тонкий ледок. Зима.

...К зиме наша организация подошла с достаточно увесистым списком общегородских акций и мероприятий в русле той самой скрытой агитации. И надо с уверенностью сказать, что работа с населением в основе своей строилась на искренности, человеческом доверии и доброй воле. Как-то так получилось, что само выражение «будущий избиратель» исчезло из нашего лексикона. И неважно, были это благотворительные акции, патриотические вечера, спортивные мероприятия или просто посещение больных и инвалидов. Конечно, редактор газеты Аскольд Черных поднаторел с очерками о славных трудовых династиях города: пресса-то строителей капитализма «с человеческим лицом» обходила стороной. Другие нынче герои — подающие надежды кооператоры, главы каких-то компаний и просто предприниматели. Но капитан упорно протаскивал на свои полосы «нашего избирателя». Как бы то ни было, но к декабрю тираж газетёнки «Вместе» уже составил пятнадцать тысяч, и это при еженедельном выходе. Во всяком случае, в наших рядах ещё задолго до официальной отмашки народ горел оптимизмом. Хотя все прекрасно понимали, что за спиной главы: дяди-толстосумы, необъятный административный ресурс, поддержка областных чиновников и масса других неограниченных возможностей. Конечно, Руслана Батищева это напрягало. Пока без экстренной помощи мы могли рассчитывать только на сознательность населения — а точнее, на чудо.

— Тут нужен профессионал, организатор, — однажды, на очередном рабочем заседании, сказал Руслан. — И не просто, а очень опытный политтехнолог, до мелочей знающий эту кухню изнутри. А то сварим мы тут, братцы, супец из топора.

На следующий день после того нашего памятного заседания Батищев связался с Москвой. Копнул по старым связям. А через неделю раздался долгожданный звонок из столицы: есть такой человек! Не то что мастер избирательных технологий, а виртуоз. Постигала технологии за бугром, в буржуазных странах. В общем — дока! Один недостаток — дорого стоит.

— Ну что ж, поскребём по сусекам. Ва-банк так ва-банк, — с весьма угрюмым выражением лица подвёл итог майор.

В декабре мы с Русланом посетили избирком и получили все необходимые инструкции для участия в выборной кампании. И самое главное — претенденту на пост главы администрации для участия в марафоне необходимо набрать не менее тридцати тысяч подписей жителей. И чем быстрее мы это сделаем, тем раньше меня регистрируют в качестве кандидата, а значит, автоматически удлинится срок нашей агитационной работы. Ко всему прочему, мне официально требуются доверенные лица. Но с этим оказалось проще: в мою поддержку выступили Герой Советского Союза, заместитель председателя Совета ветеранов Великой Отечественной войны бывший лётчик Сергей Катков и олимпийская чемпионка Вера Панкратова.

Однако, несмотря на участие в моей судьбе Сергея Ивановича Каткова, в его ветеранской организации мнения о претендентах разделились — уж больно много внимания нынешний глава начал уделять ветеранам и их семьям. Официальная пресса, в том числе и «Вечёрка», трещала о благотворительных акциях главы, чуткости и милосердии. Эта неожиданная активность чиновников так и бросалась в глаза. Где-то чинились крыши или мостились тротуары. И это вопреки всем погодным условиям.

Батищев по этому поводу заметил:

— Засуетился Витёк. Пенсионеры — самый голосующий электорат.

Впрочем, сбор подписей в мою поддержку прошёл на одном дыхании. Мы подключили всех кого можно: привлекли студентов и учителей, так что в рекордно короткий срок, считай за две недели, было собрано нужное количество подписей, да ещё и с запасом. Одним словом, к середине декабря аккуратные стопки с подписными листами уже лежали на столе секретаря избирательной комиссии. А ещё через неделю меня регистрировали в качестве кандидата и торжественно вручили мандат. Естественно, под фотовспышками корров газет, объективов телекамер и толпы журналистов. Я, конечно, волновался, зато Руслан ликовал: «Мы — первые!» И наверное, это был тот случай, когда «наутро я проснулся знаменитым».

...Сразу после новогодних праздников мы едем в аэропорт встречать из столицы «известного в узких кругах» политтехнолога, который, по мнению тамошних специалистов, всё разрулит «по науке» и в нас, провинциальных несмышлёнышей, вдохнёт свежие силы для борьбы и победы. «Им» оказалась дама неопределённого возраста, довольно высокая и тощая, с мелкими стервозными чертами лица и архаическим перманентом на голове. Когда я увидел её среди прибывших московским рейсом, меня посетила такая тоска, что хотелось зажмуриться от безнадёги. По-моему, и все мои коллеги, ожидающие эту даму, испытали то же самое. Её звали Ефросиньей Карловной Файн. Приближался «час пик» в заключительной фазе регистрация кандидатов — представителей партий и движений, и вот нам в подарок такое чудо! На встречу прибыли подполковник запаса Александр Николаевич Антипов, накануне избранный начальником штаба, его заместитель, тоже подполковник Пётр Петрович Челноков, ещё год назад работавший управляющим делами в администрации, юрист (это было ценное приобретение), Руслан Батищев и я. Все по данному поводу принарядились в форму. Но такое количество господ офицеров ничуть не удивило московскую гостью... «Если у неё окажется ещё и скрипуче-стервозный голосок, я определённо выпадю из темь» — подумал я в сердцах. Но, к счастью, голос оказался единственным утешением: он был благозвучен, мягок и даже участлив. Знакомая, дама пожимала всем руку по-мужски крепко и сносно улыбалась.

Дошла очередь до меня, и она, задержавшись на мне взглядом, сказала:

— Я полагаю, это вы претендент на роль главы?

Ей-богу, от неожиданности я потерял дар речи, а Руслан за моей спиной воскликнул, разбавляя возникший напряг:

— Ну вот видишь, тебя сразу и вычислили. Хорошая примета.

Гостья с достоинством высокого профессионала промолчала.

После процедуры получения багажа прибывшей — обычной спортивной сумки — Батищев, принимая вещи, предложил:

— Может, с дороги перекусим, а потом в гостиницу?

— Можно, — живо согласилась гостья. — Только прошу без ваших провинциальных изысков. Любое недорогое кафе. И вообще, никаких широких жестов. Я этого не люблю.

На лице Руслана нетрудно было прочесть разочарование, а юрист Челконов шепнул мне:

— Кажется, нас будут строить...

— А может, даже пороть, — подхватил я.

Однако Батищев на этот её выпендрёж ответил с непоколебимым достоинством:

— Едем обедать в ресторан «Утомлённые солнцем». Столик уже заказан. И по полной программе.

— Это как? По рюмочке за проезд? — так и заискились глазки у московской фурии.

— Ну уж это как получится. На земле тихого Дона по-другому нельзя.

...В гардеробе ресторана я помог гостье освободиться от её норковой шубейки. И, вместе с благодарностью, на лице её блеснула наконец улыбка. Тут она отпросилась у Батищева в дамскую комнату и исчезла.

А Руслан сказал:

— Лично мне такие фурии ближе. Эта будет землю рыть. И дело не в гонораре. Успех для таких дамочек — единственный смысл.

— Мудро, майор, — заметил юрист.

И мы, дождавшись Фросю, дружно распахнули стеклянные ворота и вошли в зал.

Нас встретил молодой человек в ослепительно белом смокинге с бабочкой и всеми ужимками подающего надежды актёра. Его круглое, с девичьими ямочками на щеках лицо укрывала улыбка праздника. Он с весьма почтительным лоском проводил даму и «господ офицеров» к месту торжества и пожелал всяких приятностей. Впрочем, стол уже был сервирован. И едва мы расселись за него, посыпались, как из рога изобилия, закуски.

После первого бокала красного вина — персональный заказ гостьи — некий напряг истаял, застолье мелкой рябью тронули разговоры на неопределённые темы. Просто держалось волнение, и я лично чувствовал себя рядом с Ефросиньей Карловной эдаким напрочь забывшим домашнее задание троечником. Но тут гостья принялась с удовольствием рассказывать о своей журналистской работе за рубежом, ещё будучи корром одного из центральных изданий Союза. Именно там, «на просторах гнилого Запада», задолго до всей этой российской «лабуды» она постигала азы настоящей демократии в выборных процессах. Она запросто сорила именами известных политических деятелей, нашенских и зарубежных, и мы определённо тащились от восторга. Впрочем, это не мешало нам уминать горячее, попивать водку и чувствовать себя превосходно.

Потом вдруг без всякого перехода мадам спросила, и почему-то Челнокова:

— А как тут ситуация у вас?

— Да нормальная ситуация, — опешил юрист. — Готовимся к борьбе.

— Готовитесь, господа офицеры, это хорошо, — гостья обвела всех занудливым взглядом. — А кто конкретно мне разложит весь пасьянс сил? Ваши должности в команде мне пока ни о чём не говорят. Что мы имеем на сегодня?

Тут слово взял Батищев и по-армейски чётко отрапортовал о том, что сделано штабом на сегодняшний день. Фрося внимательно выслушала.

— Встречи с избирателями начались? — спросила она.

— Да. Составлен и согласован с руководством предприятий и организаций график, — ответил Антипов. — Из информационных материалов пока ограничиваемся листовкой о личности кандидата. Биография, позиция, пара тезисов из программы. Мы её называли «Честь имею». И, конечно, на каждую встречу приносим нашу газету. В ней же и печатаем отчёты о встрече. А листовки готовим на конец агитации.

— Но, как показывает практика, эти фантики больших дивидендов кандидату не приносят, — проворчала Фрося. — Газета — это кое-что. А как реагирует оппонент? Главный, разумеется...

— Пока молчание. В его прессе основная грязня с коммунистами, ну и победные марши. Я тут кое-что держу в голове для популяризации нашего кандидата. Но пока озвучивать не буду, — сказал Руслан.

— Ну что ж, сохраняйте интригу. А вообще, для начала неплохо. Вы взяли хороший темп. Но не думайте, что всё так гладко и будет продолжаться. В любой момент может выскочить чёрт из табакерки. Вы понимаете, партия и её так называемая «демократическая детвора» идут в тесной связке. Не надо забывать и об интересах Москвы. Старые друзья — это старые друзья. Тем более ваш регион — стратегически важный участок. Ворота Кавказа.

... Тут эта самая московская Фрося с ходу назвала несколько болевых точек региона, указала на подспудные течения и уязвимые места. Коснулась она и перспектив нашего городского главы, и того, какие силы будут стоять за ним, и не только у нас в области.

— Так что борьба предстоит не на жизнь, а на смерть — это я говорю вам с полной ответственностью. И потом, дорогие мои бойцы, не надо сбрасывать со счетов коммерческую сторону вопроса. Здесь уже крутятся огромные деньги. Регион богатый. А если взглянуть на перспективу? Ваш глава некогда закончил Высшую партийную школу, и теперь его друзья — в центре, в правительственных креслах. «Новые русские». «Демократы»... Вот такая пока историческая расстановка сил, и не только в вашем регионе. Ну а партия, как известно, умеет хранить своих подлецов.

Понуро молчавший до этого Батищев вдруг нервно встряхнул головой:

— И вы согласились на такое безнадёжное мероприятие?

— Я готова была к этому вопросу, — живо улыбнулась гостья. — Я редко берусь за дело, не имея определённых козырей. — Тут Ефросинья Карловна обвела всех взглядом. — Чего приуныли, офицеры? Бить вашего богатыря можно, если будем играть по моим правилам. Забудьте о честных выборах. Это, мальчики, война. И я вам скажу, не на жизнь, а на смерть. Надо давать взятку кому следует? Будем давать. Покупать избирателя? Может быть. Только осторожно, умно, хитро. В лоб, о том, какие мы хорошие, — не прокатит. Конечно, мы будем стараться идти над пропастью без страховки. Пока хватит терпения. Так что этот месяц с хвостом выбрасывайте из жизни, чтобы потом однажды завести его в рамочку и сказать себе: «Мы это сделали...»

— Если б ещё и добавить: «И нам не стыдно», — тяжело вздохнул подполковник Антипов.

— А вы ждали, что придет из-за бугра тётя и скажет вам, что мы этого барчука одной левой? Так не бывает. Извините, мальчики, не тот нынче политический сезон в России. Как ни жутко вам это говорить, сама система благоприятствует таким вот деятелям комсомольского призыва. К сожалению, за ними будущее. А демократия? Ради Бога. Пусть будет демократия. Ельцин — национальный герой! Надо шархнуть по парламенту — какие проблемы?

— Всё равно будем бороться, — сказал Руслан. — Другого пути нет. Ну кто-то же должен.

— Вот это правильно, мальчики, — повеселела Ефросинья Карловна. — За этот ваш темперамент стоит и водочки выпить...

Вечером того же дня мы устроили нашу московскую даму в гостиницу. Прощаясь со мной, Руслан устало сказал:

— А бабёнка-то дело знает. Приехала подготовленной. Думаю, она не всё сказала. Будет раскрываться по ходу пьесы. Ну а как ты?

— Извини, старик, сколько это удовольствие стоит? — спросил я.

— Ты о Фросе, что ли? Тридцать за победу, пятнадцать за поражение. В баксах, конечно.

— Не хило, — удивился я вслух. — У тебя есть такие деньги?

— У меня есть надёжные друзья, которые спят и видят завалить этого козлика. Ну, надеюсь, после нашей победы ты же поможешь финансами?

— Каким образом? Из бюджета? Всё будет, майор, только по закону. В другие игры я не умею да и не хочу играть, — ответил я на одном дыхании.

— Конечно, по закону, — натянуто улыбнулся Батищев и подал руку. По-моему, я его огорчил.

...Зима выдалась на редкость морозная и снежная. Снег почему-то всегда шёл ночью, а утром город превращался в один огромный сугроб. Ни пройти, ни проехать. Дорожные службы явно не справлялись с таким нашествием, и это был, наверное, единственный случай, когда я радовался беспомощности властей.

С приездом Фроси мы поменяли место дислокации — теперь наш штаб находился на Комиссаровской улице, считай, в центре, в помещении бывшей детской молочной кухни со всеми нетленными запахами этого учреждения. Просто неказистый домишко не так давно приобрёл какой-то далёкий родственник Батищева и пустил нас с единственной целью: привести объект более-менее в порядок и, само собой, оплачивать положенные счета. Руслан сделал лёгкий косметический ремонт. И только в двух комнатах — начальника штаба и приёмной — поменял обои. Кстати, кухня располагала единственным телефонным номером, к нему подключили параллельный. Мебель и всякие мелочи Руслан доставил из своей автошколы. Даже дорожки постелил. Фрося отнеслась к помещению штаба, который больше напоминал контору по заготовке вторсырья, явно равнодушно. Ей и мне определили место в соседней с начальником штаба комнате, то есть приёмной, с приставным стульчиком для юриста Челнокова. Ну и, конечно, обеспечили нас этой самой параллельной связью. Чуть позже, когда количество посетителей на единицу измерения увеличилось, Батищев распорядился принять секретаря. Ей определили место в каморке напротив нашей комнаты. Секретаря, довольно эффектную длинноногую девицу, звали Лилия. Батищев вручил ей переносной радиотелефон и, по-моему, наделил её полномочиями совать свой нос куда не следует. А ещё чуть позже волевым решением нашего хозяина во всех комнатах на окна повесили шторы.

Фрося тотчас занудно отреагировала:

— Это пока единственное мудрое решение. — Секретаршу Лили она с ехидной ухмылкой приняла как неизбежность.

Теперь я ходил в штаб, как на работу. Пришлось уплотнить свой график и даже ослабить клиентуру. Познание выборных технологий шло параллельным курсом с моими встречами с населением. График таких встреч висел напротив меня, то есть рядом со столом Фроси, которая делала в нём свои пометки красным, зелёным и синим карандашами. Зелёный — высший балл. Его было явно меньше всех остальных. Разумеется, после каждой моей встречи шёл подробный «разбор полётов». Редкий случай, когда Фросе что-то нравилось; она всегда чем-то была недовольна, ворчала. Конечно, это угнетало меня. Но тем не менее процесс шёл. Пресса весьма положительно реагировала на мою кандидатуру. Мелкие уколы не в счёт. Первые, самые предварительные итоги опроса общественного мнения определили нам третье место. Вначале действующий глава, потом коммунисты и третьи — мы, но с небольшим отставанием от компартии. Моя раскрутка в прессе шла под грифом «незаурядной личности», способной составить конкуренцию любому лидеру. Тут были выражения и типа «плейбой, ворвавшийся в стихию большой политики», и «скромный военный доктор, который познал в Афгане, почём фунт лиха», и т. д. и т. п. Однако Фрося от таких перлов вовсе не тащилась.

— Лучше бы нас били, унижали. В России за убогих да несчастных — народ горой. Радоваться рано, — брюзжала она. И мне: — Часто не сори формой в связке с Афганом. Это война. Не только горе, а наше национальное безумие. Чаще в гражданке. И на листовках тоже. У тебя лицо далеко не уroda.

Впрочем, занудство Фроси по отношению ко мне не было таким уж очевидным. Иногда она меняла гнев на милость, и тогда общение с ней, как с весьма умным, интеллигентным человеком, было очень приятным. А вот её отношения с начальником штаба Антиповым явно не заладились. Она обвиняла подполковника во всех смертных грехах — от неуклюжести до тугодумства. И хотя Александр Николаевич весьма дотошно следил за процессом, чётко корректировал график и торчал в конторе едва ли не до полуночи, но в мелочах терялся, что-то забывал.

Иногда за Антипова вступался Батищев, но осторожно, неглубоко. Как-то он скал подполковнику:

— Саша, ну прими ты эту стерву какая она есть. Не рви душу. Спокойнее реагируй. Не навсегда ж это.

Мне тоже было жаль старого вояку. Надо было видеть лицо начальника штаба, который просто терял дар речи от напора московской фурии. И даже это его: «Ефросинья Карловна, ведите вы себя, наконец, прилично» — выглядело как отчаянная реплика выпоротого подростка. Хотя иной раз я диву давался, когда видел их вдвоём склонившимися над графиком встреч, и при этом на Фросю была брошена шинель подполковника. Вот уж точно — единство и борьба противоположностей.

Как-то в разговоре с Фросей я уронил, что проживаю в принципе в общежитии и в последнее время вообще редко вижу её со своей женой.

— Не поняла. Я слышала, она у вас беременна, — сказала Фрося.

— Ну да, — подтвердил я, не подозревая взрыва.

— То есть вы живёте порознь? — всё больше округлялись глаза Ефросиньи Карловны.

— После выборов будем решать все свои бытовые проблемы, — ничего не подозревая, объяснил я.

— Как после выборов? Да завтра эта информация просочится в прессу — и всё: можно закрывать нашу кампашку. Ничего себе заявочка! Человек претендует на должность главы, а сам живёт в общежитии, ну а беременная жена — где-то в однушке сама по себе. Нормально! — возмутилась Фрося. — Ну почему я об этом только сейчас узнаю? Но вы-то хоть прописаны у жены?

— Нет, в общежитии...

— О Боже! Ну вот я, как избиратель, задаю вам вопрос. Если у вас у самого, извините, ни кола ни двора, как же вы будете решать жилищную проблему в своём городе? Или начнёте с себя? Это же позор! Как вы оказались без квартиры? Позвольте, но когда-то же у вас было своё жильё?

— Было, всё было, Ефросинья Карловна. Это длинная история. После Афгана я развёлся с женой. Она не дождалась меня. Сошлась с другим. В общем, она ждала ребёнка. По-другому я не мог поступить. Взял чемодан и ушёл. Потом встал на очередь на жильё.

— Ну что ж, благородно. Жена ждала ребёнка от любовника... А что очередь? Обещали и не дали?

— Никто ничего не обещал. Я даже к самому главе ходил, просил как льготник. — Тут мне стало совершенно стыдно, и я отвернул голову.

— Господи, мама родная! — воскликнула вдруг Фрося. — Значит, этот гусь знает, что у вас ни кола ни двора! Не обижайтесь, мальчик мой, только, когда дело дойдёт до горячего, ваш квартирный вопрос у нас оттяпает столько голосов, мало не покажется! Сразу найдутся борзописцы, которые в вашу искренность не поверят, а нарисуют вас хромым многожёнцем, который скачет по бабым постелям и позорит честь мундира.

— Неужели всё так серьёзно? — попытался не согласиться я.

— Это, капитан, выборы. Это война без правил, — горячилась Ефросинья Карловна, нервно сминая в руке какой-то листок. — Нет, надо срочно решать проблему с нашим жильём.

Тут появляется Батищев, и Ефросинья Карловна валит его на пороге:

— Всё! Кампанию надо закрывать. В нашем договоре, Руслан Георгиевич, нет строки, что наш кандидат — бомж. Или вы считаете, что проживание в общежитии добавляет шансов?

Батищев, кажется, едва дотянулся до стула юриста Челнокова, сел. Возникла тяжёлая пауза.

— Не подумал. Пусть срочно выпишется из общежития и пропишется к жене. Когда нас регистрировали в избиркоме, на сей факт никто не обратил внимания.

— Это поначалу не обратили. Нужды особой не было. И потом, куда съезжать? В однушку к беременной женщине? Это что, умный манёвр?! Это завтра же станет достоянием общественности. Наш бездомный кандидат сначала бросил беременную женщину, а теперь, когда приспичило, упал ей в ноги. Это удар по нашей репутации и полный провал. Вы наконец поймите, что на войне как на войне. Надо срочно съезжать из общежития и переселяться в нормальное жильё.

— У меня нет столько денег, чтобы я мог позволить себе квартиру, — сказал я и вдруг почувствовал какое-то облегчение. Игры в мэра, едва начавшись, меня уже достали.

— Займи! Возьми в банке! Какая-то ж собственность есть?

— Есть. Старенькие «Жигули» и дача за городом.

— Ну, слава Богу, хоть что-то, — облегчённо вздохнула Ефросинья Карловна и взглянула на Батищева. — Или у вас есть какое-то предложение, Руслан Георгиевич?

— Банк — это долгая песня. Хороший риэлтор у меня имеется. Деньги я найду. Надо, капитан, однушку вашей жены срочно поменять на двухкомнатную с доплатой. Не обещаю в центре, но мой друг, риэлтор, что-то приемлемое нарисует.

— Три дня вам на всё про всё, — приказала Фрося.

— Маловато, но попробую, — ответил Батищев так, будто его только что поставили в угол. — А я хотел показать вам одну штуковину. Думал обрадовать. Помните, я обещал вам как-то? Сюрприз.

— О... Руслан Георгиевич! Ну давайте ваш сюрприз, — натянуто удивилась Фрося. — Одним больше — одним меньше...

— Тогда поехали, — странно усмехнулся Батищев.

Мы всем «комсоставом» штаба прыгнули в «Ниву» Руслана и помчались в центр. Сворачиваем на главный Социалистический проспект, и что я вижу: на фасаде центрального универмага мой портрет гигантских размеров. Я чинно восседаю в своём единственном гражданском костюме и с мудрым прищуром взираю на проходящие мимо массы. В салоне висит гробовое молчание. Первой подаёт голос Фрося.

— Да, вот тут вы меня удивили, Руслан Георгиевич!

— И как по делу, под этот взгляд звучит фраза «Только вместе!» — сказал Антипов.

— Ну а что наш герой, потерял дар речи? — улыбнулся мне Батищев.

— Ты где взял эту фотографию? — спросил я.

— Поскрёб по сусекам. Кажется, «мальчик-с-пальчик» уговорил тебя сняться в костюме. На всякий случай.

— А вы тут другой, — произнесла Фрося, явно довольная. — За такое лицо любая домохозяйка проголосует. — Похоже, Руслан Георгиевич, водрузить сюда этот портрет доставило вам немалых хлопот? Одно место чего стоило.

— Вот как раз с местом я решил просто. Директор универмага — мой давний друг. У него была долгая затяжная война с нынешним главой. Надо знать, чего ему стоило акционироваться, выскользнуть из «лапы». Если б не его московские друзья в правительстве, не видать бы ему универмага, а нам, естественно, вот здесь, на бойком месте, портрета нашего героя.

— А кто писал? — спросил я.

— Художники кинотеатра. Я хотел в военной форме, а мне рассоветовали. Талантливые ребята и взяли по-божески — из любви к искусству. В оригинале этого мудрого прищуря нет. Деталь, а как освежает?!

— Хотя одна приятная вещь за последнее время, — проворчала Фрося. — Тут я сдаюсь. Сильный пиар-ход. Кстати, я всё хочу спросить нашего героя. Вы-то верите в успех?

— А вы знаете, Ефросинья Карловна, — верю! Я паренёк деревенский, упёртый...

— Да, я читала страницы вашей биографии, — с улыбкой перебила меня Фрося. — Но тут одной упёртости мало.

— По крайней мере, она не мешает нашему делу, — заметил вдруг Антипов.

— Конечно, мой гуманизм от профессии. Это святое. Скажете, жёсткости маловато? Но не доставайте меня, господа хорошие, я могу и микстуру выписать, — очень конкретно произнёс я, так что на какое-то время в салоне зависла тяжёлая пауза.

— Ну что ж, слышу наконец голос мужчины, — подвела итог нашей экскурсии Фрося. ...Позвонила в штаб Анята:

— Тебя сегодня ждать? — после приветствия спросила она, и мне показалась в её голосе тревога.

— А что-нибудь случилось?

— Да нет. Просто соскучилась.

— Хорошо, я попробую сегодня пораньше, — маскируя радость, ответил я. Не озвучивать же свою озабоченность чужим людям!

— Жена? Скучает, наверное, — заметила Фрося.

— А то, — согласно кивнул я. — Мужик-то вечно командировочный.

— Не командировочный, а явочный, — съязвила Фрося. — Сегодня в графике окно, встреч нет. Пойдите к ней, порадуйте её нашим решением насчёт жилья. Может, и родители свою лепту внесут.

— А может быть?! Отец в загранку ходит на сухогрузе. Я и не подумал, — сказал я.

— Значит, какая-то валюта есть, — подвела итог Ефросинья Карловна и сразу живо припала к своим бумагам.

...По пути к Анюте я зашёл в продуктовый магазин, купил молока и хлеба. Это уже стало моей визитной карточкой.

Подставляя щёку для поцелуя, Анюта сказала:

— Как хорошо, что ты купил хлеб! Была мама, вот только перед тобой проводила. Наготовили всего, а про хлеб забыли.

На лице Анюты едва нашлось место улыбке. На нём как-то одновременно умещались досада и усталость. Шёл седьмой месяц беременности, и его величество малыш определённо отяжелял её. Но сшитый по спецзаказу халатик скрывал это и придавал осанке особую женственность.

— Как там наш маленький? — легонько тронул я живот. — Стучится?

— Редко. Жалеет, наверное, мамочку, — нежно улыбнулась Анюта. — Есть будешь?

— Позже. Ну как ты? — спросил я.

— Ничего. Нормально. С думой о вас двоих.

— Это хорошо. А я к тебе с новостью. Принято решение штаба срочно поменять твою квартиру на двухкомнатную. Выходить дальше к избирателю с пропиской в общежитии просто опасно. Фрося назвала меня бомжем. А прописку у тебя могут по-своему истолковать вражьи голоса.

— Умное решение. Тут я с врединою Фросей согласна.

— Батищев сказал, с доплатой поможет, но и у меня кое-какие деньги есть. И вообще, валить отсюда надо, — проговорил я в сердцах. — Родится маленький — не хочу я тут.

— Если честно, и я не хочу, — согласилась Анюта. — Думаю, папа поможет. Это же надо делать срочно?

— Ты будто читаешь мысли нашей Фроси.

— Я не только читаю, но даже и во сне что-то вижу, — вдруг изменилась в лице Анюта и бросилась со слезами мне на грудь. — Гаврюша, миленький, родной мой, откажись ты от этих выборов!

— Да что, что случилось?! — легонько оттолкнул я её.

— Я видела сон, Гавр, очень нехороший. Будто тебя убитого, ну, там, в Афгане, укладывают в цинковый гроб. Вот тебя уже накрыли крышкой, и какой-то чёрный с огненными глазами человек начинает запаивать углы. И тут я вижу, как огненная струйка подползает к твоей торчащей из-под крышки руке. А на пальце так ярко блестит обручальное кольцо. Я проснулась в ужасе. Сердце вылетает... Это нехороший знак. Что-то подобное я видела перед смертью своего первого. Но это ещё не всё. Я хочу дотянуться до твоей руки, а меня держат, не пускают к тебе какие-то люди и пытаются заткнуть мне рот, чтоб я не кричала.

— Успокойся. Ты видишь меня во сне мёртвым уже второй раз, — попытался улыбнуться я. — Значит, жить буду долго. Спала неудобно, интуитивно оберегая живот; в какой-то момент не хватило дыхания...

— Да понимаю я. Всё можно объяснить. Но есть же ещё и предчувствие. И потом, я всё так отчетливо видела. Может, ты всё-таки откажешься от этих выборов? — так и взмолилась Анюта. — Неужели вы там, в своём штабе, думаете, что этот фрукт так просто отдаст вам свой пост? Он на всё пойдёт. Ты же сам говорил мне — у него глаза волка. И ведь на самом деле — волка.

— И ты считаешь — это будет справедливо, что такие волчары опять станут нами руководить?!

— Нет, тебя определённо зомбировавала эта Фрося.

— При чём тут Фрося?! Люди устали от беспредела власти. Когда-то же надо начинать жить по закону. Всем! — Тут я улыбнулся. — Ну потерпи, родная моя. Ты же понимаешь, я офицер. Я дал слово. Да и не всё так плохо у нас получается. Люди меня хорошо принимают. А тут ещё Руслан повесил мой огромный портрет на здании универ-

мага. Это надо видеть! Ты знаешь, у меня появилась какая-то внутренняя уверенность. Ну разве тебе не хочется быть женой мэра?!

Анюта взглянула на меня — в глазах её стояли слёзы.

— Мне, Апраксин, не хочется быть вдовой. Я так долго тебя ждала... Я знаю, что такое терять человека...

Потом мы ужинаем, но внутренний напруг не проходит, а чёртов сон так и стоит перед глазами.

— Надеюсь, ты сегодня останешься у меня? — в упор спрашивает Анюта. — У тебя есть с утра встречи?

— До обеда — нет, а вообще есть, и целых две. Но я остаюсь. И ещё завтра Руслан обещал встречу с риэлтором. С утра.

Тут на какое-то мгновение перед моими глазами возникает мастер-иллюзионист из подземного перехода, и мозг автоматически отстреливает фразу: «Сегодня у тебя украли оптимизм...»

Утром я столкнулся с Батищевым у входа в штаб.

— А я тебя жду. Срочно едем к риэлтору. Уже звонил. У него сегодня полно дел, — сказал Руслан.

— Я готов.

Руслан был в кожаной меховой куртке. На голове вязаная шапочка, а вот брюки форменные. Он небрежно держал за угол глянцевою папку, и во взгляде его досада упорно соперничала с усталостью.

— Что-то, старик, я малость припотел. Сплю скверно. До полночи себя уговариваю заснуть. Жена ругается: «Ты себя этими выборами доведёшь до ручки». Завтра беру себе на помощь Ашота. Он будет вас возить на «жигулёнке» на встречи и вообще. Одной машины мало. Ашот-то меня временно на базе замещает.

— Как он там? Сто лет его не видел. Живёт с подружкой?

— Нет, давно разбежались. Не пришлась она ко двору его родителям. Но он молодец, ушёл достойно с хорошими, по-кавказски, отступными. А жену ему родители подберут по национальному признаку. — Руслан плотнее подтянул вязаную шапочку и улыбнулся. — По коням, мэр, к риэлтору. Он нас уже ждёт.

Риэлтор — высокий, достаточно элегантно одетый мужчина с проседью и взглядом больших серых глаз, непременно подающих надежду, — встретил нас у дверей своего кабинета широко. Руслан представил ему меня, и тот с жадностью пожал мне руку. В кабинете он как-то захлопотал, засуетился. По-мог нам раздеться.

— Кофе, чай? — предложил он.

Мы дружно отказались. Риэлтора звали Савва Игоревич Канцеленбоген. Он усадил нас на маленький диванчик напротив стола. Бросил на нос пенсне и замер перед большой амбарной книгой.

— Простите, друзья, вас как теперь называть — господа или товарищи? — спросил вдруг он совершенно серьёзно.

Тут мы с Русланом весело переглянулись.

— А как вам будет удобно, — сказал я.

— Напрасно, некоторым не всё равно. Я не так давно одного клиента назвал господином, так он, вы знаете, чуть мне физию не намыллил. Вы что себе, говорит, тут позволяете? А что я позволяю, друзья мои? Пришёл человек с улицы ко мне за помощью. Я его в глаза никогда не видел, ну какой он мне товарищ? Вот такая история. Конечно, Савва Игоревич, то есть я, человек долга. Мне плевать на свои нервы. Лишь бы клиенту было хорошо.

Тут он опять полистал страницы амбарной книги и озарился улыбкой.

— Руслан Георгиевич, это как раз то, что вам нужно. Двушка в очень хорошем районе. Это по Урицкого. Знаете, где сейчас строятся «новые русские»? Там как бы в город забегал лесной массив. Место чудесное. При Советах, извините меня, было принято решение сделать там вторые Черёмушки. Но успели построить только одну улицу. Четырёхэтажки. А потом началась революция, — как-то жалко сморщился в этом месте Савва Игоревич. — Стройки свернулись. И это козырное местечко тотчас прибрали к рукам «новые русские». — Там, кстати, и наш глава построил особняк. И я вам скажу, мальчишки, нехилый проект. Можно туристам показывать.

В этом месте его рассказа мы с Батищевым переглянулись.

— Итак, двушка, высокие потолки. Комнаты изолированные. Одна как раз смотрит на зелёный массив, то есть на имение главы...

Я усмехнулся и покачал головой. Кажется, Руслан меня понял.

— Но убитая, я вам скажу, напрочь. Там надо делать капитальный ремонт. Полностью менять сантехнику. В кухне полы ходуном ходят. Хозяин просит двадцать тысяч долларов и не может продать уже второй год. Максимум, сколько ему дают, — пятнадцать. Он уже и на обмен согласен. Думает выгадать. — Тут Савва Игоревич, хитро взглянув на нас, сказал: — А что б, ребята, вам не купить эту квартиру? Я думаю, пару штук он уступит. А вы свою однушку в самом центре города — уж если не за эти, то за пятнашку точно продадите.

— Пожалуй, этот вариант нам подходит, — согласился Батищев. — Пропишитесь, капитан, не спеша будете делать ремонт. Качественный. Как думаешь?

— Остаётся малость. Восемнадцать тысяч долларов, — поскущел я. — Их же надо сразу.

— Давайте адресок, — твёрдо сказал Батищев.

Риэлтор черкнул записку и подал мне с комментарием:

— Вот данные. Хозяин Андрей Андреевич Челышев. Адрес и номера телефонов. Домашний и рабочий. Да, забыл вам сказать. Третий этаж. — Тут он весело развёл руками. — Ну, третий — не четвёртый. А кстати, Руслан Георгиевич, вы должны этого Челышева помнить. По-моему, он раньше работал в органах. А сейчас на пенсии и где-то подрабатывает.

Мы встали, пожали риэлтору руки.

— Как решите, так — звончек мне, Руслан Георгиевич, на телефон доверия. Да не грустите, ребята, какие ваши годы! Вот власть возьмёте — всё будет ваше.

— Вы в этом уверены? — потерянно спросил я.

— Не сомневаюсь. От старого все устали. Коммунизм в прошлом. Да ещё эти ново-рождённые делеги. Узколобые. Ну кто, как не вы?

— Спасибо, будем стараться, — живо откликнулся Руслан.

А когда вышли, Батищев, глубоко вдохнув свежий морозный воздух, сказал:

— Приятно слышать. Верным курсом идём...

— А что это ещё за телефон доверия? — спросил я.

— Памятка. Я ему только авансик заплатил. Ну и от сделки само собой. Сейчас в штаб. Звонок этому Челышеву — и на смотрины. Надо ковать, пока горячо, — повеселел Батищев. — А я, знаешь, грехом подумал: вот прибомбим тебе квартирку — и интервью какой-нибудь городской газетёнке. И как бы между прочим: вот, мол, ко дню рождения ребёнка решили с женой расширить жилплощадь. Купили двухкомнатную квартиру. Уже начали ремонт... Ну как-то так.

— Ох и хитёр ты, гусь! — понял его я.

— Ну надо же как-то выкрутиться. А Фрося права. Что такое для нашего обывателя кандидат на пост мэра, живущий в общежитии? Бомж — он и в Африке бомж, — рассмеялся Батищев.

В тот же день мы встретились с этим самым Челышевым Андреем Андреевичем. Руслан узнал в сильно увядшем мужчине бывшего начальника вневедомственной охраны. Квартира в самом деле произвела на меня удручающее впечатление, но хвойный лесок сразу за дворцом главы был весёлым, и небо сорило такой синью, что жить хотелось.

Сильно не торговались. Челышев уступил на цифре «восемнадцать с половиной», и Руслан оставил ему под расписку тысячу долларов задатка. Через три дня общими усилиями сделку завершили, и риэлтор начал оформлять документы. О моих валютных сбережениях в сумме трёх с половиной тысяч у. е. пришлось забыть. Родители Анюты дали пять. Остальную десятку «изыскал» Руслан. Я нарисовал ему расписку. Он принял её неохотно.

...Через неделю я уже был прописан по новому адресу. И в тот же день я дал интервью в телевизионных новостях — эдаком калейдоскопе избирательного марафона, где на вопрос корреспондента: «Как относится супруга к тому, что вы один из лидеров гонки» — я ответил так, как надо: «Мы ждём пополнения, к тому же у нас появилась ещё одна забота — ремонт нового жилья. К сожалению, мне некогда этим заниматься, так

вот супруга по мере возможности руководит процессом. И надо отдать должное нашим друзьям и знакомым, помогают все. А что касается её отношения конкретно ко мне как к претенденту — она в меня верит».

И тут, честное слово, я если и слукавил, то самую малость, без ущерба для репутации.

Утром следующего дня, едва появившись в штабе, Фрося сказала:

— В вашей провинции о независимых средствах информации можно только мечтать. Вчера смотрела у себя в номере в вечернем выпуске новостей ваше выступление, Гавриил; мы официально были вторыми за действующим. Сегодня с утра те же новости поставили нас на третье место. Похоже, глава «надрал» директора телецентра и тот подкорректировал цифру. Поздравляю вас, коллеги! За минувшую ночь глава резко ушёл от нас в отрыв. Это по данным всё того же «независимого опроса».

«А о моём выступлении ни слова», — подумал я.

Только Батищев потёр руки:

— Значит, боится нас, фраерок!

— Хотя что я говорю, — усмехнулась Фрося. — Все эти рейтинги прописаны в Одессе на Малой Арнаутской.

15

С появлением Ашота наша длинноногая газель Лили так и расцвела. Водительский стул ожидания Батищев определил в каморке Лили, и с того дня за стенкой только и слышен был хохот Ашота и повизгивания Лили. Надо было видеть в такую минуту лицо Фроси.

— Чем они там занимаются? — ворчала она.

— Работой, — спокойно отражал я.

В самом деле, претензий к Лили не было никаких. Она аккуратно вела журнал посещений. Отвечала на бесконечные звонки и составляла для Батищева рапортчики. И потом, я знаю Ашота, он не любит играть в молчанку. У него на каждый случай жизни анекдот, а акцент и южный темперамент только усиливают впечатление.

...Интенсивность встреч с избирателями набирала темп. Фросин принцип — даже если в зале будет ждать нас хоть один избиратель, всё равно едем. Правда, такой крайности ещё не было. А вот встречи в холодных, плохо отапливаемых залах — очень часто. Но на наши мероприятия народ собирался, и, бывало, набивалось до отказа.

— Ничего удивительного, — спокойно комментировала Фрося. — Вы человек новый, неиспорченный. Вот и прут на новенького. А вообще нашему герою да какой-нибудь бы ещё скандалчик. Славяне любят обиженных. Пресса — это мелочи, на неё могут рассчитывать только нищие засранцы. Серьёзные люди копают глубже. Вы думаете, действующий глава так же, как мы, мотается по встречам? Ой ли! Только на те, где его встречают хлебом-солью. И в зале негде яблоку упасть. И каждая фраза отрететирована и в сценарии в скобках — «аплодисменты». Аппарат работает на обещания своим людям должностей, подкуп нужных лиц, ну и далее: афера при подсчёте голосов. Другое дело, если рейтинг лидера вдруг начинает категорически падать; тут, мальчики, тревога. А там, где тревога, — там, как правило, начинается паника. Как только на стол главы попадает листок с данными общественного мнения, что рейтинг его падает, а твой растёт, — жди звонка от главы.

— Вы думаете, такое возможно? — засомневался я.

— Поверьте моему чутью — это уже надвигается. По-русски говоря, ваш визави достал массы. Вот мелочь, а к зиме не подготовились. И тут у него два варианта. Идти на переговоры с лидером, чтоб снял свою кандидатуру, — раз. Обещать манну небесную или покупать предов комиссий — два. Надо же «правильно» подсчитать голоса. Власть, как ни банально это звучит, великое искушение. Вот такая картина... Репина.

— Грустно, — тихо, как бы себе, произнёс я.

— Жестоко, но такая пока есть демократия в России, хотя и за бугром не сильно лучше. Любую пакость готовы сделать, только б убрать конкурента. А честь, совесть, доброта — это прерогатива Гришек Добросклоновых. Надо готовить себя к жёсткости. Тут одной терапии, Гавриил Алексеевич, недостаточно. Хирургия и, как на войне, без сантиментов. Подкуп? А почему бы и нет?! Взятка должностному лицу? Да ради Бога! Кто не рискует, сами знаете... Хотя и бывали случаи редкой любви народа к оппоненту.

— И через всё это надо пройти, — то ли усмехнулся, то ли согласился я.

— А как по-другому? Взятся за гуж... Ну не всё так мрачно, друг мой. Вы становитесь от встречи к встрече народным героем. Это радует. Так что всё может быть. Но запомните на будущее: власть — это сладкая зараза. Власти, как и денег, много не бывает. — Тут Фрося, неожиданно рассмеявшись, приобняла меня. — Ну что, поколебала я ваш крестьянский оптимизм?

— Отчасти. А у меня есть выход?

— В данной ситуации — нет. Только вперёд. И не забывайте про мудрый прищур и, конечно, улыбку. Она у вас просто очаровательна.

... Январь уже наступал на пятки февралю; до часа «икс», то есть всенародного волеизъявления, осталось чуть меньше месяца. Страсти накалились до предела. В прессе среди отстающих кандидатов, в основном самовыдвиженцев, началась грызня. Попутно «с небес» свалились подмётные листовки, обличающие действующего главу во всех смертных грехах. Особенно, что касается собственности. Скромно заявленными в декларации объектами собственности градоначальника можно было только смешить народ. Его сагралы не переставали давать интервью оппозиционной прессе и обвинять всех и вся во лжи и клевете. Естественно, обиженный глава обратился в прокуратуру, и проверка «по делу» началась. Однако сам глава, рисуясь на экране телевизора, бодро улыбался и смело называл это провокацией или мышьиной вознёй. И ни слова в оправдание.

— Молодец! — восторгалась его поведением Фрося. — Прёт, как танк. Начни оправдываться — заклюют.

Какая-то газетёнка смеха ради объявила конкурс на самый худший рекламный ролик о кандидате. Победу одержал ролик, где глава даёт интервью в спортзале. Он, лежащий на спине, работает со штангой. И ехидная подпись: «С левой у него всё в порядке».

Эту газету принесла в штаб Фрося. Она каждый день приносит пачки изданий, что-то в них вычитывает и заносит в свой гроссбух. Однажды после какой-то очередной вычитанной ею статьи она сказала, победно поплёскивая глазами:

— Если не случится чего-то сверхординарного, мы его завалим. Это тот случай, когда трепетный страх его подчинённых даёт обратный эффект. Ибо известно: свита делает короля. Победа, как и поражение, имеет тенденцию тлеть. А ролик?! Какой неумный пиар! Да будь лидер хоть трижды силач, его нельзя снимать на спине.

Конец января «порадовал» нас злющими крещенскими морозами. В моей общаге температура держалась в пределах плюс пятнадцать по Цельсию. Народ сидел на обогревателях. Летели предохранители в электрощитках. Аврал за авралом, что-то я не помню такой суровой зимы. Иногда я ночую у Анюты, но спать «втроём» на полуторке становится всё сложнее. И тут я вспомнил о своей новой квартире. Сразу после покупки я пригласил девчонок из местного строительного ПТУ, и они мне выдраили квартиру по всем правилам. За презент, разумеется. И тогда мы с Ашотом перевезли в неё раскладушку, матрас с одеялом и пару комплектов белья. На всякий случай. И вот он настал, ибо единственное достоинство нового жилья на сей день — тепло. К батареям не притронешься. Надо полагать, к общей котельной подключён дворец главы, и тут уж никакой халтуры. Кстати, о главе. Теперь из окна моего третьего этажа я могу иногда лицезреть, как барин выезжает со двора на шикарной своей иномарке. Надо ж, такое соседство!

В один из подобных морозных и, как всегда, донельзя гружёных дней в штабе меня отловил Пахомыч. Я как раз читал почту с «наказами избирателей», которые привычно подбрасывает мне Лили. Фрося с юристом Челноковым отправились в избирком на очередную консультацию...

После крепкого рукопожатия старик сказал с лёгкой хрипотцой:

— Давненько не виделись. Я тут малость было прихворнул, но всё, слава Богу, прошло. Сейчас, я понимаю, вам некогда...

— А почему вдруг на «вы»? — улыбнулся я.

— Ну а как же? Вы, то есть ты, стал большим человеком. Главу этого, козляру, вот-вот свалишь. Народ только о тебе и говорит.

— Спасибо.

— А я по делу. За домом присматриваю. Иногда даже каминчик топлю. Кролы плодятся, жизнь у них такая. Любят они этим делом заниматься. Подрастает новый приплод. А корм кончается.

— Понял, — я полез за деньгами, достал. — Может, вы их продадите, Кондратий Пахомович? Ну когда мне ими заниматься? Да и вас они, похоже, достали.

— Жалко. Вот хотел в этот раз пару тушек вам, то есть тебе, привезти, но решил пока разведать — как тут да что? Доживём до весны, а там видно будет. Победу будешь отмечать — и вот оно к столу свежее мясо. Или забрезгуешь — как-никак глава?

— Вы, наверное, шутите, Кондратий Пахомович?

— Какие шутки? Я — глас народа. У нас на посёлке кого ни спроси, все только тебя и знают. Молодой, честный. Да и всё моё семейство за тебя горой. Надоел всем этот барчук.

— Так, Пахомыч, больше чтоб я не слышал на «вы». А то обижусь.

— Ну извини, я человек маленький, — как-то хитро втянул голову в плечи Пахомыч, — пожалейте его.

— Кондратий Пахомович, я давно знаю, что вы человек интеллигентный, в прошлом хороший мастер в ПТУ. И никакой вы ещё не старик...

Пахомыч резко изменился в лице. Как-то сразу поскуchnел, глаза мгновенно наполнились слезами.

— И даже учительствовал одно время. Физику преподавал. — Он сделал длинную паузу, как-то спрятал лицо. — Знаешь, да не всё. Да, я мастеровал в ПТУ. Я, между прочим, бронетанковое училище закончил, с отличием. Звание старлея имею. А в пятьдесят шестом году в Венгрии, когда бунт душили на корню, я отказался выполнить приказ. На броню, то есть по живому. Вот меня и под трибунал, погони сорвали и с волчьим билетом на гражданку. А у меня уже семья была, двое деток. Вот так я и «прихотвался» по жизни. Кем только не работал. И грузчиком, и могилы копал, даже на Дальнем Востоке с бандюками золото мыл. Как-то же растить надо было пацанов. В семидесятых малость ослаб пресс. Сняли меня, видать, с картотеки в органах. Попробовал в ПТУ мастеровать. Прошло, потом уже в техникуме физику преподавал. Я, Гавриил Алексеевич, как тот лесковский странник. Много чего видел, но на душе всё равно нежно. Вот так и дотянул до пенсии. И сразу в сторожа. Я от людей устал, извини. Пацаны мои разбегались по городам. Старший холостякует, ты же знаешь, разведённый. А у младшего, в Нижнем Тагиле, две дочки. Да рассказывал я тебе про них, и не раз. Ты в этой своей круговерти запомнил.

Я обнял Пахомыча:

— Спасибо, Кондратий Пахомович... За всё.

...Между тем накал страстей начал зашкаливать. В прессе — скандал за скандалом. На помощь кандидатам приезжают известные лица. Актёры, политики, крупные чиновники. Город вдруг ни с того ни с сего заполонила снегоуборочная техника, а от рабочего люда в оранжевых спецовках зарябило в глазах.

Багишев, весело комментируя ситуацию за окном, сказал:

— А я всё никак не могу догадаться, почему перестало вонять из мусорных контейнеров во дворе. Вот сразу и техника нашлась. Раньше-то один мусоровоз появится, как праздник, а тут их сейчас — как грязи.

— Выборы. Большая стирка, — пробурчала Фрося. — Изо всех сил наш паренёк хочет реабилитироваться перед массами. Но, похоже, это уже отчаяние.

Однако действующий глава резко поменял тактику. На телеэкране встречи сменяют встречи. Вот он в цехах завода, вот он в школьном классе, вот он у постели больного и т. д. и т. п. Даже с работягами пьёт чай и кого-то по-товарищески похлопывает по плечу, не меняя, однако, волчьего взгляда. И даже улыбается, широко, по-купечески: я ваш, люди добрые, ваш! Все ж мы вышли из народа...

Телевизор, постоянно включённый в нашей с Фросей комнате, после такого очередного просмотра программы «на выборной волне» хочется треснуть по башке, как нерадивого ученика. Кто тут считает эфирное время главы?! Пока он хозяин. Ау, претенденты, хотите протестовать?! Пожалуйте в избирком.

— Он думает, если завалил этой своей слащавой лабудой эфир — то народ уже строится в колонны к урнам, за него, родимого, — иронично комментирует Фрося. — Конечно, у него везде схвачено. Но такие вещи я видывала, тут сейчас куда ни плюнь — одни обещалкины. Россия. А что ж ты, милый, до этого мусорники не убирал? Собой занимался? Дворец себе строил?

И вот он, дворец, — тут как тут на экране. Это уже коммунисты с забралом. И глаза — анфас и в профиль у шикарного лимузина. И голосок ехидный за кадром: «Даёшь изычную жизнь! Помогите бедному на роллс-ройс».

...Февраль принёс оттепель. Зачастили дожди, на улицах и проспектах — реки. Оставшиеся рваные островки снега — не в счёт. Скоро весна.

В феврале интенсивность моих встреч с населением только возросла. Фрося связывалась с домовыми комитетами, назначала время. Теперь я стал гостем дворов, и, бывало, в микрорайонах под лукавое солнышко собиралось немало жителей. Вопросы вечные: неподъёмная оплата за коммуналку, перебои то с теплом, то с водой, ремонт подъездов и крыш... Что тут можно ответить людям, измороженным российскими реформами, нищетой и равнодушием?! Оставалось только в ноги поклониться долготерпению своих соотечественников. Конечно, посвящая в свою программу, я обещал самые серьёзные мероприятия по реформированию ЖКХ, решительную борьбу с нерадивыми чиновниками, впрочем, прекрасно понимая, что тут одного моего человеческого и руководящего темперамента мало. Государство в яме, денег нет. Но людям нужна была надежда. Нет, я не врал, не обещал напрасно и говорил как есть.

Впрочем, бывали и на таких мероприятиях «засланцы» с ехидными вопросами:

— Ну как можете вы, бывший военный, инвалид, врач по профессии, руководить большим городом? Здесь нужен экономист, серьёзный, опытный организатор.

— Вот мы имеем то, что имеем, с серьёзным экономистом... — улыбался я. — Всё начинается, дорогие мои, с человека, им и заканчивается.

Был, однако, и курьёзный случай. На одном таком дворовом сходе сами люди вычислили не своего, горластого и едва его не поколотили.

Но как бы то ни было, от встречи к встрече у меня росла уверенность лидера. Я чувствовал это по глазам своих земляков... А официальный рейтинг упорно отдавал первое место главе, я твёрдо шёл на втором. Но тут пробежал слухок, что в город прибыла независимая московская делегация экспертов. Фрося копнула глубже и даже узнала в приезжих специалистах своих знакомых. И уже через пару дней в нашем штабе был праздник. Я уверенно и с достаточным отрывом лидировал. По такому случаю мы даже выпили шампанского.

Кажется, началось моё триумфальное шествие. График встреч теперь почти весь состоял из зелёного цвета. И как-то сразу вокруг нас затоптались «ходоки» разной степени занятости. Я так вот сразу всем стал интересен. В штабе появился новый люд. Всем непременно хотелось обмолвиться со мной парочкой слов и пожать руку. Пресса бомбила телефонными звонками штаб, наперебой предлагая мне «полосы», «половинки» и «четвертинки» по сходной цене. Захаживали и обычные сочувствующие, и даже дельцы со своими услугами. А какие-то две весьма эффектные девицы принесли мне букет алых роз и расцеловали в обе щеки.

— А вы кто, из какой организации? — спросил я.

— Мы студентки. Мы просто вас любим, так можно? — улыбались они.

— Можно, девчонки! — неожиданно растрогался я.

Ревностно следившая за всей этой эйфорией Фрося ехидно заметила:

— Скоро вас, Гавриил, порвут на сувениры. Пора с этим кончать. Мельчить-то нельзя. Так что всех прибывших будем вежливо заворачивать. Лобызаться будете только на встречах.

— Есть! — ответил я, но не без удовольствия.

Конечно, я раздавал интервью налево и направо. Телевидение предложило устроить брифинг с приглашением кандидатов. На передачу явились все претенденты, кроме действующего главы. Наверное, он посчитал ниже своего достоинства участвовать в программе с какими-то «голодранцами». Его мнение в процессе обсуждения включалось в записи. На вопросы ведущего я отвечал чётко, конкретно и со знанием дела. Не забывая, конечно, о строках нашей программы. Разумеется, пошли на пользу уроки Ефросиньи Карловны — ничего лишнего, только по делу. Конкретно и с лёгкой улыбкой. «Если не знаешь ответа — напрягись, оброни шутку». Так что на вопрос одного из телезрителей лично мне: «Свобода и справедливость для вас — это доминирующий фактор или архаизм?» — я ответил: «Ну, если вспомнить историю, за свободой следуют

равенство и братство. Такие перлы исторически закончились гильотиной. Я сторонник здравого смысла и соблюдения законов, равных для всех. — И, подумав, добавил: — А вот чего я не понимаю, так модного среди чиновников выражения: «уверенность в завтрашнем дне». Так и хочется спросить — это кого они имеют в виду? (Тут я в открытую намекнул на один из лозунгов главы.)

На встрече со студентами и представителями политехнического университета я вдруг увидел в первом ряду, у самой сцены, журналистку Ариадну. Я заметил её не сразу. Зал был полон. Ректор университета профессор Александр Иосифович Бочарников решил сам вести встречу. На сцене в актовом зале установили низкий столик с двумя креслами и даже графин с водой. Тут же сбоку стояла и кафедра. Александр Иосифович хорошо поставленным голосом представил меня аудитории и, пока я восседал за столиком в кресле, поведал залу мою «героическую» биографию, пересыпая, однако, речь шутливыми фразами. Потом к кафедре пригласили меня. За время избирательного марафона я в некотором смысле поднаторел с формой — разные аудитории требовали от меня определённого разнообразия подачи себя. Интеллигентная публика ждала лёгкости в выражениях, отсутствия словоблудия и эмоционального передоза. Немного юмора. Но всё, в принципе, в русле программы. Чётко! Что бы я хотел изменить в городе. И так — факт за фактом. Ну и конечно, моё эксклюзивное видение образования и высшей школы в современных условиях рыночной системы.

Конечно, тут мы с Фросей поработали, что называется, в поте лица: студенчество — это особая каста! Она не любит занудства, многословия и ценит юмор. И всё бы шло хорошо, если бы я всякий раз не натёкался глазами на Ариадну. Тут я, кажется, терялся. Правда, надо отдать должное ректору: он деликатно, одной-двумя репликами поддерживал меня. Наконец дело дошло до вопросов и ответов, и в зале возликовала простота общения. Стало теплее. В финале встречи девчонки вручили мне цветы. А ректор, пожимая руку, пожелал удачи. И это было, по-моему, искренне: мой рейтинг был настолько велик, что пора бы уже чиновникам завязывать со мной отношения, что называется, без оглядки.

Я спустился в зал. Меня окружили студенты, и я на какое-то время забыл об Ариадне. Однако на выходе она тронула мою руку.

— Гавриил Алексеевич, вас можно? Здравствуйте ближе, — обольстительно улыбнулась она.

— Здравствуйте, Ария. Давненько не виделись. — Конечно, я знал, что она пресс-секретарь главы.

— И вы даже не скажете мне спасибо? — улыбнулась Ария. — Неужели не заслужила?

— Спасибо. Ещё б хорошо и знать в конкретном случае: за что? — не понял я.

— Ну как — за что? — капризно поджала губки девица. — Ничего себе! Я, видите ли, вас отправляю в большую политику, с моей, так скажем, лёгкой руки. А вы уже и забыли?! Вот что значит слава!

— Вас трудно забыть. Конечно, как же... А статейка вышла достойная. Кажется, свою благодарность я уже выражал, и не раз. Даже сожалел, что доставил вам немало неприятностей. Хотя как знать — может, статейка-то и явилась тем самым поводом пригласить вас в пресс-секретари его величества. Или, как говорят, пути Господни неисповедимы?

Мы стоим в неудобном месте, нас обходят толпы студентов.

— Давайте встретимся, поговорим. Я думаю, у нас есть о чём поговорить, да? — спросила Ария.

Я непонимающе пожал плечами.

— Вообще-то я могу только догадываться, о чём будет разговор, судя по интриге в ваших глазах, — сказал я. — Если обращается пресс-секретарь самого главы, значит, что-то по-взрослому.

— Я вам позвоню. Ваш номерок я знаю. Ну всё, пока. А встреча мне понравилась, — заторопилась вдруг она и исчезла.

— Ну, пока... пока... — произнёс я вслух и подумал: надо бы рассказать Фросе об этой встрече. Хотя, не стоит, до выяснения.

Как-то скверно стало на душе.

Но первый же вопрос, который мне задала Фрося после моего возвращения из университета, застал меня врасплох:

— Это что у вас, адюльтер с подругой главы? Если вы поехали на встречу один, учитывая нашу запарку здесь, это не говорит о том, что там нет наших людей, — ядовито усмехнулась Ефросинья Карловна.

— Она, ну, эта журналистка, Ариадна Львовна, когда-то писала обо мне статью, — слегка оправдался я. — Так поговорили ни о чём, по старой памяти. Я знаю, что она пресс-секретарь главы.

— Да помню я эту статейку, показывали мне её, читала, как вы от волка бегали, — издевалась Фрося. — Ну и что, высочайшего приглашения ещё не последовало? Ох, бойтесь данайцев, дары приносящих! Это я так вам, как памятку.

«Ей бы в органах работать», — мелькнуло у меня.

На следующий день я едва переступил порог штаба, как меня позвала к себе Лили.

— Вам звонила какая-то девушка, вас спрашивала. Она не представилась, но просила, чтобы вы, когда появитесь, позвонили ей по этому телефону. — Это, говорит, очень личное.

Лили протянула мне клочок листка с цифрами. Я понял. Это был номер телефона Арии.

— Ты Фросе об этом звонке говорила? — спросил я.

— Боже упаси, Гавриил Алексеевич: это же личное.

— Молодец. Дай трубку.

— А если Фрося зайдёт? — испугалась Лили.

— Волков бояться... — я набрал номер Ариадны. — Слушаю. Добрый день.

— В центре, в кафе «Заря», в одиннадцать жду... — И гудки.

Я глянул на часы. Шёл только десятый. Как-то надо скоротать время. А то сейчас придумает мне работу эта фурия. Я хочу разрулить ситуацию сам, без посредников. Благо появился Ашот, и я предложил ему поехать к Аскольду в редакцию газеты. Он готовил расширенный отчёт о моих последних встречах. Есть смысл несколько слов добавить о приёме студентов и преподавателей университета. Так скажем, по горячим следам.

Фрося никакого подвоха не унохала. Аскольду я наговорил на диктофон всё самое памятное о встрече. Ашота отпустил. А ровно в одиннадцать я уже открывал дверь известной в городе харчевни. Ария сидела за столиком с чашкой кофе.

— Я пришла пораньше, сосредоточиться, — сказала она, пожимая мне руку и премило улыбаясь.

— Мне тоже сосредоточиться? — схитрил я.

— Да не мешало бы. Буду кратка. Передаю текст автора и без купюр. Надеюсь, у вас нет диктофона.

— Могу и обидеться. Честь офицера, — думаю, в моём голосе был слышен металл.

— Извините. Кофе сейчас принесут. Я предупредила официанта. Только вы не отказывайтесь от моего предложения сразу. Меня пожалейте. — В этом месте в глазах Арии печаль соседствовала со страхом.

Принесли кофе. Я удобнее подвинул чашку. Пригубил.

— Слушаю вас.

— Мне велено поговорить с вами о встрече с моим человеком на нейтральной территории, — произнесла она с каким-то до неузнаваемости каменным лицом.

— Хорошо, куда и когда мне подойти? Время торопит.

— Если можно, сегодня, часиков эдак в пять в фитнес-комплексе «Цель». Знаете, где?

— Кто ж не знает эту спортивную цитадель новых русских, — ухмыльнулся я. — Ну и что он мне будет предлагать? Под чем мне подписываться? Просветите, Ариадна Львовна, чтоб я себя мог морально подготовить. — Я взглянул на часы. — За оставшееся время. Его не так много для важного решения.

— Вот мне всё кажется, что вы не принимаете это всерьёз. Вы, дорогой мой доктор, находитесь в эйфории московских ваятелей опросов и всяческих экзитпулов. Неужели вы думаете, что мой кандидат не предпримет меры? Кроме стада баранов возле урн есть ещё и подсчёт бюллетеней на местах. За ним огромный штат, деньги, связи. Это такая машина! Я бы на вашем месте подумала. Не век же вам быть в массажах, даже в хороших.

Я сделал ещё глоток кофе и улыбнулся.

— А кофе здесь прилично готовят. Ну, если бы всё было так гладко, зачем меня приглашать? Как говорится, флаг ему в руки, — совсем обнаглел я.

— Хорошо, но встретиться вы с ним можете?

— Но я ведь уже дал согласие. Ради Бога. Послушаю вашего босса. Ровно в пять я буду у «Цели». Мне приходится одному или заказывать охрану? — съехидничал я.

— У вас даже есть охрана? — не приняла шутку Ариадна.

— Да, всё как у людей. Я могу быть свободен? Хотите совет? Нельзя так любить жизнь — это опасно.

Я достал из кармана деньги и положил на стол.

— Спасибо за кофе.

— Имейте в виду, вы мне по-человечески очень симпатичны, — сказала мне вслед Ария.

Пройдясь по городу (кстати, раскланиваясь налево и направо с незнакомыми людьми) и хорошо подумав, я всё же решил рассказать в штабе о назначенной мне встрече с главой в фитнес-комплексе «Цель». Выслушав меня, Фрося строго спросила:

— Неужели вы решились пойти на эту встречу один? Вы не думаете, что этот паренёк уже готов на любую провокацию?

— Может, пойдём вместе? — предложил Батищев. — Как-то солиднее будет выглядеть и безопаснее.

— Категорически нет, — резко возразил я. — Это значит — потерять своё лицо. Пришёл, скажет, с няньками. Поедем с Ашотом. Он где-нибудь в сторонке меня подождёт.

— Если что — кричи, — рассмеялся Руслан.

— Так, давайте серьёзнее. Не берите с собой ничего лишнего, а то подумают — с прослушкой, — встала Фрося.

Тут я рассмеялся:

— Мать твою, детектив! Ну, захотелось паренёку меня мирно отодвинуть. Что-то будет предлагать. Я уверен, и нечего тут нагонять тучи.

— Ну понятно, Витёк теряет уверенность. Запаниковал, — подхватил Руслан. — Хорошо. По крайней мере, узнаем, чего стоим. Так что наше дело — слушать и улыбаться. Я чувствую, что с ментами у него особой договорённости нет. Где-то они нам симпатизируют. А так бы уже давно изготовили какую-нибудь аморалку с насилием. Хотя всё ещё может быть. Но, по-моему, наш оппонент решил сыграть ва-банк. Пока без крови.

— Так, помитинговали — и с Богом! Берите Ашота, и без опозданий, — заключила Фрося и обвела всех начальственным взором. — А мы будем ждать.

...Точно в назначенное время я у «Цели». У порога меня встречает двухметровый амбал в вязаном свитере.

— Проходите, пожалуйста, вас ждут.

По ажурной лесенке мы поднялись на второй этаж. Я оказался в просторном, заставленном тренажёрами зале. Но желающих «качаться» с самим главой было немного. В общем, публика, узнаваемая по «рисовке» в газетах и на телевидении. Директор центрального рынка, работник аппарата администрации, известный спортсмен-тяжелоатлет (похоже, он тут был инструктором), военком. Кстати, присутствие военкома в этом междусобойчике меня сильно удивило. Я был наслышан об их, мягко скажем, недружественных отношениях, и вот... Кстати, военком, кивнув мне вместо приветствия, тотчас отворотил голову. Наверное, ему стало стыдно...

Глава слегка порисовался передо мной довольно накачанным торсом и, набросив куртку, подал мне наконец руку. Я отметил себе крепкое рукопожатие. Публика вокруг нас замерла. Небольшая, в лёгком волнении, пауза разрулилась руководящим жестом главы в сторону двери. Это он пригласил. А за ней оказалась комната отдыха, вероятно, личные апартаменты главы, ибо фитнес-комплекс — эдакая «заимка» для особо приближенных — ему юридически и принадлежала. Современная мебель, мягкие кресла, горка с посудой, цветной телевизор, холодильник. На маленьком столике у кресел — букет роз.

Заметив мой остановившийся на цветах взгляд, хозяин сказал:

— Сегодняшний подарок моих поклонников. — Он указал мне на кресло. — Присаживайтесь, Гавриил Алексеевич. Может, коньяк, виски?

— Нет, спасибо.

— Ну, тогда кофе. — Он поднял трубку телефона, нажал кнопки и сказал: — Зочка, принеси пару кофе.

— Я пью крепкий, по-турецки, — усаживаясь в кресло, провозгласил он. — Надеюсь, вы зла на меня не держите за то, что я не смог вам предоставить жильё. Но я на самом деле не мог.

— Виктор Яковлевич, я давно забыл.

— А мама вас часто вспоминает.

— Спасибо, а как она себя чувствует? — спросил я, ловя себя на неожиданном волнении.

— Главное, на ногах. А так — по-всякому. Давление, сомнения, хандра. Обычный возрастной комплект.

— Привет ей передавайте. Она хороший человек. — Тут я взглянул ему прямо в глаза, и мысль покатила сама собой: «в отличие от тебя».

Кажется, время остановилось. Глава явно оттягивал «момент истины», и я чувствовал его неуверенность.

— Ну, а теперь о главном, — наконец решился он. — Избирательная кампания в самом разгаре, но, по-моему, уже сейчас есть повод раскрыть карты. По данным официальной прессы, вы как бы ушли в отрыв. По моим неофициальным данным, мы идём, как говорится, ноздря в ноздю. Наверное, это тот случай, когда нужен компромисс. Не буду томить. Я предлагаю вам снять свою кандидатуру в мою пользу. А позицию выразите в обращении. И ко мне в первые замы...

— А как я это аргументирую? — опешил я, чувствуя, однако, внутреннюю улыбку. — Вот так, ни с того ни с сего, плюнуть своему избирателю в лицо...

— Ну почему сразу плюнуть?! — занервничал глава. — Причину всегда можно найти.

— А как это иначе назовёшь? Только плюнуть. У нас народ ушлый. И потом, я всё-таки офицер.

— Это всё эйфория. На одной чести, погонах далеко не уедешь в сегодняшней России. Кому нужен ваш гуманизм? Власть — жестокая вещь, как ни банально это звучит. Вам потребуются связи в областных структурах, знание конъюнктуры, лично чиновников. Для них вы чужой, кот в мешке. А это время капает. Вы думаете, так легко выщарапать на любую статью расходов деньги? Сбить бюджет? Без связей, нужных людей, извините, без некоего презента? Пока вы внедритесь в эту стаю, народ ваш любимый поднимет вас на вилы. Решать-то надо сегодня, сейчас. Обещать можно всё... А так — ваше свежее видение проблем и мой опыт, связи...

— Ну, во-первых, почему вы так уверены, что у меня нет нужных связей? — Тут я откровенно блефовал. — А во-вторых, не боги горшки обжигают. Сейчас в политику идут совершенно новые люди... Для меня такое ваше предложение несколько странно. Ваши люди в прессе как раз не больно меня жалуют, по причине отсутствия у меня хозяйственной практики, и частенько употребляют слово «массажист». И во всех таких композициях оно звучит как насмешка. Заметьте, мы на вас не копали компромат. Да, мы предлагаем своё видение будущего города, и только.

— И что, с новыми людьми в России стало лучше жить? Денег в казне российской прибавилось? — усмехнулся глава. — Вы сейчас пребываете в эйфории народолобия. Но это ненадолго... Пустой у нас разговор.

— И по-моему тоже. Единственное, что я твёрдо обещаю людям: сам не ворую и не дам никому этого делать, — сказал я.

— Ну, вы пока не рубите с плеча. Подумайте о моём предложении. Я с вашим талантом и честью могу обещать вам твёрдо место первого зама. Сработаемся, притрёмся. Объединим наши силы на общее дело. И потом, вы хороший специалист. У вас золотые руки, доктор. Может, есть смысл открыть специализированную клинику.

«Может, — подумал я. — Всё что хочешь, только свали с дистанции».

— Благодарю вас. Вот как народ решит, так и будет. — Я встал. — Провожать меня не надо. Дорогу я знаю. А за кофе спасибо.

Я шагнул к выходу. Он остановил меня за руку.

— Вы проиграете эти выборы... И не потому, что я лучше вас, а потому, что наш русский мужик ничего не хочет менять. Ему нравится жить в дерьме. Ко мне привык-

ли, а с новым — как бы чего не вышло... И вообще, офицер, вы задержались в другом времени. Успех ваш будет недолгим.

«А может, он прав? Уйти, спрятаться, исчезнуть... Тебе неплохо жилось, доктор. Скоро наследник появится. Зачем дразнить бешеную стаю? Против такой своры нет никаких сил, противостоять ей смешно. Он там, среди своих, а я тут на народной любви, которая, на всякий случай, не исключает за пазухой камня. Завтра, после всей этой выборной эйфории, один неверный мой шаг — и прощай народные лобызания в уста. А они это делают, большие дяди, кумовья хозяина. Они уж точно всегда оказываются в нужное время и в нужном месте. В России счастливый билет всегда улыбается только негодяям».

Так думал я, спускаясь по ажурной лесенке вниз к выходу, отлично понимая, что «ящик Пандоры» открыт и следом за красноречием хозяина в этой светской цитадели и деланным гостеприимством пойдут конкретные санкции. Ему есть что терять...

Ашот приоткрыл мне дверцу, должно быть, от нетерпения. И сразу, с места взял старт.

— Ну что, война? — прямо спросил он.

— Похоже на то. Он предложил мне снять свою кандидатуру в обмен на пост первого зама в своей администрации.

— Пролетает фраерок. Он думал — «одной левой». А народец-то нынче разборчивый стал. Время такое, кругом одни обещалкины и воры. Страхуетя. Но ты-то хоть потроговался или сразу юбочку поднял? — рассмеялся Ашот.

— Сразу, чего тянуть, а то как бы не передумал, — поддержал я улыбкой Ашота. — Сейчас, наверное, икает.

— Ну что, в штаб? Там небось от напряжения зубы скрипят. Особенно у Фроси.

Тут мы оказались в самом центре города, у памятного перехода, и сердце моё отчего-то сжалось. Мне вдруг невероятно захотелось увидеть этого своего афганского собрата с уродливой фантазией и улыбкой беса.

— Останови здесь, у перехода. Я на минутку, — попросил я Ашота.

Я спустился в погребок и быстро направился к ларьку с уродцами. В этот вечерний час пик в переходе было людно. Конечно, я внимательно смотрел по сторонам, ища глазами этого придурка, собрата своего по Афгану, так всколыхнувшего душу. Почему от красот жизни мне иногда хочется бежать, и непременно к помойке? Парадокс. Но взгляд на мерзость нейтрализует моё состояние, как бы уравнивает баланс, и я испытываю приток сил. Раньше такую возможность мне предоставлял скальпель. А на эстетике красивых, здоровых тел я чувствую внутренний озноб.

Слава Богу — уродцы на месте. Всё те же изящно манящие глаза изуродованных жаб, осьминогов, каких-то мутантов. Впрочем, часть подземного перехода отгорожена лентой. За ней топчутся люди в синих комбинезонах. Устанавливают светильники. И вот уже вспыхивают один за другим яркие прожекторы, и я вижу кинокамеру на треноге. И следом рвёт шумы резкий голос из репродуктора: «Массовка готова. Давайте начинать. Граждане, не мешайте работать, обходите по ленте».

Конечно, я остановился из любопытства, и тут меня кто-то тронул за плечо.

— Кино снимают, — сказал тот самый автор уродцев.

Я едва узнал его. Он был в чёрном костюме монаха. На голове парик — длинные, до плеч волосы, борода. Тут я усомнился: уж не Олесь ли это? Парень подал руку и совершенно знакомо улыбнулся:

— Здравствуйте.

Я пожал руку, окидывая его непонимающим взглядом.

— Тянут что-то резину. Я уже припотел. Меня отловил режиссёр на эпизод. Я ему понравился. Предложил попробоваться. Придели вот.

— А что надо будет делать? — спросил я.

— Я должен пройти по переходу и там в конце, у лавки с христианской литературой, осенить крестным знаменем заблудшую овечку. Вон ту блондинку в короткой юбочке. А вы подойдите к режиссёру; может, и вам что предложит, — неожиданно рассмеялся он.

— Мне это ни к чему, — ответил я, откровенно разочаровываясь во встрече. Кажется, раньше он меня называл на «ты».

— Ну и правильно. Голосов это вам не прибавит, — с явной насмешкой сказал парень. — А я вот на мели. Мои звери плохо продаются. Люди не понимают моего состояния души.

Тут опять рявкнул репродуктор: «Все по местам!»

— Авангард на любителя, — поддержал я его.

— Как и вся моя жизнь — сплошняк авангард, — укрылись в печали глаза парня. И в следующую секунду он вознёс предо мной крест. Я даже отшатнулся в испуге. Всё случилось так быстро.

— Этой мой реквизит. Не бледней...

Снова раздалось из репродуктора: «Начинаем».

— Ну, я пошёл на позицию. Бывай здоров, — подмигнул мне парень и исчез в толпе. Я вышел из перехода, унося пустоту и какую-то обиду.

— Чего так долго? Знакомого встретил? — спросил Ашот.

— Встретил. Там кино снимают. Он в главной роли, — усмехнулся я.

— Шутить? — не поверил Ашот. — А я вот смотрю — «Волжанка» за нами увязалась.

Я обернулся. Сумерки только навалились. Но фары автомобилей уже были заявлены на ближний свет. В самом деле, за нами держалась чёрная «Волга».

— Ну, что там? Катит, как привязанная? — спросил Ашот. — Я обратил внимание, когда ещё к переходу подъезжали. Я стал, и она припарковалась. И молчит. Никто не выходит на свет божий. А вот мы поехали, и она за нами. Кино...

— Нервишки наши хозяин проверяет. В игры играет, — сказал я: как-то беспокойно стало на душе.

— Ну тогда держись, доктор! — крикнул Ашот и сорвался так, что меня кинуло на спинку сиденья.

— Пристегнулся — вот и ладушки, вперёд! Наше дело правое!

«Волга» откровенно увязалась за нами, но на первом же перекрёстке Ашот резко, с визгом колёс, бросает машину вправо, гонит по какому-то проулку — стрелка спидометра неудержимо рвётся вверх.

— Ага, появился фраерок, — ловит водитель преследователя в зеркальце заднего вида, а я автоматически оборачиваюсь. Свет фар уже достаёт до нас. — А мы тут, вот такой манёвр.

Ашот влетает в какой-то двор, делает несколько замысловатых кульбитов по территории, и мы выносимся на очередную улицу. Я оборачиваюсь назад. Пусто.

— Отдыхай, фраерок, — самодовольно суёт сигарету в губы Ашот. — Закуривает.

Я всё-таки оборачиваюсь ещё раз. Пусто.

— Не бойсь, капитан. Ищи теперь нас, как ветра в поле. В этот двор въезд один. Выездов много. Поди посчитай. Но сам по себе факт. Значит, война... Тебя теперь беречь надо. Провокация ещё что, а вот несчастный случай... Как в том кино: «Поскользнулся, упал, гипс». Только тут не гипсом попахивает, а деревянным бушлатом, — рассмеялся Ашот.

— Давай-давай, пугай! Так и обмочился от страха. Я не такое видел, — ответил я.

— Да шучу я, капитан. По-моему, Витёк в детство впал от отчаяния. Хотя на карту поставлено, видать, всё. Ну вот мы и приехали.

В штабе, похоже, от нетерпения горел свет во всех комнатах. Меня определённо ждали с подробным отчётом. Батищев открыл бутылку коньяка. Достали по мелочи еду из холодильника.

— Проголодался поди, — разливая коньяк, улыбался Руслан. — Хозяин-то, наверное, хлеб-соль предлагал по русскому обычаю, а ты поскромничал.

— Угу, предлагал. Пили кофе по-турецки, а потом еле ноги унесли.

— Да ну! — удивился Батищев. — Неужто всё так запущено?

— Ну ладно, не томи, — проговорила Фрося. — И конкретно.

Тут я более чем подробно рассказал о своей встрече с главой. Меня слушали внимательно, не перебивали. На последней моей фразе: «Одним словом, расстались врагами» — вообще упала мёртвая тишина.

— Да, это уже война, — жёстко бросил Антипов. — Надо ждать провокации. Времени для манёвра ещё достаточно.

— Манёвры уже начались. За нами гналась «Волга», еле ушли, — сказал Ашот. И конкретно, со знанием дела, доложил о преследовании.

— А что, какая-нибудь дорожная авантюра — это самый простой способ выбить игрока, — заключил юрист Челноков. Умно подстроить аварию, да ещё с травмами. Не отмоемся. Или задок какой-нибудь иномарки подставить под удар. Как говорят, за ваши бабки — любой каприз. А то ещё и дяди из машинёнки раненой вылетят с дубинками, так отходят — до полусмерти. Вариантов много. Хотя мы и считаем, что менты нам симпатизируют, но большие деньги — большое искушение...

— Так, господа-товарищи члены штаба. Митинговать не будем, — перебил Челнокова Руслан. — Приняли к сведению. А то мы расслабились на эйфории. Кандидату надо обеспечить охрану и машину сопровождения. Нужных мальчиков я найду.

— Никаких кортежей и никаких мальчиков, — вдруг отрезала Ефросинья Карловна. — Вы хотите, чтоб наш избиратель в нас разочаровался?! Всю Россию тошнит от этих кортежей чиновников. А вот в нашей прессе, на всякий случай, эпизод с погоней и с созданием аварийной ситуации отразить в хороших красках и с намёком сам Бог велел.

...На следующий день все оппозиционные главе газеты с пометкой «молния» напечатали заметку под заголовком «Далеко ли до рукопашной?», где подробно изложили всё о слежке за нашим кандидатом, погоней и созданием аварийной ситуации. Да так, что нетрудно было догадаться, кто стоит за организацией сего факта. Фрося ликовала. А через пару дней, когда страсти остыли, у неугомонной Ефросиньи Карловны возникла идея создать общественную приёмную. Снять офисное помещение, и непременно в центре, неподалёку от администрации.

— Наказам избирателей надо придать юридическую форму, — сказала она голосом, не требующим возражений, на очередной нашей летучке. — Приём граждан будет вести юрист Челноков — это постоянно. И через день, по определённым часам, кандидат лично. Мы должны закрепиться, говоря военным языком, на завоёванном плацдарме. Ну а встречи само собой — до упора. Будем бороться до конца за каждый голос.

Батищев первый раз за всё время наших «толковищ» принял её ноу-хау с мрачным лицом. После собрания он сказал мне:

— Она определённо считает, что я родственник Рокфеллера. Откровенно говоря, капитан, я уже тяну кампанию на автопилоте. «Антанта» от революции устала, золотой запас катастрофически тает, а ещё столько надо! — Он загибает пальцы. — Туда, сюда и вот сюда. Да плюс ещё в финале наблюдатели на участках. Ищу способ убедить денежные мешки сделать отстёг. Пока пребывают в сомнениях. Никак не удаётся собрать этих делег в нужном месте, устроить с тобой встречу.

— А тут ещё я со своей квартирой подсуетился не вовремя, — вставил я.

— Ты идёшь по другой статье расходов, — натужно улыбнулся Руслан.

— А с Фросей как? — вспомнил я.

— Ну, пятнадцать я ей дал сразу. Она попросила. А остальные на отдельном счёте. Это святое.

Но офисное помещение сняли. Комнату в рекламном агентстве. Прилично мебелированную и даже со шторами на двух окнах. В целом же я отметил, что напряг кампании ослаб — не было уже того драйва. Чувствовалась усталость. Но встречи с избирателями шли чётко по графику. И залы редко не были полны.

На очередной такой встрече с энергетиками города в актовом зале администрации предприятия собралось так много народу, что некоторые стояли у стен. Меня встретил некто Рубен Рафаилович Кочерян — председатель профсоюзного комитета. Я сразу поблагодарил его за активность, на что он сдержанно заметил:

— Я только объявление подготовил. Это народ у нас такой активный. — И добавил сухо: — От нужды.

Разговор по моей программе получался деловой, местами даже острый. Энергетики переживали кризис, ведомства задерживали зарплату. Неплатежи за потреблённое электричество зашкаливали, и как итог — веерные отключения. Ко всему прочему — нехватка материалов для ремонта сетей и полная беспомощность отраслевого начальства. Ни о каких социальных программах не могло быть и речи. Сотрудники уже забыли, когда по профсоюзным путёвкам отправляли своих детей в здравницы и сами где-то прилично отдыхали. Тут я слабо представлял свою роль в конкретной помощи. Городской бюджет не рассчитан на помощь тонущим заводам и фабрикам и всей массе предприя-

тий. Поиск себя в новой экономической системе затягивался. Люди страдали. Что мог я как будущий глава администрации обещать энергетикам? Разве что посочувствовать и не мешать. Ну, может, где-то на высоком уровне лоббировать их интересы. О чём я, собственно, и доложил собранию.

И тут вдруг встаёт с первого ряда огромный такой рыжий образина и говорит с усмешкой:

— Власов моя фамилия. Начальник участка. Вас тут много ходит уговорщиков: и тот хороший, и этот. А мы про себя думаем: какая нам разница? Старого мы хоть знаем. Сказать, чтобы он за нас пасть рвал там наверху? Да нет вроде. Но на все наши мероприятия приходил. Бывало, подарки вручал, грамоты. А вот вы — бывший военный, хороший, как пишут, доктор. Оно вам надо — наше дерьмо разгребать?

И сел. В зал упала гробовая тишина.

Тут вскакивает какая-то дамочка в рабочем халате.

— То, что вы хороший человек, нам уже в уши надули. Но хороший человек — это ещё не профессия. Нам зарплату задерживают, концы с концами еле сводим.

В зале зашумели:

— Вас тут, обещалкиных, бродит много. Пока до власти не дорвались...

— У нас подстанции на ладан дышат. Оборудование на последнем издохе...

— Одни сказочники кругом, а как жили в дерьме, так и живём. Занимались бы вот своим делом. Нам и этого достаточно. По горло.

— Все только под себя и гребут...

Мы переглянулись с председателем профкома. На его лице запеклась какая-то извиняющаяся ухмылка. Он встал, поднял руки:

— Прошу успокоиться. Имейте уважение к человеку. Если кто хочет выступить, говорите по существу и конкретно. Нечего тут базар устраивать. Я не знаю, о чём вы там думаете, но у нас гость. И, похоже, с добрыми намерениями.

— Можно я, Рубен Рафаилович? — встал с того же первого ряда седоволосый пожилой мужчина. — Я главный инженер Иван Егорович Селедцов. Что ж мы такие негостеприимные, товарищи? Пришёл к нам человек, который хочет руководить городом. Рассказал о своей программе. Молодой, энергичный, прошедший войну. Имеет ранение.

— А чего он не в форме? — перебил с галёрки женский голосок.

— Наверное, он поскромничал показать свои награды, — продолжил спокойно главный инженер. — И вдруг повернулся к «рыжему образине»: — А ты, Власов, меня не удивил. Знаю я о твоём кумовстве в администрации кое с кем. Не торопись с выводами. Как бы потом стыдно не было. — И к залу: — Что касается частых посещений главой нашей организации и какой-то особой помощи, вот, ей-богу, не припомню. Ну, был один раз на День энергетика, а второй — когда мы юбилей свой отмечали. И всё. В основном замы да помы с какими-нибудь своими интересами. Пока я вижу свежего и, судя по всему, честного человека. Я останусь при своём мнении.

И сел.

— Давайте перейдём к вопросам, — сразу подхватил председатель профкома.

И дальше окончание встречи прошло в деловом русле.

Мы потом немножко отдохнули за чаем в кабинете Кочеряна. А когда уходили, он сказал, как бы извиняясь:

— Власов хорошо поработал среди своих. Наверное, за какой-то интерес. Но, я думаю, основная масса вам симпатизирует. И потом, слово главного инженера дорогого стоит. Хотя бы уж потому, что у него сын погиб в Афганистане.

16

Кажется, с того самого памятного посещения мною главы ничего не изменилось. Встречи по несколько раз на день продолжались без всяких преследований и мелких пакостей со стороны претендентов. Успокоился ли мой соперник? Постиг ли правила игры, выработал ли на финал новую тактику или загайлся? Бог весть... Только в который уж раз он поменял имидж: теперь глава давал интервью за рулём стареньких «Жигулей», рисовался в джинсах и выступал на утренниках в детских садах в роли доброго папочки. И даже играл на гитаре. Откровенно говоря, за его перлами придиричливо следила только Фрося. Как-то потерялась острота.

Впрочем, я погряз во встречах. Они сейчас косяком шли в бедных рабочих посёлках. Сюда я приезжал в форме, однако народ здесь не пылал ненавистью к местной власти, хотя разруха так и бросалась в глаза. Для основной массы коммунистическое прошлое было по большому счёту «потерянным раем». Где воровали «не густо», а если и воровали, то уже не забывали тех, кто рядом. Поэтому и кандидата от компартии тут встречали хлебом-солью. Нас — осторожно, хотя и под горячие аплодисменты. Можно было усомниться в их искренности, ибо аплодисментами, да ещё и стоя, здесь встречали и действующего главу. Очень может быть, из холопской инерции.

— Краины блюдут власть. Там мы много не накуём, — говорила после таких встреч Фрося. — Посёлки не разумом голосуют, не сердцем, а страхом.

Хотя встречи главы, в отличие от всех других, проходили здесь с помпой. Жирно смазывались агитационной литературой, стендами с «диаграммами роста» и буклетами дел праведных «во имя и во благо» города и людей. Речь кандидата остро пересыпалась современными лозунгами о демократических ценностях и правах человека. А на «бис», само собой, развивалась тема «уверенности в завтрашнем дне». Трудно тут не впасть в искушение. Но мы понимали: здесь коммунисты возьмут своё. Глава будет вторым.

Как-то Фрося — это всевидящее око, листая оппозиционную прессу, сказала потярянно:

— О Господи! Славяне, блевать хочется от этих перлов! Дурдом. Наш оппонент превзошёл всех. Какой цинизм! Я не удивлюсь, если завтра он нарисует на экране в бане с шайкой в руках. У него уже мания нравиться массам. А как рисуется, а сколько понтов! Кстати, вы обратили внимание? Диаспоры тоже не больно его жалуют.

— А за что они его будут жаловать? Этот жлоб их больше всех обирает, — со знанием дела сказал Руслан.

— Но открывать Русский торговый дом с такой помпой, как он?! — покачала головой Фрося. — С толпами журналистов и телекамер! И всем позировать. Какое лукавство, какой стыд?! Это же просто политически безграмотно. Ну, я понимаю, ленточку на проходной завода разрезать. Событие! Рабочие места! А тут. Фу... Хотя чему удивляться?! Наверное, в Русском торговом доме его интерес. Двойная реклама и себя, и дельца. Ну Россия, ну провинция!

— Спокойнее, Ефросинья Карловна! — сладко улыбнулся юрист Челноков. — Вспомните Булгакова: «Не читайте вы на ночь советских газет».

— Да вот только и остаётся. Просто странно, чем там занимаются его имиджмейкеры? Он определённо если и не теряет голоса, то уж точно не набирает.

И она оказалась права. Очередной рейтинговый опрос — и я по-прежнему в лидерах.

— Тут он хоть наизнанку вывернется, но народ уже присмотрелся, кто есть кто. Только уж если выдумает что-то из ряда вон, — заявила Ефросинья Карловна с чувством. — Раньше надо было думать, когда под себя грёб собственность и перекрывал людям кислород. Но это ещё не значит, мальчишки, что нам можно расслабляться.

И только она это провозгласила, за мной опять начались погони. Как-то, по пути с очередной встречи за городом, Ашот, улыбнувшись, сказал:

— А за нами-то хвост.

Я обернулся.

— Следом за «Нивой» — иномарка чёрная. По-моему, «Шкода», — пояснил Ашот. — Сейчас я «Ниву» пропущу, для ясности. Увязалась иномарка, считай, от места. Если останется в хвосте — точняк.

Ашот сбрасывает скорость, «Нива» нас обходит, а «Шкода» только приотстаёт.

— Ну пусть пока тянется, — чему-то своему усмехнулся Ашот.

— Что ты надумал? — спросил я, настораживаясь.

— Спокойнее, капитан. Вот сейчас мы выскочим на Щорса, потом повернём на Пролетарский проезд, а там ещё пару зигзагов — и мы у цели. Ты сиди, не оборачивайся. Едем пока лохами, ничего как бы не заметив, по своему важному делу.

— А там, кажется, полный салон, — сказал я.

— Вот и хорошо, что полный, — чему-то своему хитровато улыбнулся Ашот, спокойно сворачивая на Щорса.

И тут вдруг «Шкода» как бы срывается с низкого старта, обходит нас с миллиметровой близостью, так что у меня от такой наглости заняло под ложечкой. И перекрывает нам

путь. Ашот бьёт по тормозам, резко сдаёт назад и разворачивается в обратном направлении. Он меня восхитил этим своим изошрённым, а главное, мгновенным манёвром.

— Один-ноль в нашу пользу, господа, — азартом блеснули глаза Ашота. Он достал из бокового кармана ствол и положил на колени. — Ну что, за мной, пацаны!

Похоже, преследователи оценили финт водителя и вызов приняли.

— Пристегнись, мэр! А то как бы чего не вышло! — оранул он мне явно в экстазе и погнал по каким-то грязным проулкам. «Шкода» не отставала. — Сейчас, пацаны, сейчас приедем. Не торопитесь, ещё спасибо скажете.

Он сделал несколько прогонов по разбитым проулкам, потом вдруг притормозил, подождал, пока «Шкода» нас нагонит, и сделал резкий финт влево, уже на встречную полосу. И тут только я обратил внимание, что мы остановились у огромной промоины в грунте. Следом идущий транспорт постичь этой восточной хитрости Ашота не успел и на «полной дури» по пояс сел в яму. Ашот приоткрыл оконце и на радостях шарахнул из пистолета.

— Виват, славяне! — И мне: — Ты только никому об этом не рассказывай. И о стволе тоже. Всё же хорошо. Можно перекурить.

— Хорошо-то хорошо, — пробурчал я, ловя себя на волнении. — Ну и что дальше?

— А ничего. Пусть знают, что шутить с нами опасно. Как говорят, против лома нет приёма, если нет другого лома. А я эту ямочку давненько пригрел для такого случая. Как-то мамзельку одну сюда подвозил и сам было чудом не влетел. Вот так и запала в душу.

— Дамочка? — сострил я.

— И дамочка тоже.

На базу мы возвращались в прекрасном настроении. А у входа нас встретил Руслан.

— Вот стою, воздухом свежим дышу и вас поджидаю. Ну как встреча?

— Нормально. Посёлок. Но людей было много, — ответил я. — Вопросами забросали. Коммуналка, дороги, вода и так, по мелочам.

— А чего бледный-то такой? — спросил Руслан.

— Сезонный авитаминоз, — как-то сразу нашёлся я. — И ногу к вечеру ломить стало.

— Ничего. Как там в песенке: «Ещё немного, ещё чуть-чуть. Последний бой — он трудный самый», — загадочно так улыбался Батищев. — Ты помнишь, я тебе говорил об одной спецвстрече? Я посмотрел в график, завтра у тебя окно после обеда. Так что ты поступаешь в моё распоряжение на пятнадцать ноль-ноль. Мероприятие в «Метрополе», памятно тебе кабачке. Банкетный зал заказан. Но Фрося об этом знать не должна.

— Как это? — не понял я. — А куда ж ты меня забираешь? Для неё? И потом, завтра моё дежурство в общественной приемной.

— Пойдёт Челноков. А ты якобы сможешь Аскольду с обзором. Обзор-то он уже сделал, но ты ему сможешь, понял? Для Фроси. «Он очень просил», — скажешь, если что.

Тут я заглянул в глаза Батищева.

— Только честно! Криминал?

— Честно? Это будущее России, согласно теории классиков и текущего процесса. Не бойся, бить не будут, — похлопал он меня по плечу. — Если спросят что-нибудь, ответишь, а так будешь сидеть, попивать текилу или амаретто, вкусно кушать и делать умное лицо, согласно своему знаменитому портрету на универмаге.

— Ладно, бандиты так бандиты, — ухмыльнулся я.

— Поправляю. Деловые люди... Это мой шанс, — как-то потерянно проговорил Руслан, и мне вдруг стало его жаль.

На встречу в банкетном зале ресторана «Метрополь» собралась пёстрая публика — около двух десятков жирных, полужирных и только набирающих жирок «бизнескотов» во главе с авторитетом по имени Мирон. Вокруг них суетились крепенькие лысоватые удалцы в кожанках: то ли охрана, то ли шавки на подхвате. Им отдельно накрыли пару столов в зале. Они потолкались и вокруг нас, заглядывая мне в лицо с назойливым любопытством. Видимо, я для них был в диковинку. Ещё бы, город оклеен моими фото — и вот он тут, дотронуться можно. Я от такой «заботы» чувствовал себя мерзко. А Руслан делал вид, что ему этот антураж по фигуре. Слава Богу, что мы, не договариваясь, пришли «на стрелку» в гражданке — не позорить же честь мундира. Руслан совал мне в глаза свою принципиально деловую физиономию и если уж и улыбался, то явно с усилием. Похоже, он уже сожалел, что ввязался в эту авантюру.

Рассаживались за столом шумно, кто-то с весёлыми шутками и лёгким матерком. Слово взял некто Мирон Васильевич Паршин, дородный пожилой мужчина в дорогом костюме и белой сорочке. Вместо галстука — батистовый, в мелкий рисунок платочек. Впрочем, он едва ли скрывал мощный подбородок, а тяжёлые веки и знобкий ледок в мутноватой синеве глубоко утопленных глаз, так и отдавали явными признаками «романтического» прошлого. Он с какой-то показной усталостью обвёл присутствующих взглядом, потом, проведя по щеке пальцами, на одном из которых сиял увесистый золотой перстень, сказал хрипловатым голосом:

— Повесткой дня утомлять не буду. Предлагаю сразу познакомиться с нашим гостем, будущим городским главой, — есть такая уверенность.

Кто-то из масс заметил вслед:

— Лучше уж сегодня познакомиться.

— Вот тут ты прав, Иван Харитонович. Завтра ему, может быть, и некогда будет возиться с нами, — согласился Мирон Васильевич и обратился ко мне: — Вам слово, господин-товарищ кандидат.

Я встал, поздоровался и начал рассказывать о себе.

— Да знаем мы тебя, военный, читали. Давай сразу по делу, — перебил Мирон Васильевич. — Мы представляем предпринимательское сообщество города, как говорят, бизнес-структуру. Хотелось бы сотрудничать с городским руководством и сразу определить правила игры. А главное, услышать от вас предложения по созданию условий для нормального развития бизнеса.

— Ну, если вы читали мою программу... — проговорил я, ловя себя на том, что этой публике глубоко «по фене» моя программа.

И сразу нашёлся какой-то крепышок в глубине стола:

— А мы не читатели, мы — писатели...

Его поддержали дружным хохотком.

— Попрошу серьёзнее, — скомандовал Паршин. — Кому не нравится, может валить. Не держу. — И мне: — Продолжайте.

— Я понимаю, предпринимательство — это новая страница в истории нашего государства. И, насколько мне известно, в силу политической нестабильности здесь накопилась много всякой мути. — Тут я и сам не понял, что провозгласил, но почувствовал, что публика пребывает в каком-то нетерпении продолжения. — На мой взгляд, переход на рыночную систему хозяйства пока притормаживает отсутствие конкретной юридической базы на сей счёт. То есть регламентирующих документов на местах...

— Слушай, парень, ты нам не гони пургу. Говори проще, кому отстёгивать? По закону или как? А то контор много, начальников тоже, и всем дай, — сказал довольно приличный, в костюме и с галстуком, мужчина средних лет.

— Ну если проще, надо прекратить поборы чиновников с бизнеса. И помогать ему встать на ноги. Но напрягать предпринимателей по мелочам — это недопустимо. Я уже не говорю об имущественных операциях, аренде, налоговых сборах. Здесь нужна не только серьёзная юридическая основа, но и контроль за действиями чиновников. Всё должно быть просто: вы делаете своё дело и платите налоги. Остальное предоставьте чиновникам. Инструкции, нормативы — это наша работа.

— Вот чешет кандидат, как по писаному, — проговорил какой-то мелкий хмырёк из глубины стола. — Тут отстёгивать не успеваешь. Как в сказке.

По собранию пробежал шумок.

Паршин встал, поднял руку, успокаивая публику, и сказал мне:

— Спасибо, для первого знакомства достаточно. Чего грузить-то вас. Ещё надо малость — выиграть выборы.

— Эт точно, у этого бычары выиграешь! — вслух засомневался тот самый хмырёк.

— Но он постарается. А мы поможем, — обвёл всех взглядом Мирон Васильевич. — Скажем нашему гостю спасибо и пожелаем удачи. Но о деталях, надеюсь, мы поговорим с ним уже в рабочем порядке. Я думаю, кандидат нас убедил. Или у кого есть какие сомнения? Вопросы?

В зале стало тихо.

— Ну, значит, на том и порешили. Проведём среди своих людей работу, чтоб голововали за вас. И, как говорится, Бог в помощь! — подвёл итог Паршин и пожал мне

руку. — Есть предложение поднять рюмки за успех и хорошо закусить. Если у кого возникнут вопросы к кандидату или кто поскромничал, пока он здесь — он наш.

Слава Богу, вопросов ни у кого не возникло. Но на этом сборище у меня кусок в горло не лез. Что поделаешь, несколько чарок за свой успех пришлось принять, без всякого удовольствия. Я делал лицо в жалкой попытке ослабить какой-то вредный нерв в себе и выглядел, наверное, глупо. Впрочем, немало народа норовило со мной чокнуть-ся и поговорить, наверняка о чём-нибудь таком, после чего непременно захочется блевануть. Я молил всех святых, чтоб прекратили эту пытку и можно было вырваться наконец на свободу. И, похоже, я был услышан. Батищев заявил собранию о срочной необходимости нам удалиться: график встреч и всё такое.

Нас вышел проводить всё тот же пахан Мирон. Он пожал нам руки и сказал, протягивая увесистую сумочку:

— А это, ребятки, вам сувенир с харчишками. Будем на связи. Удачи!

— Слушай, Руслан, это же босяки, воры в законе! — психанул я в машине. — Ты понял, под что подписался?!

А с Батищева как с гуся вода. Нагленько усмехнулся. Неужто хватил лишнего? Вот в сумарь заглянул.

— А ничего презент! Икорка, балычок осетровый, колбаска. А это что, в чулочке? — Тут он достал целлофановый свёрток. — Баксы, десять штук! Нормально, пацаны.

— Их же отрабатывать потом придётся, Руслан!

— Потом. Ах, как хорошо ты сказал! Значит, предчувствие победы.

— А если проиграем, быть в долгу у бандитов?!

— Успокойся. Это не бандиты, а деловые люди. Ну, некоторые с криминалом. Вот пахан Мирон — бывший цеховик. Под фирму клепал. Схлопотал десятку, отсидел восемь. А сейчас цеховики у нас — самый востребованный контингент, — глуповатенько ухмылялся Батищев. — Не бойсь, Мирон у них авторитет. Я и деньги брал без гарантии. По твоему рейтингу. А там — как Бог распорядится. Кстати, дядька Мирон — мой бывший сосед. Через два дома жил. Я с его сыном корешовал до училища. А ты думаешь, глава на свои кровные кампанию ваяет? Рыночная мафия помогает, и не только. Ну, ставки другие. Кстати, людей у Мирона много. Они пасть порвут тому, кто не проголосует.

— Втянул ты меня в эту бодягу! — в сердцах воскликнул я. — А победим — будем крышевать их криминальный бизнес? Тогда стоило ли? Если мы, офицеры, подписываемся под бандитов — грош нам цена.

— Эт точно, — живенько так согласился Руслан. — Наступает период, когда надо временно сдать позицию. Честь твою никто у тебя не отнимает. И у меня тоже.

— Сегодня я в этом не уверен...

— Ладно, не бери пока в голову. Кстати, возьмёшь икорку Анюте. Ей нужнее. Я тебя отвезу к ней.

— Куда тебе ехать в таком состоянии, — засомневался я. — Сам доберусь.

— Всё нормально. Не бойсь. Один раз можно, если осторожно. А кстати, как завтра? Что там у нас по графику?

— Завтра, завтра... По-моему, вечером встреча с ветеранами войны в клубе. Но и то под вопросом. Всё-таки воскресенье. Может, за сегодня Фрося чего-нибудь накопила. Вот с понедельника и, считай, вся неделя будет грузёная. Здравоохранение. Транспортные конторы. Культура...

— Ладно, вперед! Сдам тебя Анюте со спокойной совестью. Завтра до обеда меня не ждите.

... Утром Ашот забрал меня от Анюты.

— Ну что, командир, как думаешь, успокоится наконец Витёк? — спросил он. — Или плотнее сети расставит?

Честное слово, но мне меньше всего хотелось в это прозрачное, солнечное утро говорить о своём сопернике и его уродах.

— А ты бы успокоился, если б тебя в парашу окунули? — вопросом на вопрос ответил я.

— Я бы чего-нибудь стал изобретать взросленькое. Но почему-то у меня лично страха нет. Какой-то даже азарт, — широко улыбнулся Ашот. — В бой так в бой.

— Думается мне, глава всех возможностей не исчерпал. Ну вот не знаю почему, но опасности не чувствую, — проговорил я. — Какие-то погони? Несерьёзно. По-детски. Надеюсь, ты там в штабе никому о наших подвигах не рассказывал в мое отсутствие? А то Фрося начнёт...

— А зачем? Меня ж никто на это не уполномочивал. Только кажется мне, на этот раз Витёк изобретёт что-нибудь посерьёзнее.

— Бомбу нам в салон бросит? — усмехнулся я.

— Ну, это не так просто сделать. Зима — оконца закрыты. Хотя, если постараться... — задумался Ашот. — У него ж, наверное, есть какие-то обязательства перед своими людьми. Ещё неизвестно, кто там у него за спиной. Не один же он с нами бодается?

Тут я равнодушно пожал плечами и, чтобы наконец уйти от этой темы, сказал:

— На редкость тёплый февраль. Снега сошли. Раньше в это время я обрезку деревьев на даче делал. А сейчас забыл, когда уж на ней и был. А кстати, всё хочу спросить — как там рана, зажила, без последствий?

— И забыл уже. Ну, шрамик, конечно, на заднице хороший. Но в трусах не видно. А желающим посмотреть — пожалуйста, но только за баксы, — рассмеялся Ашот и вдруг посерьёзней. — А передок-то машины постукивает. Не проехать ли мне к своему мастеру? Давненько я у него в гостях не был. Всё равно сегодня в графике пусто. Я заезжал. Кто-то там отказался, сказала Лили.

— Воскресенье, сосредоточимся на нерешённых задачах, — улыбнулся я. Неожиданно снятая встреча с ветеранами меня порадовала.

— Да, скорее бы уж эта лабуда заканчивалась. И в какой-нибудь кабачок на расслабуху! — воскликнул Ашот. — Нет ей, похоже, ни конца ни края.

...В штабе оказалась только одна Лили. Ашот сказал после моего приветствия:

— Сдаю тебе лично на хранение. — Это он обо мне. — Я поехал на ремонт.

— А где народ? — спросил я. — Почему-то тихо.

— Челноков в общественной приёмной, а Ефросинья Карловна с начальником штаба на совещании в избиркоме. Все работают без выходных.

— А, ну да, помню, — кивнул я. — А Руслан? Звонил?

— Нет, Руслан Георгиевич не звонил. Гавриил Алексеевич, вам звонили из военкомата; я сказала, что вы должны вот-вот подъехать. Просили сразу же позвонить. — Лилия подала мне трубку.

Я набрал номер, и после первого же гудка в ней возник терпкий басок:

— Дежурный по военкомату прапорщик Фролов!

— Апраксин, — представился я коротко. — Слушаю вас.

— А, это вы, капитан? Извините, но мне велено передать, чтобы забрали свой транспорт со двора.

— Что-то случилось? — насторожился я, вдруг вспомнив военкома в спортзале у главы.

— Да ничего особенного. Ждём комиссию из округа.

Тут я подумал, что за всё время стоянки моей «копейки» во дворе военкомата это был первый случай, когда меня «попросили». И комиссии из округа были. Как-то вдруг тревожно стало на душе. Неужели военком такой мелкой пакостью пытается лизнуть лапу главе?

На всякий случай я позвонил тестю. Он-то уж всё знает про комиссию. Трубку взяла Эльвира.

— Добрый день! — поздоровался я.

— Гаврюш, это ты? — каким-то не своим голосом ответила супруга тестя.

— Я, а что случилось? — сразу почувствовав по её голосу неладное, спросил я.

— Серёжа мой в больнице, в реанимации, — ответила Эльвира и зарыдала. — Ему сделали операцию на поджелудочной железе.

— Опухоль? — прямо спросил я.

— Да, но говорят, не осложнённая метастазами. Есть надежда. Только бы сердце выдержало.

— Извини, я тут заматался вконец с этими выборами. Не прощу себе, — сказал я, теряясь в досаде.

— Да мы и сами не ожидали, что так будет. Побаливает да побаливает. Таблетку выпьет — и вроде проходит. А тут сразу такой тяжёлый диагноз.

— Понял. Еду к нему...

— Не надо. К нему даже меня не пускают. Всё под контролем Гали. Я тебе позволю, когда можно будет. Номерок твоего штаба у меня записан.

— Только, пожалуйста, держи меня в курсе, — попросил я.

Конечно, это был удар для меня. Я вдруг почувствовал свою вину. Я так увлёкся этим выборным процессом, что забыл лишний раз позвонить старику. Какие бы ни были отношения с Галей, но тесть — отдельная тема. Он всегда был на моей стороне. Тут я вспомнил свои проводы в Афган. Ресторан в аэропорту и танцующего, а точнее, топающего по-медвежьему с моей Маришкой деда Серёжу. И как-то сама собой выкатилась слеза.

— Что-нибудь случилось? — испуганно спросила Лили.

Тут я обнаружил себя с трубкой радиотелефона в комнатухе секретарши и навёрняка в глупой позе. Сказал неопределённо:

— Да так. Кое-что. Это к делу не относится. — И подумал вдруг: «Чего это я его хороню? Может, всё ещё обойдётся: там же Галя...»

Во дворе военкомата, как и прежде, стояло несколько легковушек. Все в том же порядке, никто не съезжал, и сомнение тронуло душу.

Я долго провозился с запуском двигателя. Не обошлось и без помощи случайного «знатока». После сезонной стоянки всегда так. Наконец движок схватился. Я хорошо прогрел его на малых оборотах и сразу двинул на заправку, долил бак до полного. Между тем день необыкновенно наполнялся синью — солнышко припекало по-весеннему, и дерзкая мысль — а не рвануть ли мне на дачу — вскружила голову. Надо же и зверьё проведать, и Пахомычу руку пожать...

Я ехал по городу и, кажется, впервые за всю эту длинную выборную гонку с любопытством рассматривал щиты, оклеенные лицами претендентов и лозунгами. Конечно, я находил и себя среди них, не испытывая, однако, восторга честолюбия. Просто скоро уж финишная прямая, и на душе было прозрачно, а о будущем думать не хотелось. Я вообще представлял его себе смутно. Разве что рождение ребёнка согревало сердце да эта вот совершенно необыкновенная небесная синь. Скоро весна.

Наконец город ослабил свои объятия и я выскочил на трассу, ведущую в дачный посёлок. Здесь асфальт, освободившись от влаги, был подсушен, но на чёрных, умытых первыми дождями полях ещё кое-где в ложбинах притаились белые островки снега — они жались рваными лоскутами к колючему сухостою лесопосадок, как к последней защите.

Добравшись до места, я привычно вонзил авто на стоянку. Вышел, запер дверь, ловя себя вдруг на какой-то странной тревоге. Я сделал несколько шагов в глубь участка, как вдруг позади меня резко затормозила машина и трое молодцов так и высыпали из неё. «Это по твою душу», — отозвалось в голове эхом. В растерянности я бросился к дому, но блеснувшая молнией мысль: «Не успеешь открыть — в баню!» — метнула меня в сторону, к дверям тестевой гордости. Засов подался легко, и вот я в ней. Заперся на два шпингалета. «Они не удержат, так, мудоные рыдания, — сказал я себе, и мозг тотчас отчеканил: — Винчестер! Ну Пахомыч, ай да молодца!» — едва не воскликнул я, нащупывая потайную щель с секретом; лёгкое нажатие — и вот он, родной мой, в руках. Я ощущаю эту холодную сталь ствола, и память мгновенно бросает меня в Афган, в тесное пространство моей «таблетки», и я слышу голос Чудова: «Духи!», но страха не чувствую. Его не было во мне ни тогда, ни сейчас.

— Эй ты, куда пропал? — весёлый голосок за дверью. — Выходи, поговорим.

— А если не выйду? — ору я из бани.

— Ну, достанем тебя, а ежели не достанем, на месте поджарим, — подарил мне перспективу некий весельчак.

— Замолкни! Это он шутит, — другой голос. — Выходи, у нас есть хорошее предложение.

— Например? — спрашиваю я.

— Подпишешь бумагу — и гуляй, — всё тот же голос.

— Это бумага, я полагаю, в избирком, на снятие своей кандидатуры? — спокойно спросил я.

— Ну да. Ты всё понимаешь, командир. Мы против тебя ничего не имеем.

— Так скучно. Значит, вы получите бабки за то, что меня наклонили, а мне что, ваше фото на память? Нет, я подписывать ничего не буду; гуляйте, пацаны.

— Ну смотри. Сейчас мы запалим твой дом и тебя туда бросим. Вот только взломаем эту дверь. Готовься. Пройдёт как несчастный случай. Опять же мы в выигрыше. А тебя похоронят с салютом.

Тут я отметил себе: так самоуверенно и нагло может себя вести только главарь.

— Да, ребятки, выбора вы мне не оставили — придётся соглашаться. Проходите к беседке, что б я вас видел. Не бойтесь, не побегу. Слово офицера.

— Но смотри, ты дал слово, чтоб мы потом не гонялись, — ответил всё тот же переговорщик с наглым смешком. — Хотя куда тебе бежать-то, на одной ноге!

— А вы не боитесь, что вас сторож накроет? — сказал я вслед. — Между прочим, он вооружён и очень опасен.

— Мы боимся, пацаны? — сказал переговорщик, чтоб я слышал.

В ответ — дружный хохот.

В узких щелях отдушины над дверью легонько просматривался двор и как раз беседка. Я наконец увидел трёх амбалов в вязаных шапочках, свитерах и спортивном трико. Мне они показались все на одно лицо. «Как будто их дёрнули с тренировки, — подумал я. — По срочному вызову».

— Эй ты там, вояка! — оранул кто-то новый. — Ждём. Мы на месте.

Я сдёрнул дверь со шпингалетов, толкнул ногой и, пряча одной рукой за спиной ствол, шагнул к ним.

— Готовьте бумагу, пацаны, — сказал я, не узнавая своего голоса, и метнул из-за спины ствол на изготовку. — Куда подпись ставить?

Тут я шарахнул им под ноги. Один аж подпрыгнул.

— Вы, что, суки, думаете, так просто русского офицера на понт взять?! А ну, вывернули карманы! Я сказал, карманы! — уловил я кураж.

— Ты чё, мужик, пустые мы. Мы ж, в натуре, поговорить приехали, — услышал я голос того самого переговорщика; он был крупнее всех и теперь уж определённо авторитет.

— Так, объясняю популярно и показываю. Винчестер, американский образец. Шесть патронов. Нетрудно посчитать, сколько осталось. А теперь слушай мою команду. Всем снять штаны!

— Кончай, парень, баловаться, — попытался удержать инициативу всё тот же авторитет.

Я шарахнул ещё раз.

— Четыре патрона в обойме. Вопросы будут? Закон на моей стороне. Могу и положить.

Все дружно начали снимать трико, бросили мне под ноги.

— А теперь строим в затылок друг другу, руки за голову, шагом марш! — скомандовал я. — К машине. Шаг в сторону — стреляю на поражение.

Я проводил их до машины — это оказалось та самая «Шкода». Я только усмехнулся: «Отомстили». Они уже полезли в салон, и тут надо ж мне было сказать:

— Ну, с хозяином, который вас послал, я сам разберусь. А с вами будет разбираться Мирон. — Я это выдал залпом, совершенно ничего не имея в виду, скорее инерцией пережитого.

Но в следующую секунду этот самый бывалый главарь упал предо мной на колени и заревел, как ребёнок:

— Не говори, парень, не надо! Нас убедили, что ты лох, интеллигентнишко контуженный, от страха в штаны наложишь. Доктор-массажист. Что ты с испугу любую бумагу подпишешь. Не говори, а, Мирону! Мы чего хочешь для тебя сделаем. Только скажи.

— Ладно, гуляйте пока. — Я шагнул в сторону. — Штаны-то заберите.

— Извини, военный, в натуре, бес попутал. Только не говори Мирону, — натягивая трико, молил меня главарь.

— Я же слово дал, валите отсюда! Соплячье! Надрать бы вам задницы.

Они быстро попрыгали в машину, один так и не успел надеть штаны.

«Шкода» скрылась за поворотом, а меня всё душил смех, почти хохот, постепенно перешедший в плач.

Я так и стоял в глубине сада, со стволом в руках, чувствуя себя совершенно выпотрошенным.

Тут вдруг кто-то тронул меня за рукав. Я, вздрогнув, обернулся: это был сторож, напарник Пахомыча.

Поздоровались за руку. Сторож спросил:

— Так это ты шарахаешь, пугаешь народ? Зайцы вроде уже все разбежались. Или так, в охотку? — улыбнулся он.

— Ну да, в охотку, — тяжело вздохнул я.

— А чего бледный-то? Хвораешь или устал от безнадёги?

— Вот именно, устал от безнадёги, — согласился я. — Как там Пахомыч?

— Так хворает же дядька Кондрат. Простыл. Я тут вместо него каждую ночь дежурю. А куда денешься, взаимовыручка. Но вроде уже полегчало. Скоро выйдет. Меня попросил, чтоб я присматривал за вашими кролами.

— Спасибо вам. Потом разберёмся, — намекнул я на оплату. И подумал: «А чего разбираться-то, надо платить».

— Понимаю, выборы. Замахнуться на главу — серьёзная заява. Но получается же? — то ли спросил, то ли утвердил сторож.

— Не знаю, — схитрил я. — Нашему народу угодить трудно.

— Ну, ты, похоже, угодил...

Тут я не стал дальше развивать тему. Достал деньги.

— Это вот вам на корм и на жизнь.

— Многовато будет, — закапризничал сторож, но я взял его руку и затолкал деньги в ладонь.

— Спасибо. Всё нормально...

...Возвращаясь на базу, я всё проигрывал в мыслях случившееся — тревога не проходила. «Как же это я не сообразил взять у пацанов текст заявления? — подумал я. — Представляю глаза Фроси!»

Впрочем, для себя я уже решил уронить тему. Ничего не было.

В штабе, в дверях, я столкнулся с Ефросиньей Карловной. Она с ехидной улыбочкой смерила меня взглядом:

— И где же это вы были, позвольте вас спросить?

— Честно? — улыбнулся я. — На дачу ездил. За всю зиму ни разу не был. Душа разболелась. Пока погода стоит.

— Ладно, прощаю. Предупреждать надо. Вы не забыли, что на будущей неделе у вас серьёзная встреча в центральной городской больнице? — спросила Фрося, сменив в глазах гнев на милость.

— Как я могу забыть своих коллег? — Тут мысль так и пронзила: «И Галю». — Проблематику я знаю. Она не меняется из года в год. Бедность. А в переходный период — особенно. Правда, я и сам не очень-то понимаю, к чему мы переходим.

— Как — к чему? К нормальному правовому государству. Когда-то же надо. Вы меня удивляете, Гавриил Алексеевич! — так и вспыхнула эта штучка. — Не вздумайте однажды вслух засомневаться на людях. Когда-то же надо жить без революций и экзекуций, в правовом государстве.

А на следующий день с утра и почти до обеда Фрося нас «строила». Летучка, обзор минувшей недели. Как работали? Какие впечатления? Что удалось сделать эдакого необыкновенного, чтобы потрясти массы? И прочее. Отдельно Фрося пробежалась по прессе. Тут под раздачу попал Аскольд — наш редактор: «Шаблон, однообразие, скукота». Он попытался было возразить — отлуп был уже конкретный, с фактами.

— Парад-алле, Аскольд Юрьевич, надо заканчивать. И без возражений. Не вижу конструктивности. Хватить сотрясать массы перлами типа «Дорогу осилит идущий», «Будущее мы делаем сегодня». Так и хочется продолжить: «Умри сегодня, а я завтра».

— Ну, я считаю... — дёрнулся было возразить Аскольд, но Фрося метнула в него взглядом такую каменную, что он аж голову вогнал в плечи.

— А вы не считайте, а слушайте, что я говорю. Не хватает фантазии — приходи-те сюда. А то вы там у себя на отшибе задубели от фанфар. Нам надо сейчас выкладываться и на свежих материалах. Драть соперника уже недостаточно. Пора мечтать, но

по-взрослому. А то у нас или «Ура грядущему», с нашим, разумеется, кандидатом, или беспроблемная срань настоящего...

— Но так оно и есть, — на цыпочках подкрался начштаба Антипов.

— Воздух нужен нормальный. Дайте народу вдохнуть поток свежести. По весне сожались. Кстати, это относится и к нашему кандидату. Ну поговорите, Гавриил Алексеевич, о чём-нибудь душевном с народом. Раскройте себя с новой стороны. Кажется, в среду у вас большая встреча со своими коллегами. Начните с чего-нибудь человеческого, доброго. Понимаю, у медиков ворох проблем. Но ведь в нашей России всегда так было: куда ни кинь, везде клин.

— Я попробую, — искренне согласился я и подумал: «Она права: куда ни кинь, везде клин».

— Попробуйте, дорогой мой. К сожалению, я с вами не смогу поехать. Нас опять приглашают в избирком. А очень хотелось бы. Не мне вам говорить: врачи — особая каста. И кстати, в массе своей — женщины.

И тут я почувствовал волнение. Галя...

...Встреча с медиками центральной городской больницы была назначена на шестнадцать часов, когда ослабевают груз дневных проблем и появляется время для глотка свежего воздуха или хотя бы можно задуматься на мгновение.

В небольшом зале людей собралось много; яркая белизна халатов и до боли родные лица, конечно, тронули душу. Скромный, укрытый зелёной тканью столик. На нём простенький графин с водой и вазон с тремя красными гвоздиками. За столом два стула. Председатель профкома медиков, некто Изабелла Викторовна Шум, представляет меня коллегам с открытой и какой-то даже нежной улыбкой. Конечно, я взволнован: мой взгляд наконец находит в первом ряду Галю. Она улыбнулась мне накоротке и как-то осторожно кивнула головой. Я обратил внимание на глубоко запавшие глаза, и сердце сразу тиснула боль и догадка: видно, Сергей Сергеевич совсем плох. Меня представили и дали слово.

— Здравствуйтесь, коллеги. Который уж день за окном прозрачно, тепло, хотя мы все понимаем, что до настоящей весны далековато. Вот ехал к вам на встречу и думал: что я вам скажу такого, чего вы не знаете? О том, в каком состоянии наше здравоохранение, — банально. Что не хватает лекарств, нет хорошего медицинского оборудования, да что там, недостаёт элементарных вещей — перевязочного материала. Что надо бы делать ремонты в корпусах, вкуснее кормить наших больных. Сейчас только ленивый не пинает наши лечебницы. Я уже не говорю о зарплатах. Тут в ваших проблемах можно и заблудиться. Но ремесло-то от Бога. Оно или есть, или его нет. И вы готовы привикнуть к любым трудностям. Такова ваша, то есть наша, миссия на земле. Банально, скажете вы, но знаете, благодаря тому, где я был и что видел, добавилось к ремеслу такое понятие, как ответственность. Только, наверное, на войне до боли понимаешь, что нет ничего дороже человека. Почему я выбрал эту профессию? — Тут я обвёл глазами зал. — Не знаю. Помню только, в детстве посмотрел фильм в нашем сельском клубе, который назывался «Коллеги», — ну вы помните, по повести Аксёнова. И всё. Вот и стал сельский паренёк бредить белым халатом. Предвижу ваш вопрос: а как же сейчас с руками хирурга? Скромненько — массажист...

— Вот именно, шли бы к нам, — воскликнул вдруг молоденький врач из глубины зала. — Мы вас примем.

— Спасибо. Не скрою, частенько вижу сны, что стою за операционным столом. Хотя чаще снится война и бесконечный конвейер человеческих страданий. А почему массажист — попробовал, получилось...

— А это правда, что вы подняли на ноги мать нашего градоначальника? — встала с последнего ряда крепенькая круглолицая женщина средних лет. — Она была парализована.

— Я попрошу не перебивать нашего гостя, — сказала Изабелла Викторовна. — Все вопросы — после выступления.

— Да нет, я отвечаю; если человеку не терпится, надо уважить. Верно, поставил, кокетничать не буду. Только паралича не было. Не хочу углубляться в анамнез. Тем более в область парапсихологии. Как сказал доктор Амосов — сердце надо лечить сердцем, а я осмелюсь добавить: «Сердцем надо лечить все болезни». А в этом конкретном и редком случае — я очень хотел, чтобы она встала. Ну и руки меня не подвели. А чтобы за-

крыть так всех волнующую тему массажиста — ещё один пример. В Афгане я помог разродиться двойней молоденькой женщине. Очень сложный случай, я уже готов был на кесарево, и тут вдруг стал делать манипуляции руками. Появился какой-то жар в ладонях. И я зрительно, в деталях представил себе движение плода. И всё получилось. Впрочем, тогда я не придал этому значения...

— Какая-то мистика, — проворчал с недоверием пожилой доктор в первом ряду.

— Но я всё-таки вернусь к теме нашей встречи, — сказал я ему. — Я не помню, кому принадлежит знаменитая фраза: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые», но вот так, волею наших политиков, мы живём в годы перемен. Не буду касаться государственных дел, но каждодневные телевизионные шоу всё больше приобретают мрачный оттенок. И тут я предвижу ваш сакраментальный вопрос: почему я иду во власть? А всё очень просто. Наше общество больно. Души очерствели, алчность, бескультурье, жажда наживы. По-моему, в борьбе за жизнь общество вытряхнуло такие понятия, как милосердие, помощь ближнему, честность, порядочность. Вы же знаете, когда иссякают возможности терапии, приходит хирург. Конечно, я говорю образно, но если вам нравится жить с такой властью, которая равнодушна к человеку, — выбор за вами. С моей программой вы, надеюсь, ознакомились. Хотя, в принципе, наш город — частичка гигантского изделия под названием Россия. А этот корабль испокон веку подвержен штормам и стихиям. Так что, мои коллеги, нет у нас идеальных программ. За всякой программой — возможности государства и региона. Ну и, само собой, исполнители. Налоги, бюджетные деньги — весь гигантский финансовый организм требует честных исполнителей. Их совести и достоинства. Вот, пожалуй, всё для первого знакомства. А теперь готов вас слушать.

Тут я опять взглянул на Галю. Она мрачно и как-то потерянно смотрела на меня.

Руки подняли несколько человек. Я выбрал того самого парня, который пригласил меня в коллектив хирургов.

— Груздев моя фамилия. Я — ваш коллега. И всё-таки: вам не жаль терять квалификацию?

— Да ты не торопись, Груздев, пусть он сначала победит, — ехидно заметил широкоскулый мужчина с бородкой.

— Вот тут вы правильно заметили. Надо ещё победить, — польстил я ему. — Знаете, друзья мои, когда я пришёл инвалидом с войны, у меня были проблемы с трудоустройством. Работал на «скорой». Откровенно говоря, я подустал от крови. Тут коллеги мне могут возразить — такое ремесло. Но здесь хирург чувствует плечо, а там — только рыжий фельдшер из Псковской губернии и Создатель. Но я так скажу, квалификация или есть, или её нет. Жизнь покажет, ещё не вечер.

— Скажите, вы верующий? — спросила дама с места.

— Вера — очень личное. Верой сорить, по-моему, нельзя. Но я уже говорил: на войне без партнёрства с Создателем невозможно. А сейчас и в мирной жизни.

...И вопросы, вопросы...

— Вы думаете, весь этот наш национальный бардак можно изменить?! — скептически спросил всё тот же мужичок с бородкой, и в усмешке его путались сомнения на грани лукавства.

Но тут я не успел ответить. Главный врач, то бишь моя бывшая жена, решительно встала.

— По-моему, кандидат нас убедил или заставил задуматься. Пора подвести итог. Давайте поблагодарим Гавриила Алексеевича. — Здесь она подарила мне скромную улыбку, и я автоматически продолжил себе: «...моего бывшего мужа» — за добрую, содержательную беседу. Кстати, вы, Гавриил Алексеевич, у нас последний. Ваши соперники уже выступили...

— Зато по списку первый, — весело заметил кто-то из масс, и лёгкий шумок тронул аудиторию.

— Я считаю, нам есть о чём подумать, — неожиданно продолжила Галина «пиарить» меня. — Конечно, хороший хирург — и вдруг в компании чиновников, несколько странно. Но реформы в государстве, вероятно, требуют людей с новым, оригинальным видением. Ну и порядочных, конечно. А в порядочности этого человека лично я не сомневаюсь.

Кажется, в первом ряду от последнего штриха главного врача белые халаты пришли в некоторое возбуждение и на лицах коллег возникли далеко не двусмысленные улыбки. Проводили меня аплодисментами.

Со мной вышла Галя, и я сразу спросил:

— Как там отец?

— Нет больше папы, — проговорила Галя, и подбородок её мелко задрожал. — Третий день, как похоронили. Сердце...

Мы остановились в фойе у окна.

Тут я совсем потерялся. Навалившаяся пустота парализовала душу. Тестя нет...

— А мне сообщить забыли? — едва лишь молвил я.

— Как тебя можно забыть?! Папа тебя так любил. Как сына.

— Ну, тогда я ничего не понимаю, — произнёс я, выталкивая ком из горла. — Я как будто и на виду, и на слуху.

— И я так думала, и Эльвира... Я два раза звонила в ваш, как говорят, народный штаб. Один какой-то мерзкий голосок так и ошпарил меня: «Я б сама его хотела видеть и слышать».

«Фрося, её почерк», — подумал я.

— Я бросила трубку, потом позвонила ещё. Взяла какая-то вульгарная девица — она так ржала, а из глубины мужик что-то ей орал. Я и рта не успела открыть. Швырнула трубку, так стало обидно. Что там у вас, бедлам?

— Это секретаршу водитель анекдотами балует. Мне стыдно, Галя.

— Я постучала твоей жене. Тишина. Но ты должен меня понять. Я была вся на нервах. Ну, думаю, сам узнает. От соседей наших, да мало ли... Некролог-то в газетах только что напечатали. Мне бы проехать в штаб к тебе. Но тут завертелась вся эта организация похорон. А от Эльвиры какая помощь, кроме её рёва: «Ах, как я жить теперь буду?» Отец на её жизнь положил. Но к тебе в общежитие я всё-таки вырвалась, предупредила вашу техничку. Она как раз полы мыла в коридоре. Больше ничего не было. Там вообще у вас мрак. Как ты там живёшь? Ещё и людей принимаешь.

— А вот так и живу. Могла б мне и позвонить в общагу.

— А что, у тебя есть телефон? В общежитии? Личный?! Вот уж не думала.

— Зато Эльвира знала...

— Знаешь, Гаврош, она в один день стала какой-то беспомощной. Деморализованной. Одни только причитания. А вообще, где вы обитаете? Ни супруги твоей, ни тебя.

— Я на колёсах. Встречи за встречами. Жена днём у матери. Постирושки и всё такое.

— Но ночами-то встречаетесь?

— Встречаемся, иногда. Жена на восьмом месяце — «втроём» спать не очень удобно. Я ночую то в общегае, то на новой квартире. Мы двушку купили, — как мог, сбивчиво объяснил я. — Могла б и записку оставить в двери.

— Оставила, в вашем почтовом ящике. Она, наверное, там до сих пор лежит.

— Я уже сто лет в него не заглядывал. Газет мы не выписываем, покупаю. А если откровенно, Галя, я уже выдохся с этими выборами. На автопилоте. Столько гадостей, грязи, неприятностей... По лезвию хожу, и ни конца этой муке, ни края.

— Вот уж не думала, что ты на такое способен! — блеснули, как давным-давно, глаза Гали.

— Братья-афганцы подсуетили, — улыбнулся я.

— Но я догадывалась, что ты будешь бороться за себя. Ты же человек упёртый. Но так стремительно, да и ещё и во власть?! Ты даже внешне изменился, возмужал. Какой-то другой. Конечно, все знают в больнице, что ты мой бывший муж. На других встречах столько людей не было. Я думаю, у тебя есть шанс. И вообще, я смотрела на тебя как на близкого человека.

— Это, Галочка, пройдёт. От такой потери просто пусто стало у тебя на душе. А тут я — человек из прошлого. Какая-то память.

— Конечно, пусто. Я могла б и не прийти, третий день. Но как подумала — оставаться одной... Верушка в садике. Сразу всё полезет в голову. А ты, Гаврош, не «какая-то память».

— И всё-таки не прошу себе, что не похоронил Сергея Сергеевича. — Тут мне показалось, что разговор опасно уходит от темы.

— А может, и к лучшему. Он последнее время очень плохо выглядел, похудел. Так что пусть мой папа останется в твоей памяти весёлым, жизнерадостным. Если у вас родится мальчик, назовите его именем, — сказала Галя и, уронив мне голову на грудь, зарыдала.

— Сейчас же поеду на кладбище! — воскликнул я.

— На ночь глядя? — произнесла Галя и, с трудом беря себя в руки, добавила: — Мы похоронили его рядом с внучкой. Ты давно был у Маришки?

— Давно, — ответил я, ловя сейчас себя на досаде.

— Давай завтра прямо с утра съездим на кладбище. Три дня только прошло. Не могу. Я за тобой заеду.

Галя опять заплакала.

Мимо ходили больные, санитарки, медсёстры. И, по-моему, старались не смотреть на нас. Не мешать...

Вечером, когда я вернулся из штаба домой, меня встретила Анюта и сразу протянула записку. Она смотрела на меня с печальным любопытством. «Умер папа. Гаврош, позвони. Галя».

— Ты где её нашла?

— В ящике, случайно. Её видно не было. Я заглянула так, на всякий случай.

— Поздно. Три дня, как похоронили. Я только сегодня узнал на встрече с врачами.

— Нехорошо получилось... — сказала Анюта.

А утром следующего дня Галя заехала за мной в штаб на своей служебной «Волге». По пути на кладбище мы купили цветы. Я немножко убрал могилу Маришки, носовым платком протёр фото на памятнике. Холмик тестя был аккуратно заставлен венками, и только огромный погребальный букет с лентой от командования округом у портера бравого офицера выбивался из общей массы и виден был издали. Галя заглянула мне в глаза и хрипло, на остатках слёз, сказала:

— Как же тяжело терять близкого человека!

17

Я уже заканчивал встречу с работниками автобазы, когда в зале появился Батищев. Только взглянул на него — и сразу понял: что-то случилось. На все наши мероприятия во второй половине кампании Руслан ездил редко. Да и не было в этом необходимости: Ашот и Фрося — вполне достаточно. Длинный шлейф имиджмейкеров и воздыхателей позволял себе только глава.

Я наскоро попрощался с людьми и почти сбежал со сцены. «Что-то с Аней», — так и стрельнуло в мозг.

— Только что звонил в штаб какой-то мужик с вашей дачи, сказал, чтоб забрали твою жену, — ошаршил меня Руслан.

— Анюту?! — удивился я. Колкий озноб так и пробежал по телу. — Она жива?

— Ты что, капитан?! Конечно, жива, — спокойно ответил Руслан.

Тут подошла Ефросинья Карловна, спросила настороженно:

— Что случилось, Руслан Георгиевич?

— Ничего. Всё потом. Нам надо срочно отъехать. По делу. Ашот вас доведёт в штаб. Встречи на сегодня отменить.

Тут Фрося взглянула на меня и едва молвила:

— Понимаю...

— Каким боком Анюта оказалась на даче? И разговора такого не было, — сокрушался я, пока Батищев, ловко лавируя по загруженному в полуденный час центру, выгонял машину на загородное шоссе.

— Да успокойся ты, не бери в голову. Хорошая погодка стоит. Вот и решила барышня свежим воздухом подышать. Вызвала такси, — пытался утешить меня Руслан. — А может, и звонила. Тебя-то нет.

— Не предупредив меня? Это на неё не похоже. Восьмой месяц беременности, тряска. Представляешь, что может быть?

— Ну, давай фантазируй, доктор. Раньше крестьянские бабы до упора в поле работали. Бывало, и рожали там же.

— Меня-то не агитируй! — психанул я.

— А ты не думай хрен знает о чём. Сказали забрать просто домой, а не куда-то ещё...

Впрочем, разговоры не мешали Руслану удерживать стрелку спидометра на отметке «сто», и я поймал себя на том, что даже не заметил, как мы оказались за городом. «А если это акт мести?» — вдруг вспомнил я качков под стволом.

— И давай, капитан, без крайностей, — пытаюсь изо всех сил убрать из глаз тревогу, тороплюсь утешить меня Руслан.

— Ты знаешь, а это может быть и месть, — проговорил я. — В прошлое воскресенье на меня на даче напали, уроды. Предлагали мне подписать бумагу на отречение.

— Нет, ты это серьёзно? На снятие кандидатуры? — в глазах Руслана изумление переплавилось в гнев. Он крепко выругался. — И ты об этом никому ни слова?! Ну ладно Фрося, она-то уж коробочку откроет, но мне... такой факт? Ты что?!

— Да сам я разобрался с ними. На колени поставил.

— Ух ты! Неужели, доктор? — не поверил Батищев. — И чем же ты их наказал? Скальпелем? Тут ты меня удивил.

— Ну, положим, не скальпелем, а твоим подарком — винчестером. И, к слову будет сказано, я — офицер.

— Интересно бы посмотреть на эту шпану, — всё-таки сомневался Руслан.

— Нормальные качки. Они не ожидали, что я их стволом встречу. А когда брякнул в сердцах, что пожалуюсь Миرونу, они и вовсе обмочились. На колени попадали: «Не губи, военный!» Так что я решил уронить этот эпизод.

— А Мирон-то с какого боку? — не понял майор.

— Не знаю. Как-то вырвалось, и сам не понял. Ну, ты бы их видел. Так испугались, засранцы!

— Тем более не думаю, что после твоего знакомства с Мироном кто-то может посягнуть на тебя и твоё семейство. Скорее всего, не рассчитала Анюта, протряслась в дороге. Испугалась, вот и позвала на помощь. А может, и соскучилась. Погодка-то стоит весенняя. Солнышко...

— Дай-то Бог, — сказал я, ловя себя на какой-то вдруг безысходности.

У въезда на стаянку нас встретил сосед по прозвищу Чабан — коренастый мужичок в шерстяном спортивном костюме и фуражке. Вообще-то его звали Иван Семёнович Чабанов. Он работал каким-то средним начальником в Управлении железной дороги. Дружба у нас не завязалась. Но перебрасывались по соседству в сезон парой-тройкой фраз.

— Это я вам звонил. Вот стою, вас ожидаю...

— Что с ней? — пожимая его руку, спросил я.

— Да ничего, уже лучше. Пьяные мерзавцы приехали, веранду вашу разгромили и кролов порвали. Никогда такой дикости у нас не было, — сказал сосед, увлекая нас вглубь, к дому. — Я как раз «Новости» смотрел по телевизору. Слышу, какой-то шум у соседа. Вышел, но только и заметил, как негодяи бежали к машине, кажется, синий «жигуль».

— А сторож? — спросил я.

— Пахомыч? А вот ему крепко досталось. Они там, в доме. Супруга ваша кричать стала, а он как раз к вам шёл кроликов кормить, ну и встретились. — Тут Иван Семёнович посмотрел на меня с досадой. — Кто ж отпускает дамочек в таком положении?

— Вот и мы ж про то, — ответил за меня Руслан.

У дома мы невольно от ужаса остановились. Огромные стекла веранды — гордость дома — были напрочь разбиты. Но это ещё что! На сучьях деревьев болтались кролы со вспоротыми животами, здесь же, под ногами, дёргалась в предсмертных судорогах мелюзга.

— Надо бы сообщить в органы, — сказал Чабан.

— Конечно, надо, — охотно согласился Руслан. — У вас, я понял, есть телефон. Звоните, вызывайте наряд. Пусть всё официально регистрируют. — И мне: — Ну, сука, он у меня не отвертится! И Аскольду будет работа. Пусть это всё сфотографирует. Похоже, у нашего оппонента крышу снесло.

...Анюта сидела на диване, обхватив голову руками. Лицо и одежда были перепачканы кровью. Увидев меня, она тяжело оторвалась от дивана и бросилась с рыданием мне на шею. Её была судорога. Она что-то хотела мне сказать, но душили слёзы.

— Негодяи, сволочи! — прохрипел Пахомыч, и тут я его только и заметил.

Он сидел у камина, на краешке кресла и как-то неловко, боком. Лицо его было в ссадинах, а из разбитой губы сочилась кровь.

От нервного потрясения у меня перехватило дыхание. Слова завязли. Да и что тут можно было сказать?!

— Ну всё, всё, Анечка, успокойся, моя хорошая... — едва только и вышло у меня.

— Это ты во всё виноват, — вдруг оттолкнув меня, прохрипела Анюта. — Зачем ты меня сюда позвал?

— Я звал?! С чего ты взяла? — почти заорал я от удивления.

Тут вмешался Руслан:

— Так. Все успокоились. Анечка, давай по порядку. Как ты здесь оказалась?

— Обыкновенно. Позвонила диспетчер таксопарка и сказала: «Ваш муж, — то есть вот он, — тут она стукнула мне кулачком в грудь, — заказал вам такси на дачу. Он вас там уже ждёт». Ну, я подумала: хорошая погода, а почему бы и нет?

— Куда? Какая тебе дача?! — так и вскрикнул я. — А позвонить в штаб?

— Зачем? Если ты уже там, на даче, и ждёшь меня? — удивилась Анюта. — Мне и в голову не пришло.

— Логично, — спокойно согласился Руслан и только повёл в усмешке бровями. — Развели нас, как лохов. А как он выглядел? Таксист этот.

— Такой невзрачный мужичок лет тридцати пяти в серой фуражке. Я лицо его толком не разглядела; кажется, усики были. Он что-то сказал про погоду, что чудный такой денёк и весной пахнет.

— Прямо лирик, а не бандит, — заметил Руслан. — Номера машины ты, конечно, не запомнила?

— И не подумала. Пока ехали, он мне про свою жену рассказывал — какая она была хорошая, ну, когда ходила беременная, и как потом двойню родила. — Тут вдруг Анюта сделала паузу, задумалась на миг и воскликнула: — Господи, какая же я дура! Сразу не догадалась. Он меня так уверенно вёз на дачу, как будто всегда ездил. И даже не спросил, где повернуть и к какому участку подъехать. Я полезла за деньгами. А он сказал: «Не надо, за всё заплачено».

— Ну, таксиста проверим. Какая, кстати, машина была? — спросил Руслан.

— Зелёная «Волга». Старенькая. А этих, что напали, было трое. Они были в масках. Я начала растапливать камин, ну, думала, муженёк мой опаздывает, и вот вышла на веранду за дровами, а они влипли в окна. Так внезапно... эти маски. Я очень испугалась, закричала, конечно. И вот он — Пахомыч.

— А я и рта не успел открыть. Сразу мне по мордам и слева, и справа. Потом свалили и ногами буцали. Дышать больно, наверное, рёбра поломали, — подхватил сторож. — И крушить всё стали. А тут увидели клетки с кроликами, изуверы. Я их из комнаты на веранду вынес, как потеплело. Уж больно дух нехороший накопился в доме. Ну они и нашли забаву. Ножами стали вспарывать и нас кровью обмазывать. А скотина дёргается... Страх божий. А эти улюлюкают, ржут, пьяные твари... И ни слова. Налетели, как ураган. По-моему, их сосед спугнул...

— Сейчас милиция придет, — вошёл в комнату Чабанов. — Еле дозвонился.

— Так, Анюту мы забираем. Её надо срочно в больницу, — распорядился Батищев и обратился к Пахомычу: — А вас очень прошу — дождитесь оперов. Всё расскажите им подробно — и с ними в больницу.

— Обо мне не переживайте. Я как-нибудь. Позвоню напарнику, чтоб сменил меня. Только вот отхворал — и опять, — сказал в сердцах сторож.

— Вам надо обязательно обследоваться. Мало ли что, Кондратий Пахомович? Не шутите с этим. Это я вам говорю как доктор. И спасибо, конечно.

Я обнял старика. Пахомыч растрогался, пустил слезу.

— Береги супругу свою. Обо мне не думайте. А негодяев этих поймать бы надо. Извините меня, офицеры; здесь дело, похоже, не только уголовное, но и политическое.

— И не убирайте здесь пока ничего, до приезда опергруппы и нашего корреспондента. — Пусть люди знают, — распорядился Батищев, пожимая руки Пахомычу и нашему соседу.

...Я сел с Анютой на заднее сиденье. Она положила голову мне на грудь.

Руслан сказал с досадой:

— Сейчас бы стресс снять, по горячим следам. Всегда возил коньяк, а тут вчера в гараж отгонял машину, ну и с соседом — по рюмке да другой...

От пережитого Анюту потянуло в сон, и, кажется, я тоже задремал.

— Ну что, в гинекологию? — спросил Руслан в городе.

— Не надо. Я так устала... Спать хочу. Да всё нормально. Везите нас домой, — сказала Анюта.

Я кивнул в знак согласия.

Руслан отвёз нас домой и, пожимая мне руку, произнёс виновато:

— Если бы я знал, какой ценой достанется путёвка во власть, никогда б не подписался. Извини, друже. Думаю, теперь у него цель — поставить нас на колени.

Я ничего не ответил. Только вдруг с ужасом подумал, что это ещё не всё.

...Потом, уже без меня, Батищев заедет в редакцию к Аскольду. В трёх словах расскажет о происшествии и поставит задачу. Но редактор доберётся до места, когда там уже будет милиция. Однако знакомый опер разрешит Аскольду отснять материал. И на следующий день в нашей газете «Вместе» на первой полосе, под броским заголовком «Кто стоит за актом насилия и вандализма?» появится статья о посягательстве на жизнь беременной женщины в дачном кооперативе и жестоком избиении сторожа. «Преступники обманным путём вынудили хозяйку Анну Апраксину, жену нашего уважаемого кандидата, приехать на дачу и устроили зверство». И так далее. В подтверждение — фото разбитой веранды и окровавленные трупы животных, подвешенных на сучьях деревьев.

И сразу же к нашему штабу потянулся народ, а телефоны не умолкали. Ответ держали Ефросинья Карловна и Антипов практически на один и тот же вопрос: «Как вы такое могли допустить?» Фотографии и текст опубликовало несколько оппозиционных газет. Однако официальная пресса «глубокого» интереса не проявила, ограничившись информацией. Действующий глава города выразил своему оппоненту сочувствие и, разумеется, взял расследование «под свой личный контроль». Такое заявление по областным каналам радио и телевидения он сделал, но не сразу. Конечно, его тотчас подхватили периодические издания. С Фросей вообще случилась истерика: она метала громы и молнии в мой адрес и называла меня «политически наивным мальчишкой, которому постоянно нужна нянька». Хотя я себя категорически таким не считал. Ну хоть убей, в случившемся не было и грамма моей вины. Тем более что о моей «горячей» встрече с этими «засланцами» главы Фрося не знала. Тут я, в который уж раз, пожалел, что не взял тогда у этой шпаны текст своего «отречения».

Сутки я пробыл с Анюткой. Из них добрых три четверти Анюта спала. И слава Богу; в рюмянце на её щеках я не находил угрозы для здоровья. Всё было как всегда.

— Надо бы в храм сходить, поставить свечи. Спас нас Господь, — как-то шепнула мне Анюта.

Но предложение затерялось, и ничего, кажется, не предвещало беды.

А через день после случившегося у нас в штабе появился дознаватель, капитан милиции Александр Фёдорович Ништяк. Я попросил его не трогать мою жену и всё, что знал, в деталях ему рассказал. Меня поддерживал Руслан. Личность нападавших никак нельзя было установить: они были в масках. Оставался водитель зелёной «Волги». Тут я очень осторожно провёл беседу с Анюткой, и она вспомнила дополнительные «штрихи к портрету» и одежду таксиста. Впрочем, его, как главного подозреваемого, по приметам отыскали без усилий. Да он и не прятался. Место его постоянной дислокации оказалось у городского рынка. Им был некто Осипов Валерий Петрович. Его сфотографировали и для уточнения показали фото моей жене.

— Он. Вот и усики, — сразу узнала его Анюта.

Осипова задержали и привезли в отделение. Он был удивлён и возмущён одновременно. Категорически настаивал, что никакой диспетчер ему заказа не выдавал. Просто появился клиент, молодой человек, очень прилично одетый, в дублёнке, кожаном кепи. Из особых примет — оптические очки-хамелеоны. Больше не помнит. И предложил отвезти свою жену на дачу. Дал адрес, откуда забрать мою Анюту, и подробно рассказал, как добраться до места. Так как водитель частично возил клиентов в известный дачный район, он легко нашёл пункт назначения. Осипов не стал скрывать, что заказчик щедро оплатил проезд: «Это же сюрприз». На вопрос, чем мотивировалось дис-

петчеру выпавшее время, водитель спокойно объяснил: «Сейчас таких строгостей, как было раньше, нет. Главное — сдать выручку не ниже установленного размера. Таксистам тоже жить охота». А забирал очень просто, как всегда: подъехал к дому, дамочка вышла. Села на заднее сиденье — и поехали.

После допроса взяли у этого Осипова подписку о невыезде на время следствия и отпустили с миром.

— Осталась малость — найти диспетчера, — сказал этот Ништяк. — Хотя, я полагаю, организаторам преступления не составило труда с любого телефона позвонить вам на квартиру, гражданин Апраксин. Нашли девицу а-ля диспетчер, и та «оформила заказ» от имени и по поручению. Она могла какую угодно лапшу на уши навешать. В том числе и то, что муженёк уже ждёт её там, на даче, с цветами и шампанским. И что за всё уже заплачено. А позвонить мужу? Кому в голову придёт, если он уже там? Да и такой неожиданный сюрприз.

— Кстати, жена моя ещё вспомнила, что вначале был звонок; она подняла трубку, но никто не ответил, — заметил я.

— Всё правильно. Надо же было узнать, дома хозяйка или нет, — объяснил следователь.

— Ну и что ж теперь будем делать? — спросил я, чувствуя себя в этот момент если не деморализованным, то уж точно близким к этому. — Тупик?

— Были, капитан, дела и посерьёзнее. Это так, пустяки, — уверенно заявил следователь. — Вначале найдём шпану, которая устроила весь этот беспредел. Я полагаю, это братва из криминальной группировки Артёма Колоды. Они за бабки на любую мерзость готовы. Потрясём их, где-то и ухватим ниточку. Ну а вам остаётся ждать и делать своё дело.

...После ухода из нашего штаба этого Ништяка Александра Фёдоровича Батищев проговорил потерянно:

— Знаю я этих муроводов. Если и найдут, спишут на какую-нибудь хулиганку. Или будут резину тянуть. Менты ещё под Витьком ходят. А то и вовсе спустят на тормозах. Мы можем докопаться до сути сам знаешь когда...

Я промолчал. Как же не знать: «когда, само собой, стану хозяином». И тут вдруг я почувствовал себя напрочь разбитым и выжатым, как известный плод цитрусовых.

...Утром я отвёз Анюту к родителям, и теперь уж до конца избирательной кампании. Конечно, я пожалел, что не сделал этого раньше. Тревога не проходила. А когда приехал в штаб, меня позвала к телефону Лили.

В трубке я услышал хрипловатый голос Пахомыча:

— Как там Анята? — спросил он сразу, без приветствия.

— Да вроде обошлось. Отправил к родителям... — ответил я. — А как вы?

— Ну и правильно, там ей спокойнее будет. А меня врачи потискали малость, послушали, рентген сделали. И написали заключение. Ушибы, лёгкое сотрясение мозга и так, по мелочи. Трещин и переломов нет. Предложили лечь, но я наотрез отказался. Ну, прописали лекарства, таблетки и растирки, и я отвалил абсолютно здоровый, как из санатория. А тело где болело, там и болит...

— Надо было лечь в отделение, серьёзно обследоваться, — что-то засомневался я в заключении. — А болит-то что?

— А всё понемножку. Они там со мной сильно не церемонились, в больничке этой.

— Следователь был? — спросил я.

— Какой следователь, Господь с тобой! В общем, день-другой полежу — и на сто-рожку. А то напарник мой уже волком на меня смотрит. Ну, бывай здоров. Ежели какая будет новость, я позвоню... Да надо бы рамы застеклить... Нехорошо, ветер гуляет. Я резаных кролов напарнику отдал, часть себе взял, часть людям. Извини, что у тебя не спросили. Но я так думаю, когда тебе сейчас ими заниматься?

— Я тоже так думаю. Спасибо, Пахомыч. Выздоровливайте, — сказал я и вернул трубку Лили.

...На очередном заседании штаба решено было усилить мою... охрану. Одного вооружённого Ашота Фросе показалось мало. Я попытался было возразить: Анята-то у родителей...

— А ты один. Герой! — психанула Фрося. — И так наломали дров. Вы что, не видите бандитского беспредела в стране? Человеческая жизнь гроша ломаного не стоит. Определитесь с жильём, и охрана будет дежурить под окном круглосуточно.

— Я уже определился. В общаге тоска зелёная. А в квартире без Анюты — хоть в петлю лезь, — сказал я.

— Значит, в новое жильё... — опередил меня Антипов. — В Черёмушках.

— Ну да, на Урицкого. Супротив главы, — подтвердил я с усмешкой. — Там не сильно комфортно, но вода горячая есть и в душу ничего лезть не будет. Правда, без связи.

— Завтра подъедет на своей наш новый сотрудник Харитон. Я вас познакомлю, — сказал Руслан. — Он днём и ночью будет при тебе. Им теперь ничего не остаётся, как завалить тебя.

— Спасибо за перспективу, — мрачно изрёк я.

— На войне как на войне, — поддержал Батищева Антипов.

— И ещё пару слов, — сделал попытку улыбнуться Руслан. — Господа-товарищи офицеры и уважаемые сотрудники, вчера был наш праздник. День вывода войск из Афганистана. Дела задолбали, я о нём вспомнил только сегодня. Я хотел по рюмке, но раздумал: потом, когда наступят лучшие времена.

— А они наступят? — как-то потерянно спросил я.

— Наступят. За всё хорошее в этой стране надо биться. У нас, у русских, счастья без крови не бывает. Хотя его не бывает и с кровью, так я думаю. Давайте просто помянем погибших товарищей стоя.

И уже вечером, провожая меня с Ашотом домой, Батищев сказал:

— Завтра с утра поеду к тебе на дачу с рабочими. Отвезу стекло. Пусть твою веранду приведут в порядок.

Я подал ключ.

— Это от входной двери в дом. На всякий случай. Будет где чаю попить. А дверь веранды никто не запирает. Когда сделают, закроете. Спасибо тебе, друже, — поблагодарил я Руслана и пожал ему руку.

...Новый сотрудник Харитон — детина двухметрового роста, бывший десантник, с наспех вырубленным лицом и снисходительной усмешкой в глубоко посаженных серых глазах — оказался молчуном, которому, казалось, всё по фигу. Рядом с ним я себя чувствовал слабым и неуверенным. Он так и ходил за мной следом, изо всех сил пытаясь прятать себя от меня, не мешать. Иногда у него это получалось. А его фамилия ну просто вызывала восторг: Осина! Батищев как-то сострил ему вслед: «Там что-то перепутали. Не Осина, а Дубина. Прости меня, Господи!»

Встречи стали реже. И если откровенно, я почувствовал, что теряю к ним интерес. Кураж и ярость остались позади. Но «разбор полётов» Ефросинья Карловна упорно продолжала, и иной раз допоздна. Пытаясь освежить дыхание для заключительного броска.

В один из таких поздних вечеров в штаб позвонила Анюта.

— Что случилось? — спросил я, почувствовав тревогу.

— Гаврик, у меня, кажется, начали отходить воды и очень болит живот. Я боюсь. — И Анюта зарыдала.

...Точно так было и в тот раз, когда родился у меня мёртвый.

— Сейчас я вызову «скорую». Не паникуй. И сам приеду, — сказал я, чувствуя, как к горлу пополз знакомый ком.

— Давайте мне телефон. Я сама вызову «скорую», поезжайте, — откровенно испугалась Фрося.

Я дал ей адрес родителей для «скорой» и на всякий случай их телефон, прыгнул в «девятку» Харитона, и мы помчались к Анюте. Мы приехали одновременно с неотложкой. Анюта полулежала на кровати и, увидев меня, заплакала.

— Лишних попрошу выйти из комнаты, — приказал пожилой доктор.

— Он не лишний, он муж и врач, — услышал я за спиной знакомый голос. Это была медсестра Милана.

Мы поздоровались за руку, как старые друзья.

— Не переживайте, Гавриил Алексеевич. Всё будет хорошо, — сказала она.

Тут я вздохнул и почувствовал на глазах слёзы. А между тем моя жена рассказывала доктору, что это у неё вторые роды и такие же преждевременные. И тоже был стресс. Срок чуть больше семи месяцев.

— Успокойтесь, мамочка. Раз на раз не приходится, — как мог утешил её доктор и взглянул на меня внимательно и мрачно.

Тёща подала мне сумочку с вещами, и слеза выкатилась у неё из глаза.

В приёмном покое родильного отделения нас встретил врач — мужчина моих лет, эдакий здоровяк с открытыми по локоть ручищами. Осмотрев Анюту, он вышел ко мне и сказал, едва улыгнувшись:

— А я её помню. Давненько, правда. Я принимал у неё роды. Очень проблемные. Я тогда после института только пришёл в отделение. Кажется, её парень тоже был военным. Погиб...

— Ну, я, как видите, живой, — нелепо пошутил я. — Второй раз на одни и те же грабли. Понимаю.

— Да-да. Так получается. Но вы же сами медик, знаете: раз на раз не приходится. Всё сделаем по науке, — как-то неискренне улынулся доктор, и я забеспокоился.

В это время санитарки укладывали мою Анюту на каталку. Я подошёл ближе, она жадно схватила мою руку.

— Что б ни случилось, Гаврюша, родной мой, победи. Я тебя прошу, победи! Обещай мне...

— Господи, Анечка! О чём ты думаешь? Всё будет хорошо. — Я поцеловал её в губы и прошептал: — Конечно, всё будет хорошо.

Я остался в отделении. Дежурная сестричка, яркая брюнетка, предложила прилечь на кушетку. Я поблагодарил её и, едва коснувшись подголовника, мгновенно рухнул в сон. И тотчас перед глазами возникла тесная пасть кабины моей «таблетки» и развороченное в крике лицо Чудова: «Ду-у-хи!» И следом разрывы снарядов — такие плотные огненные пузыри. Тут вдруг появляются старик с лицом Рериха и Маришка: «Папа, пойдём с нами. Тут хорошо». А Рерих счастливо улыбается и держит на руках ребёнка. Он протягивает его мне, почти суёт и смеётся: «Мальчик, на тебя похож». Я наклоняюсь и вижу изуродованное, в крови, лицо Анюты.

Я вскрикиваю от ужаса и открываю глаза. И мгновенно осознаю явь. Сердце вот-вот выпорхнет из груди, к горлу подступает тошнота, та самая, горькая и вязкая афганская муть. А вокруг пусто. В чёрном окне, в далёкой его глубине вязнет голубоватая бороздка рассвета. Я автоматически гляжу на часы. Шестой. Я один. Вокруг ни души.

Я встаю с кушетки в полной готовности куда-то идти, бежать. Должен же тут кто-то быть. Чёрт возьми, кто-нибудь скажет, что с моей Анютой?! Но тут как из небытия возникает эта брюнетка-сестрица.

— Она жива, с ней всё в порядке, — отворачивает она взгляд.

— А ребёнок, он умер?! — кричу я.

Но девица молчит. Потом, как бы спохватившись, говорит бегло, как отстреливается:

— Доктор выйдет. Он всё скажет, скажет. — И воротит лицо.

Тут наконец появляется доктор. Всё заторможено, вязко, как будто чудовищный сон продолжается.

— К сожалению... ничего нельзя было сделать. Спасти ребёнка не удалось. Мальчик. Гипоксия, коллега. А с супругой всё нормально. Она спит.

— Она спит и не знает, что ребёнка нет. О Господи, разбудите меня! — срываюсь я в горьком плаче.

Доктор суёт мне полстакана прозрачной жидкости, почти заливает в меня этот спирт. И укладывает на кушетку.

А очнувшись, уже при свете дня, я вижу пред собой Галю. Она тотчас предвосхищает мой вопрос:

— Обрадовать, Гаврош, нечем. У неё возникли проблемы с сердцем. Я положила её в реанимацию. Там у нас лучшие кадры и оборудование. Понаблюдаем. Очень сожалею. А тебе бы надо отдохнуть, Гаврош.

— Нет. Я не могу оставаться один. Тоска задолбает. На людях мне будет легче. Спасибо, — сказал я и пошёл к выходу.

Машины Харитона я не нашёл. Я тормознул частника и поехал в штаб. Меня встретила Ефросинья Карловна тяжёлым взглядом. Конечно, она обо всём знала. А подробности — нужны ли они? В штабе, кажется, колом стояла непривычно гнетущая тишина.

— А у нас ещё одна беда, — тихо сказала Фрося и отвернула взгляд. — Харитон разбился сегодня рано утром. За городом.

— Насмерть?! — воскликнул я.

— Нет, слава Богу. Перелом ноги и сильный ушиб грудной клетки. Он сейчас в травматологии. А Руслан поехал в ГАИ разбираться. Но уже известно, что заснул за рулём и врезался в заднее колесо встречного «КАМАЗа». У него мать больна. Живёт в посёлке за городом. Вот он тебя определил и поехал к ней. — Фрося сделала паузу. — Такой тяжёлой кампании я что-то не припомню.

— А надо было так напрягать парня? Третьи сутки в машине ночевать под моими окнами. Я приглашал к себе. Ни в какую: «Я привычный». И вообще, все эти охранники — лишнее. Если бы захотели грохнуть...

— Бережёного Бог бережёт, — перебила Фрося. — Я думаю, надо срочно собрать пресс-конференцию. Всё объяснить и обратиться напрямую к избирателю.

Тут Ефросинья Карловна взглянула на меня как-то беспомощно, и я нашёл в её глазах дикую усталость. Кажется, от той импозантной столичной штучки не осталось и следа. Пожилая, наспех молодящаяся особа взирала на меня уж если не совсем потерянно, то с отчаянием — точно.

— Как там в песне, — едва усмехнулась Фрося. — «А нам нужна одна победа...»

— «Одна на всех, мы за ценой не постоим», — вяло подхватил я. — И не постояли.

— Я думаю, наша кампания — великий пролог к будущей демократии в России, — заявила Ефросинья Карловна совершенно серьёзно. — Мозги у нас азиатские.

...Анюта категорически никого не хотела видеть. Вместе с сердечными препаратами ей кололи и антидепрессанты. Галя жёстко запретила мне появляться ей на глаза. Я — дополнительная нагрузка на психику.

— Это же элементарно, Гаврош, ты — память. Она ещё очень слаба. Пока терпит только маму. Сегодня смотрел её психиатр. Если так будет продолжаться, переведём её в психиатрию...

— Очень хорошо. К дуракам?! Чтоб у неё совсем крыша поехала, — психанул я.

— Ну, если в роду по прямой линии есть дураки, тогда может быть. Это классика жанра. Обычный психоз, осложнённый памятью о прежних неудачных родах. Найдём отдельную палату. Хорошую сиделку. Но это я говорю на крайний случай, — уверенно сказала Галя. — Всё будет хорошо.

— Два таких стресса! Первый — когда на даче бандиты напали и вот второй — мёртвый ребёнок, — встряхнул я головой.

— А как женщины под бомбёжками в войну рожали? И близких теряли... Так что успокойся и думай о хорошем.

Она поцеловала меня в щёку и ушла.

Я попросил Ашота бросить меня на базу к Руслану, где теперь стоял мой «жигулёнок» и сел за руль. Мне было совершенно наплевать на преследователей, благо таких в зеркальце заднего вида я не обнаружил. Игры кончились. Публика ждала крови, и она её получила.

Я заехал в Свято-Троицкий храм и поставил к образам свечи за упокой и за здравие. Меньше всего мне сейчас хотелось встречаться с отцом Олегом: что я ему скажу в своё оправдание?... Не уберёт младенца. Нашу надежду, наше счастье...

Выходя из храма, я обнаружил полное отсутствие нищих, а, кажется, они были, когда я заходил. У машины я взглянул на купола. Под синью небес и полуденным солнцем они сияли нарядно, но холодно. И я почувствовал, что боль не притупилась, нет, но она стала другой, с оттенком надежды.

Потом я заехал в общежитие, как мог ополоснулся в душе едва тёплой водой и переоделся. Тут я вдруг понял, что никуда не спешу. Я взглянул на массажный стол, накрытый покрывалом, потом на фото Маришки с мячиком, а затем уж и на свадебный «портрет в интерьере». Но возникшей тоске не суждено было на этот раз дотянуться до сердца — затрещал телефон. А звонил отец.

— Что случилось, Гаврюша, сынок? По областному радио и телевидению прошла информация, что таких грязных выборов, как у вас в городе, ещё не было. И в какой-то связи, я краем уха уловил, упоминали и твоё имя. Что случилось? Который день мы не можем до тебя дозвониться! А маме снятся очень плохие сны.

— Успокойтесь, прошу вас. Всё нормально. Не страшнее, чем в Афгане. Много шума из ничего. А в общаге я почти не бываю. Или у Анюты, или на новой квартире. А там нет телефона. Извините, родные мои, у меня такая запарка.

— Да мы всюду звонили, — перехватила трубку мама. — Что-то у вас там случилось. А Анечку такую плохую во сне видела. Будто волосы свои стригла. Как она там?

— Нормально, мам. — Эти слова мне дались невероятным усилием. Не сегодня, потом когда-нибудь, я скажу маме правду. Я ещё сам не пришёл в себя. — Не переживайте, ещё раз говорю: страшнее Афгана ничего не будет. Ну, хворала малость Анюта, это да. А сейчас лучше. К весне, родители мои дорогие, все болячки пройдут.

Кажется, я собрал всю свою волю в кулак для такого бодренького вранья. И заторопился распрощаться. «Господи, как я ещё не сказал: “Вот родит”», — с ужасом подумал я.

Только после разговора я накапал себе корвалолола и сел на диван, обхватив голову. Это был первый случай, когда я не находил выхода из тупика и ловил себя на том, что при любом развитии событий мне ничего уже не интересно. А что есть? Инерция обаятельности...

Срочно созванная пресс-конференция в актовом зале городского Дома культуры собрала журналистов печатных и электронных СМИ города. Прибыли представители из областного комитета по печати и чиновники городской администрации. Впрочем, от лобознательных и сочувствующих в зале стало тесно. С заявлением к собравшимся обратилась Ефросинья Карловна Файн. Надо сказать, что Фрося подготовилась к выступлению с фактами и деталями. Всё у неё было разложено по полочкам. Каждый конкретный случай она эмоционально обыгрывала и подкрепляла примерами. Она их ловко, как факир из рукава, доставала в нужный момент, так что ни у кого из собравшихся не возникло и доли сомнения в правде фактов. Всё — от угроз до конкретных действий. Конечно, она поведала залу о конкретном нападении бандитов на меня с предложением «в письменной форме обратиться в избирком о снятии нашего кандидата с выборов». Я не давал ей эту информацию. Такое решение принял Батищев. Ну, и как итог — трагедия в семье кандидата. Честное слово, я был против озвучивания этого факта. Но о нём говорил город. Наш народный штаб гудел от сочувствующих. Кто-то выкрикнул из зала: «Под суд негодяев!», но развития, а тем более большей поддержки, реплика не возымела.

Мы — то есть я, Батищев, начальник штаба Антипов и Ефросинья Карловна — устроились за столом президиума на сцене. В первом ряду сидела уважаемая мною Ариадна Лисицына, бывший корреспондент «Вечёрки». Впрочем, на сей раз я не нашёл на её лице ни одного штришка, даже мелкой лакомки, в мой адрес. Чопорно, холодно, неприступно.

А потом были вопросы. Разные: деловые, конструктивные, нервные, откровенно ядовитые и просто бестолковые. Фрося отстреливалась со знанием дела, мастерски. Кажется, она была готова к любой провокации. Руслан шепнул мне восторженно: «Редкая бес-тия». Но в целом основная масса присутствующих явно сочувствовала нам.

В заключение Ефросинья Карловна сказала:

— Если такие выборы станут нормой, представляю, какой будет наша Россия...

На следующий день в специальном приложении к газете «Вместе» читатель мог найти полную версию конференции. Другие СМИ ограничились обзорными статейками или просто информацией. И хотя факты явно тянули на прокурорскую проверку — блюстители закона решили выдержать паузу. Достаточно и того, что «по факту разбойного нападения на жену кандидата ведётся расследование». О последствиях — ни слова.

По окончании конференции Ария всё-таки подошла ко мне.

— Я желаю вам победы. От всей души, — сказала она всё с тем же неприступно-холодным выражением лица и сразу ушла. Так что моя благодарность догнала её спину.

Потом я поехал в больницу к Анюте. Руслан вручил мне радиотелефон.

— Это тебе для страховки, всегда будем на связи. Я жалею, что не сделал этого раньше, — сказал он.

А в больнице ничего нового. Разве что аппарат вентиляции лёгких отключили и перевели мою Анюту в палату интенсивной терапии. Встречаться с ней категорически запрещено. И тут я понимаю коллег, хоть и не принимаю сердцем.

На выходе из отделения я столкнулся с Галей. После приветствия Галя сказала:

— К сожалению, Гаврош, больших улучшений нет. Она или спит, или плачет. Думаю, завтра соберём консилиум. И будем решать, что делать дальше. А ты домой?

— Да, только не определился ещё, в какой. У меня же их три: общага, Анютина квартира и новая, напротив главы. И всюду пусто.

— Ты сегодня чего-нибудь ел? — спросила Галя.

— Не помню, кажется, пил кофе. Всё вертится на автомате, как в дурном сне. Так и хочется, чтоб меня разбудили...

— Ну, хватит меланхолии. Поехали ко мне, я тебя покормлю.

Наверное, я так потерянно на неё взглянул, что Галя смутилась.

— У меня есть борщ. Жить-то надо. Возьми себя в руки. Ты же офицер, без пяти минут глава. Так нельзя.

— Ладно, поехали. Я на своей, то бишь на отцовской. Заедем за маленькой?

— Верушку сегодня из садика забрал лично папа. Два раза в неделю она у него. Мы так договорились. Пока по графику.

— Интеллигентно... — вырвалось у меня.

— Живёт один. Говорит, имеет право. Да и я не хочу, чтоб дочь забывала своего отца, — потупилась Галина. — А сейчас подъезжай к главному корпусу. Я кое-какие распоряжения сделаю. — Она взглянула на часы. — Хотя рабочее время кончилось. Я и не заметила, как день прибавился. Поехали ко мне.

Я подогнал машину к нашему дому, припарковался у подъезда и ядовито усмехнулся про себя: «Две жены, две трагедии и один дом». А вслух сказал:

— У меня такое чувство, что я приговорён к этому дому со всеми вытекающими подробностями. И не могу понять: за что?

Галя как-то ущербно взглянула на меня и ничего не сказала. В квартире она отправила меня сразу в душ. А после него облачила в отцовский, из махрушки, халат, для уверенности сопроводив его словами:

— Папа любил этот халат. Он брал его на большой теннис. Принаряжался после баньки. Пиво пили с чиновниками.

— Вот уж не знал, что Сергей Сергеевич теннисом увлекался.

— Ты много чего не знал, Гаврош, — со вздохом произнесла Галя.

Потом мы ели борщ. Впрочем, наготовила моя бывшая много. Выбор соблазнительный. С разными салатами и вкусными безделушками. Мой восторг она аргументировала просто:

— Я когда готовлю, забываюсь. Так легче... одной.

Но есть не хочется. Я решительно запихивал в себя пищу, потому что надо, потому что Галина настаивала. А тут ещё и назойливой мухой вертелась мысль: каким образом этот халат оказался здесь? Вероятно, новому зятю достался от тестевых щедрот.

— А как халат-то сюда заблудился? — всё-таки не выдержал я.

— Всё просто. Мама Эля доставила его с ворохом папиной одежды. Замешали ей, как она сказала, «эти обноски». Ну, остальное всё к рукам прибрала. Она, видите ли, молодость свою старику подарила. Ревновал к каждому столбу. Допросы устраивал с пристрастием. Врёт. На папу это не похоже.

— Ну, может, и не без оснований ревновал-то, — заметил я, вспомнив стригущие глазки тёти Эли.

— Да ладно. Пусть живёт. У отца ещё ноги не остыли, а она, говорят, уже спуталась с каким-то охранником. Или ещё раньше, а сейчас чего прятаться? Да наплевать. Отца жалко, мог бы ещё жить и жить.

У Гали выступили на глазах слёзы.

— Давай помянем моего папочку.

Помянули, и я вдруг почувствовал страшную усталость. Ну, поговорили ещё, конечно. Хотя, по большому счёту, говорить-то и не о чем, если все мои мысли там, у Анюты.

— Я постелю тебе на диване, — решительно встала Галя.

— Да, конечно, — наскоро согласился я и подумал: «По старой памяти». И уже лёжа на нём, я вдруг в подробностях вспомнил свой приезд из Афгана. Как же я молил тогда, чтобы пришла ко мне Галя! Чтобы всё вернулось в довоенные времена. И вот я на том же диване, а сам далеко-далеко. Прошлое, даже стерилизованное сейчас таким вот образом, всё-таки остаётся прошлым. А всякая анестезия — явление временное.

И вдруг пришла Галя. После душа, в халате, пахнущая ароматами давно ушедших времён.

— Ещё не спишь? Можно я посижу рядом с тобой.

— Можно.

— Ты совсем-совсем меня не любишь? — спросила она осторожно. — Понимаю, глупо тебе сейчас задавать такой вопрос. Не ко времени.

Я промолчал.

— Неужели ничего не осталось? Но так же не бывает, Гаврош? Иногда я перечитываю твои письма из Афганистана. В них столько любви...

— Там, где они писались, Галочка, было много крови, а там, где много крови, всегда много любви. Это жестокий парадокс природы.

— И что же теперь делать? — выдохнула она.

— Ты это о чём? — не понял я.

Она тронула моё лицо. Очень нежно. Как давным-давно. И как могла только она. Наклонилась и вдруг жадно поцеловала меня в губы.

— Спокойно ночи, Гаврош...

И как-то мгновенно я провалился в сон, просто в небытие, и так же мгновенно проснулся. Какое-то время я приходил в себя от неожиданной пустоты. И вспомнился вдруг ЗАГС, наш развод и последние, прощальные мои слова: «Эй, а возврата не будет».

Обретая действительность и вместе с ней жадно припадая к «чаше горечи», я встал. Одеся. За окном спряталась в мёртвом покое ночь. Но, прежде чем уйти, я заглянул к Гале, чтобы попрощаться. Но она спала или делала вид, что спала. «Всё правильно, всё в прошлом», — подумал я, осторожно закрывая за собой входную дверь.

... В полдень следующего дня я повидался с лечащим врачом Анюты, заведующим отделением Зубовым — тем самым широкоскулым, с бородой, который маленько занудлялся на встрече с медиками. Он подал мне руку и, тревожно взглянув на меня, сказал:

— Пётр Петрович меня зовут. Извините, коллега, но ничем пока порадовать вас не могу. Тяжёлые роды вызвали нарушение сердечной деятельности.

— Была остановка? — неожиданно для себя спросил я.

— Мы едва её не потеряли. Боюсь, коллега, что о родах...

— Не надо, я понял, — перебил я его. — И каков прогноз вообще?

— Ну, сердце ещё полбеды. Я думаю, молодая, всё восстановится. Уже наметилась хорошая динамика. А вот психика... Сегодня был консилиум. Решено перевести вашу супругу в психиатрию. Представляете, берёт в руки подушку и ходит по палате, нянчит, как ребёнка. Даже мне, повидавшему многое, смотреть на это... — доктор покачал головой.

— Я могу зайти к ней в палату?

— Вообще бы нежелательно. Но пойдёмте, рискнём: а вдруг... — Он подал мне халат. — Наденьте. Она одна в палате. Но дежурит санитарка. Я зайду первым и позову вас.

Мне показалось, прошла целая вечность, прежде чем меня пригласил доктор. Анюта сидела на кровати, крестиком сложив на груди руки. К моему появлению она отнеслась равнодушно. Только на мгновение задержала взгляд, и подбородок её дрогнул. И вдруг страшная гримаса исказила её лицо — она что-то гортанно выкрикнула и свалилась с кровати на пол в эпилептическом припадке. Мы с доктором её подняли, уложили на кровать. И глаза моей Анюты вдруг стали совершенно стеклянными.

— Всё. У меня больше никаких аудиенций. Только перед вашим приходом её укололи нейролептиком, — сказал доктор Зубов, когда мы вышли. — Я даже родителей к ней не пустил. Только для вас сделал исключение. Так что извините, коллега, но, к сожалению, ваша следующая встреча с женой будет уже в психиатрии. А там... Все мы под Богом...

Я пожал ему руку.

— Спасибо, Пётр Петрович.

Я вышел на порог отделения, и тут раздался звонок моего радиотелефона.

— Здравия желаю, — услышал я голос Батищева. — Как супруга?

— Плохо. Узнала меня, и у неё начался припадок. Сегодня был консилиум. Решили перевести её в психиатрию.

— Старик, может, отправить её в хорошую клинику в столицу? — спросил Руслан.

— Скажи ещё — когда победим! — Я едва сдержал себя.

— Теперь я думаю, наверное, ты был прав. Стоило ли такой ценой?!

Возникла пауза. Слов не было.

— Что там у нас по графику? — спросил я. — Столько крови... Надо же закончить.

— Надо, друже, надо. Остались тут считанные деньки. Так что извини, старик, но обратной дороги нет.

— По-моему, я уже это слышал. Мне всё кажется, что я сплю. Что вот я проснусь — и ничего такого со мной не было... — сказал я.

— Ты устал, друже. Устал. Что я могу сделать для тебя?

— Спасибо, ты не Бог, — ответил я.

— Да, кстати, на встречи теперь будут ездить Фрося и Антипов. Одна мелкота осталась. Ты будешь для души сидеть в общественной приёмной и принимать граждан по личным вопросам. Ну, дотянем как-нибудь эту кампашку. Данные самого последнего опроса — мы в очень большом отрыве. Мучеников любят. Я думаю, босяк этот уже смирился.

— Ой ли?! — улыбнулся я себе и отключил связь.

Но едва я только сделал шаг к своей машине, меня окликнул мужской голос:

— Извините, товарищ офицер, можно вас на минутку? — Передо мной стоял мужчина средних лет в куртке из плащёвки, фуражка набекрень, глаза весёлые, броские. — А вас тут караулю. Вы же кандидат? Я хочу как избиратель дать вам наказ.

«Ну, нашёл подходящее время для наказов», — в сердцах подумал я. Но тут я заметил, что он в больничных пижамных штанах: отказывать неудобно.

— Слушаю.

— Я здесь вот загораю после инфаркта. Скоро выпишут. Я человек рабочей профессии. Токарь с маззавода. Говорят, вы там у нас, когда я сюда загремел, зажигали. Меня зовут Аким, а по отчеству Леонардович. Во как. Батка у меня вообще был Леонард Илларионович. Из крестьян-середняков. Но потом — экспроприация. И стал я как у Некрасова, помните про Яким Нагого? Ну, тот, что «до смерти работает, до полусмерти пьёт». Вообще-то своё я отпил, не про то... А видок у вас сейчас, прямо скажу, не для фанфар.

— Это точно, — подтвердил я. — Есть малость... Устал.

Я сказал это для того, чтоб этот Аким проникся пониманием: или ближе к делу, или отпусти.

— Вам бы отдохнуть, это верно. Хотя выборы кончатся — отдыхать и вовсе некогда будет.

— Это ж почему? — спросил я. Чёрт возьми, чем-то держал меня Аким по отчеству Леонардович. Тут на душе волки воют...

— Дак этой власти всё по фигу было. Только под себя гребли. А вы — человек свежий. Да ещё и «честь имею». Наверху номенклатурщики, бывшие коммуняки могут не понять. Денег у державы нет. Война с чеченами того и гляди грянет. Вот и получится как в той песенке: «Кто на новенького».

Тут я усмехнулся.

— Извините, Аким Леонардович, я не понял — кто сейчас с кем встретился? Вы со мной или я с вами?

— Так в том-то вся и штука, что вам, молодому, надо к нам прислушиваться, старым. Сейчас. В общем, загрузил я вас сразу, понимаю. Это от жалости к вам. Вы мне в сыны годитесь. Вот чтобы не получилось, как в том сказании про Прокруста. Загонят вас в камеру — и на топчан. Хорошо, если ноги вытянут до калибра. А если голову оттяпают?

Тут мне и вовсе стало любопытно. Аким этот точно «глас народа». Вот если бы только камня на душе не было.

— И что ж делать? — спросил-таки я.

— Вот в этом и вся лекала, — вдруг поскущела «фуражка набекрень» у Акима. — Какое нынче модное словечко из-за бугра: корпоратив. Вы, офицер, в ихний корпоратив фасоном не вышли. У нас не Америка, а зашуганная российская провинция. Белые вороны тут не живут, а если и живут, то недолго. Так вот я к чему. Человек ты крестьян-

ского роду. Гни свою линию. А ежели что, не стесняйся и в рыло. Гуманизм прибереги до лучших времён, ежели доживём, — легко перешёл на «ты» этот Аким. — Бить будут по мордам — и хорошо. У нас за одного битого двух небитых дают. Страна такая. Вот, значит, и весь мой наказ. Не обижайся на меня. Просто вредный я. А своим внукам буду рассказывать, что с самим главою встречался. Могут и не поверить.

Он вдруг протянул мне огромную свою лапищу:

— Держи мосол. И не грузи сердце. Хвори все пройдут. Бог не оставит в беде доброго человека. Иначе и жить не стоит.

Я не знаю, откуда он взялся — этот токарь Аким, только после разговора с ним немножко отлегло от души, как бы припорошило безнадёгу.

18

Приём граждан по личным вопросам оказался не таким уж и простым, как представлялось мне. За каждым обращением если не исповедь, то непременно что-то близкое к ней. И дело не только в «долбаной коммуналке», а в самом принципе. За правами и благами, обещанными вождями и функционерами, стоит тупое равнодушие чиновников. Фемида с завязанными глазами — это не образ справедливости по-русски, а её фантом. Мне оставалось только записывать в книгу обращений граждан очередной факт, делать участливое лицо и обещать. Впрочем, эту безнадёгу я разбавлял встречами. Всё-таки общение с массами «вширь» не так напрягает и немного ретуширует непереносимую боль по Анюте.

А тут ещё новость: идущий четвёртым в списке кандидатов некто Ярослав Комов, самовыдвиженец, бывший заведующий отделом транспорта администрации, снял свою кандидатуру и предложил своим избирателям отдать голоса за меня.

— Это нож в спину своему шефу, — резюмировала Фрося. — Я была уверена, что Комов — подсадная утка главы, но чтоб вот так?!

— Страховка, — подхватил Антипов. — Как может, спасает свою задницу. До конца сражаются только коммунисты. Такой нам реверанс. Хочет сохранить себя в должности.

— Хочет-то он хочет, да кто ему даст, — съязвил Руслан.

— Так, пацаны, хватит делить шкуру неубитого медведя. А то мы сейчас договоримся до триумфального шествия нашего героя. Не буди лиха, говорят, — набросилась почему-то на Антипова Фрося.

...Каждую свободную минуту я забегаю к Анюте в психиатрию и каждый раз получаю отлуп от заведующего отделением, Войкова Аркадия Семёновича: «Нет и нет. Терпите».

Конечно, звонит Пахомыч с одним и тем же вопросом: «Как Анюта?» — «Так же, — отвечаю. — Без изменений. Не знаю, что делать. Голова идёт кругом». — «Ну ты же понимаешь, если исчерпаны все возможности — молись», — убеждает Пахомыч.

И я нахожу время и иду в Свято-Троицкий храм, жадно ставлю всем святым свечи. За этой процедурой меня застаёт отец Олег. Пожимая мне руку, говорит с чувством: «Я тоже молюсь за неё. Знаю, трудно вам в деле праведном. Есть минуты, когда без Господа нашего никак нельзя. Держитесь».

...Напряжение дошло до упора. Работа в штабе не прекращалась ни на минуту. Главный штабист Антипов с утра раздавал задания агитаторам, которые потом брали ноги в руки и мчались на обработку населения... Каждый дом, улица за улицей. И дальние, и ближние посёлки. Транспортные расходы, частичная оплата «ходокам», печать влетали в копеечку. Но дышалось уже легче. Пожертвования «новых русских», частных лиц и компаний день ото дня множились, и едва ли не в арифметической прогрессии.

Кстати, за несколько дней до выборов качественно изменился и личный состав очереди ко мне в кабинет общественной приёмной. Люди всё чаще приходили с предложениями, порой очень конструктивными, толковыми, иногда с добрыми советами, — называть это казённо «наказами избирателей» не поворачивался язык.

На одном из таких моих приёмов побывала Фрося. Вердикт её заставил меня покраснеть:

— Обаял ты всех, Гавриил Алексеевич. Отрабатывать придётся аванс в поте лица. Теперь ты принадлежишь массам. Герой ты наш народный! — И она потрепала мои волосы.

Совершенно неожиданно в лохматой толпе в предбаннике приёмной я напоролся взглядом на родные глаза. Людей в форме ко мне приходило немало. А тут брат! Мы обнялись. И я сразу увлѣк его в кабинет.

— Как ты, как наши?

— Да всё нормально. Старики бодрствуют, но волнуются за тебя. Отец прессу читает. И телевизор ещё. Так что информация есть. Не пойму, нужно это тебе, ты же врач? — спросил Фѣдор с нескрываемым укором в глазах. — У вас тут война, да?

— Почти, но мы побеждаем, — бодренько ответил я и сразу, предвосхищая следующий вопрос, перевѣл стрелку: — А как ты?

— Нормально. Вот Варю с детьми подбросил родителям, чтоб им не скучно было, и — в командировку.

— На Кавказ?

— Да. На экскурсию по лермонтовским местам, — попытался слепить улыбку Фѣдор. — А как там Анюта?

— Плохо, брат. Очень плохо. Ребѣнок родился мѣртвый. Перенесла стресс... Сейчас в больнице.

— Как же так ты не уберѣг?! — взглянул на меня с откровенным укором брат. — Это как-то связано с выборами?

— Напрямую. Бандиты напали по наводке. Не били, поугали. Хотели взять меня за горло, чтоб снял себя с выборов. Ну и пошло-поехало. Извини, подробности как-нибудь.

— Какие подробности?.. Как вот с электрички сошѣл, так сразу и почувствовал запах пороха. Милиция ищет, да? Иголку в стоге сена. А я тут пока тебя ждал, народ послушал: уважают тебя, брат, массы.

— Ну спасибо. Только вот тут, — ткнул я себя в грудь, — такой булыжник... А у тебя когда поезд?

— Через пару часов. Ещё успею навестить Аню, если ты, конечно, отпросишься у народа.

— Отпрошусь. Они поймут. Я редко вижусь с братом.

Мы сели в мою «копейку» и отправились в больницу.

— Только ты не удивляйся, она в психиатрии, — сказал я.

— Я-то не удивлюсь, а вот что ты старикам нашим скажешь? У матери сердце большое.

— Не знаю. Надеюсь на чудо...

А в приёмном отделении психиатрии заведующего, то есть Войкова Аркадия Семѣновича, лечащего врача моей Анюты, не было. Вышедший на наши разговоры с ворчливой привратницей эдакий крепенький молодчик в белом халате категорически отказался показывать нам Анюту. И вообще ей сделали инъекцию и она спит.

Я спросил:

— Как она себя чувствует?

— Состояние обычное для таких больных, — легко ответил он.

— Это каких «таких»? Диагноз уже твёрдо поставлен?

— Шизофрения, — как-то так запросто выдал этот здоровяк, но, тотчас поняв, что ляпнул лишнее, сразу поправился. — Предварительный пока. Но все подробности у вашего лечащего врача Аркадия Семѣновича. Он хороший специалист. Кандидат медицинских наук.

Мы с братом переглянулись: «Спасибо, утешил». Вышли из отделения молча. Комментировать не имело смысла.

— Поедем в какую-нибудь кафешку, выпьем по стопарику за здоровье Анюты и за мой отъезд.

Впрочем, я за рулѣм. «Накатывал» только брат, а я пил сок. Говорить было не о чем, но ещё тяжелее молчать.

...Потом я отвѣз Фѣдора на вокзал. Дождались поезда. Обнялись.

— Крепись, братуха! Может, всё образуется. Под Богом ходим. Ты же знаешь, куда я еду. Но уже привык врать себе — не страшно. А ещё как страшно! Теперь вот двое ребятшек. Жить охота. А бросить ко всем чертям собачьим это своё ремесло не могу. Я — пѣс войны, брат, обыкновенный пѣс войны, — только и сказал на прощание Фѣдор.

Он прыгнул в уже дёрнувшийся вагон. Я подал ему сумку, взмахнул рукой. Куда ты едешь, брат мой, встретимся ли?

...На новую квартиру в Черёмушках меня возит Ашот. Я не рискую оставлять под окнами в глухом районе свою «копейку». Ашот меня и забирает. Другое дело, когда я ноую в общаге или у Анюты. Тогда «жигулёнок» при мне.

Похоже, я начал привыкать к новой квартире. В общагу и к Анюте хожу только поливать цветочки на окнах. Особенно скверно я чувствую себя у жены: наваливается такая смертельная тоска — выть хочется. После работы я отгоняю свою «копейку» во двор автошколы и Ашот отвозит меня в Черёмушки. Утром я вижу из окна своего третьего этажа двор соперника. Вот хозяин с парой-тройкой слуг толкуются возле его иномарки. Вот он играет с чёрным своим красавцем-догом, вот его целует на дорожку молодая, красивая женщина. Супруга, должно быть... Странно, человек сделал мне столько зла, а я не испытываю к нему никакой ненависти. Конечно, он знает, что моя жена в больнице, и не просто, а в психушке...

Однажды он как-то бросил взгляд на моё окно, и я решительно отпрыгнул — но это был не страх, нет, а какое-то нехорошее предчувствие.

Утром следующего дня мне в общественную приёмную позвонила Лили и сказала, что мною по телефону интересовался мужчина.

— Он представился?

— Нет, но голос такой руководящий. Спросил, как вас найти. Ему очень надо встретиться с вами по личному вопросу.

— Ну и что ты?

— Я ответила: «Справок мы не даём. Номера телефона и адрес общественной приёмной вы найдёте в рекламе». Он поблагодарил и повесил трубку.

— Ну, ты прямо автомат, а не секретарь. Человек может душевно. А ты ему сразу от ворот поворот.

— Я при исполнении. Ваши слова.

— Ладно, проехали, — сказал я, ловя себя на какой-то странной тревоге.

...Только я принял первого посетителя — вот он, звонок.

— Чудов моя фамилия; знаете, боярин, такого?

— Жора, ты какими ветрами?! — узнал я по голосу своего афганского сослуживца.

— Вашими, южными. Надеюсь, помнишь меня, капитан.

— Ну как же, «последний бой, он трудный самый», — искренне обрадовался я. — Давай ко мне.

— Нет, уж лучше ты ко мне. Не люблю я этих ваших канцелярий.

— А где ты?

— Тут от вашей приёмной недалеко. На углу переулка Щорса и проспекта Комиссаров. Здесь ещё сапожная мастерская. Чёрный джип, «немец». Увидишь.

— Сейчас, только разгребу малость.

Я сразу позвонил юристу Челнокову, объяснил ситуацию и просил срочно подменить меня. Тот, после понятной паузы, согласился.

Я вышел к людям — их на стульчиках сидело не так много. Сказал им, что сегодня приём будет вести юрист Челноков. Конечно, я их разочаровал.

Честное слово, пока шёл на встречу с боевым товарищем, очень волновался. Перед глазами возникал красавец-замполит, щёголь со снисходительной улыбкой и ужимками аристократа. Но вот от джипа отделился и шагнул ко мне человек. Только как будто уж и не он — другой, едва знакомый. Громоздкий, с брюшком мужчина в замшевой, распахнутой настежь куртке предстал передо мной. Куда только делась его шевелюра? Голова выбрита до блеска, только в серых с голубинкой глазах знакомое упрямство на грани высокомерия, — его трудно убрать даже вот такой широченной улыбкой. Обнялись, конечно; от него пахло дорогим парфюмом и дальней дорогой.

— Узнал бы, но с трудом, — сказал я.

Он увлёк меня в салон:

— Рад, чертовски рад нашей встрече. Так, говоришь, не узнал бы? Совсем плох? Постарел, подурнел, — весело ворковал он.

— Нет. Какой-то другой ты стал. Но не подурнел. Я тебя прежним представлял.

— Это когда орал: «Ду-у-хи», — рассмеялся Чудов. — Вот тогда я точно хорош был. Ну а ты, боярин, не сильно изменился. Не пойму, то ли заматерел, то ли забронзовел.

— А я в госпитале всё думал — спас ты Пикуля или нет? — переменял я тему.

— Да спас, спас. Только у меня его потом спёрли в аэропорту. Видно, не судьба. Нашёл же ты о чём думать.

— Ну а где ты забыл свои волосы? — не удержался-таки я. — Непривычно видеть тебя...

— Ну, положим, не так уж часто мы виделись, чтоб привыкнуть. — Кажется, мой вопрос не понравился подполковнику. — Наметилась тенденция. Сначала потеря плацдарма на темени, ну а потом общая паника и сдача позиций по всему фронту. Тут я и подумал: чего нервничать, пора сдаваться. И — под ноль. Привыкал долго. Сквозняки доставали. Ну а ты, я понял, рвёшься в большую политику. Кругом плакаты. Ты меня очень удивил.

— Я сам себя удивил. Братья по оружию уговорили. Сказали, что опять надо послужить Отчизне. На общественном направлении, — тут я взглянул на часы. — Завтракал?

— Малость перекусил. Я ж командировочный. Нормально. Кофейку из термоса попил.

— Ну, ты, похоже, процветаешь? Такой джип!

— Для столицы это обычное дело. Да и время сейчас такое. По одежке встречают, — не без кокетства проговорил Чудов.

— А где остановился? — спросил я, всё ещё пребывая в волнении.

— Да я только что приехал в ваш город. Дела у меня здесь по линии бизнеса. Но с нужным человечком я уже успел встретиться накоротке. Официальные переговоры завтра. «По протоколу». Ну а тебя долго искать не пришлось.

— Странно, политрук. Ты — и бизнес? Не монтируется. А как же армия? Ещё служить и служить, — не переставал удивляться я.

— Как сказал классик, «служить бы рад, прислуживаться тошно», — не стал усложнять Чудов. — У меня тут номерок в гостинице «Автограф» забронирован, для так называемых VIP-персон...

— А, знаю я эту ночлежку. Ничего — эффектная, в центре. Произведение «новых русских»...

— Дожились, офицер. До VIP-персон, — усмехнулся вдруг подполковник, и как когда-то, давным-давно, в глазах его возникла холодная надменность. — Я-то считал себя пропагандистом марксистско-ленинских идей. А теперь вот провожу на практике идею капиталистического рая.

— Слушай, а нужен ли тебе этот «Автограф»? Давай ко мне на дачу! Затопим камин. Можно и баньку. Шашлычки сделаем. Поживёшь, сколько тебе надо. Воздухом почти весенним подышишь. Мне тебя, Жора, сам Бог послал.

— Да, у вас тут тепло, не сравнить со столицей. Принимается, капитан, — охотно согласился Чудов и добавил к чему-то: — И меня тоже.

Я сразу позвонил Руслану: имеет, в конце концов, право кандидат на однодневный отгул по случаю приезда боевого товарища? Разумеется, с отдыхом на даче.

— Имеешь, вопросов нет, — ответил Руслан. — Но с Ашотом. Он вам не помешает. Будет у себя в машине. При вас.

— Ты что?! Может, мне ещё в постель его сунешь? Нет и нет. Это же мой боевой товарищ. Что он подумает?!

— Если есть проблемы, отставить, — шепнул Чудов.

— Как хочешь, — бросил трубку Руслан.

— Выборы. И я как бы в лидерах. Беспокоятся о моём драгоценном здоровье, — объяснил я, не углубляясь в детали. Будет ещё время тронуть и эту тему. Конечно, настроение было малость подпорчено.

— Ну всё, едем? — спросил Чудов.

— Да, конечно, только один звонок, — набирая сторожку Пахомыча, ответил я. Но трубку взял сменщик:

— А дядька Кондрат отдыхает. Завтра, как всегда, в восемь утра будет на месте. Но он и раньше, бывает, приходит.

— Звонил сторожу. Думал, пока будем ездить, он уже и камин затопит. Всегда помогает мне. Хороший человек. Но не его смена, — объяснил я и отключил телефон.

— Дрова есть, топор есть, руки есть. А спички купим, — повеселел вдруг Чудов. — Кстати, ты, помнится, не курил. И я вот бросил. Собрал всю волю в кулак. Ну, ты знаешь, без последствий. Спецы говорят — редкий случай.

— И у нас в штабе редкий случай — почти нет курящих. Мне повезло.

— Ну что, вперёд? А то уж и «немец» притомился, — поворачивая ключ зажигания, скомандовал Чудов. — Полагаю, на рынок?

— А ты меня мог и не застать. Я только собрался за машиной ехать, — осваиваясь в роскошном салоне иномарки, сказал я.

— И что там у тебя, тоже «немец»?

— Первая модель «Жигулей». Не заработал ещё на «немца».

— Заработаешь, какие твои годы, — задумался вдруг Чудов.

...На даче я не был с тех самых пор, как здесь разыгралась драма. Сердце заныло. Я вспомнил Анюту. Чудов шёл позади меня, грузённый спиртным и продуктами. Я налегке — это он меня пожалел из лучших побуждений. Территория была убрана идеально, стёкла на веранде сияли новизной. Ничего не напоминало здесь о происшедших не так давно событиях.

— Представляю, как хорошо тут у вас в сезон. Конечно, в Подмоскowie тоже недурно, но лето короткое, — сказал Чудов. — Не успеешь оглянуться, как уж и белые мухи. Хотя и зимой по-своему тоже неплохо.

— Кстати, тут недалеко озеро. В этом году зима тёплая, почти не замерзало. Так, наледь у бережков. А в сезон красиво. Ивы плакучие. Как в Швейцарии, — расхвастался вдруг я.

— А ты что, был в Швейцарии? — удивился Георгий.

— Нет, на открытке видел, — ответил я, открывая двери.

— Ах, на открытке, — улыбнулся подполковник.

И на веранде, и в комнатах тоже было чисто. «Что б я делал без Пахомыча?» — тепло подумал я о старике.

— Везде нормалёк. А что ещё надо для жизни? Вот такой домишко... — Определённо гостю нравилось у меня.

— С садиком и озерцом, — весело подхватил я.

— Ну да. И прехорошенькой женщиной рядом.

— А вот с этим... Ну ладно, потом, — деланно заторопился я. — Что там у нас в преёскуранте? Дрова. Чурки готовые, в дровнике. Только наколоть.

— Тогда ты занимайся мясом, а я дровами. Где топор-то?

— Святое дело, на веранде.

Я не большой спец по приготовлению шашлыков, но видел, как это делал большой мастер, тещь то есть, царство ему небесное. Кстати, стопка готовых дров уже лежала у камина. И мы в четыре руки быстренько его растопили. А когда пламя стало надёжным и потянулось первое тепло, каждый занялся своим делом. Ну, перебрасывались, конечно, по ходу кое-какой военной памятью, но неглубоко. С Чудовым-то мне пришлось послушать недолго. Так что у каждого своя память на события и лица «в интерьере».

День разгорался; словом, когда накрыли стол и подоспели первые шашлыки в камине, был уже полдень. Выпили по первой за встречу. Следующим тостом помянули погибших товарищей. Разговорились.

— А я смотрю на тебя, доктор, и не перестаю удивляться. Такой живой, деятельный. Я-то помню тебя в госпитале в Баграме. Вообще думал, ногу тебе оттяпают. А тут легонько припадаешь, даже, чёрт возьми, есть какой-то в этом шарм.

— Ну так уж и шарм, — смутился я. Подумал, как удобнее ответить на этот комплимент. Но ничего путного на ум не пришло, и я сказал: — Ситуация обязывает держать форму, насколько позволяет увечье. Как ни крути, а одна ножка короче другой. Кстати, это было одним из важных аргументов, чтобы отказаться от участия в выборах. Я так и сказал братанам по оружию: «Где вы видели хромого мэра?»

— А тебе возразили: Геббельс тоже хромал, — подхватил Чудов.

— Ты прямо мысли читаешь, как Мессинг, — восхитился я.

— Политрук я, буряин; хоть и бывший, но политрук, — не стал бурить вглубь Чудов. Спросил: — Ну а как на личном-то фронте? Семья? Помнится, жена у тебя тоже врач по профессии.

— Бывшая жена.

— Да неужели?! — как-то искренне воскликнул Чудов. — Загуляла?

— Не дождалась, так скажем.

Тут я откровенно сник, и Георгий понял, что развивать тему дальше не стоит.

— Извини, — похлопал он меня по плечу.

— Да всё нормально. Женился во второй раз, и тоже проблемы. — Тут я вспомнил Анюту и вообще потерялся. — Невезуха по жизни.

— Ну что тебе сказать... Я хоть и духовник, но не настолько. Ежели банально, жизнь, она ж как зебра — полосатая. За чёрной полосой непременно белая. Тебе только за тридцать — ещё не поздно всё начать сначала.

— Глубоко за тридцать, политрук. — Я поднял рюмку. Ничего хорошего заявленная тема мне не обещала. — Ну а за что ж тогда выпьем?

Тут Чудов так и полосонул по мне острым, как лезвие бритвы, взглядом, но сразу вдруг нашёлся в улыбке:

— За светлое будущее всего человечества. Во всяком случае, нас это уже ни к чему не обязывает.

«Если это шутка, то весьма дурацкая», — подумал я, а вслух сказал, чтобы разбавить неловкость:

— Хотя бы уж быстрее кончилась эта неопределённость!

— Ты это о чём? О выборах? — догадался политрук. — А давай за твою победу и выпьем.

Я поднял рюмку и заметил в себе какое-то странное волнение. Чокнулись.

— У тебя на веранде я видел велосипед. Он на ходу? — оживился Чудов.

— Конечно. Шины, может, только подкачать. А что, хочешь покататься? Так ещё не сезон.

— Всё вокруг сухо. Тепло. Костюмчик спортивный надену и вспомню детство. К озерцу швейцарскому проеду, — так и заблестели глаза у моего сослуживца. — По окрестностям погоняю. Ну так как?

— Да ради Бога, Жора. Насос в тумбочке. Подкачаешь шины — и вперед.

— Это я с удовольствием. У меня в детстве был «Орлёнок», отец подарил на день рождения. Радости было... Такая ж дачка была в Подмоскowie, настоящий деревенский сруб, во дворе колодец. Вот я по всей округе и гонял. Рыбалка и велосипед. Счастливым было время, — вдруг расчувствовался Чудов; кажется, даже слеза поползла к переносью. — Так, значит, можно, да? Покататься-то?

Тут раздался телефонный звонок. Но не мой, а Чудова. Он вытащил трубку и вышел во двор. Но был недолго.

— Звонят из фирмы, интересуются, как устроился, — объяснил он.

Мне показалось немножко странным, что Георгий совсем не рассказывает о себе, о своей семье. Разговоры всё больше об Афгане, общих знакомых офицерах, об их судьбах. Тут подполковник полностью владел инициативой. Он подробно рассказал, как выходили из Афгана. Сколько потеряли бойцов.

Я задал единственный вопрос:

— Как там командир наш, Семёныч? Живой?

— Живой. Говорили, что потом его перевели в какой-то округ на повышение. Но тут начались политические дела в стране. Подловили командира на какой-то аморалке и из армии вышибли. А что он делает сейчас, не знаю.

— Какая аморалка? На Семёныча это не похоже. Наверное, по прямоте своей сказал, что думает, вот и попал под раздачу, — огорчённо произнёс я. — Такой человек.

— Может быть, старик. Сейчас это определённо не та армия, что была. Гордиться нечем. Вот война с Чечнёй покажет.

— А ты думаешь, будет?

— По-другому нельзя. Политики хотят устроить показательную порку. Паша Грачёв — большой стратег. Посмотрим.

Тут мне показалось, что Чудов начал пьянеть.

— А ты помнишь, Жора, как я оказался в Ташкенте в госпитале? Кажется, я отключился в приёмном покое.

— Совершенно точно. Ты был в коме. Извини, дружище, я сам тебя грузил в «чёрный тюльпан» попутчиком. Вместе с цинком. Вот такое было у меня начало отпуска. Тут как-то встретил Семёныча, уже в Москве; он и сказал, что ты благополучно устроился после службы. Имеешь даже свою клинику.

— Ну, про клинику — это кто-то ему загнул. А вообще, как он про это моё житьё узнал, ежели все концы потерялись? Я ни с кем не поддерживал связи. Пытался было через военкомат узнать о сослуживцах. Вроде делали запрос, да всё как-то затерялось.

— Ну, наверное, всё-таки наша афганская почта восточку о тебе принесла. А ты что, так ни с кем из наших и не встречался за эти годы?

— Нет. По горячим следам желание было. А после... У меня нехорошая отрывка от Афгана. Просто потом мы оказались никому не нужны. Чего вспоминать! Была такая страна, и такая вот военная версия была.

— Версия... А ведь точно, версия! — подхватил Чудов и потянулся ко мне с рюмкой. — Давай за версию и выпьем.

Выпили. Чудов, аппетитно уминая шашлык, спросил:

— Надеюсь, ты останешься сегодня со мной? Не бросишь боевого товарища? Когда ещё увидимся?

— Хорошо, если никакой чрезвычайки не случится. Я ж, товарищ подполковник, при исполнении.

— Ну тогда давай ещё раз выпьем за наше фронтовое братство, — налил в рюмки Чудов. — Стоя и без слов.

Выпили, как и предложил политрук, стоя и без слов.

— Только уже не подполковник я, — сказал Чудов, — а полковник. — Когда группировку выводили, мне за особое задание досрочно очередное звание присвоили. Вёсёлая была работка на посошок.

И только это он проговорил, как из глубины сада послышались сигналы.

— Ну, пойдй встретить гостя, а я пока отойду по нужде, — как-то заторопился Чудов. А приехал Ашот.

— Может, зайдёшь, шашлычком побалуешься? — предложил я.

— Старик, извини, что я тебя дёргаю. Но тут не до шашлычка. Фрося в истерике. Сердечный приступ был, вызывали «скорую». Требуется, чтоб ты немедленно приехал. Ей нехороший сон приснился про тебя. Ну уважь ты её, ради Бога! А потом вернёшься. Давай срочно, а то там полный песец.

— Счас. Только попрощаюсь.

Я вошёл в дом. И следом появился мой гость — полковник.

— Понял. Срочно нужен. Ну поезжай. Надеюсь, ты вернёшься, — сказал Чудов. Мне показалось, он подавляет волнение. И к тому же прячет глаза.

— Конечно, вернусь, Жора. Быстренько разрулю. Скучать тебе не придётся. Ты ж, кажется, хотел покататься на велосипеде. Ну, бегу...

— А тачка у твоего друга классная, — сказал Ашот, когда отъехали.

— Классная, — согласился я и до самого штаба ушёл в себя.

Каково же было моё удивление — встретить Ефросинью Карловну в добром здравии и с полной обоймой созидательной энергии.

— Ты что себе позволяешь, мальчишка?! — медленно разжигала она себя. — Считанные дни до выборов. Что, уже невтерпёж?

— Неужели я не могу встретиться с боевым товарищем? — возмутился я.

— А кто он, этот боевой товарищ? Почему не приехал в штаб? Мы б на него посмотрели, — сказала Фрося.

— Да вы что, ребята?! Это же полковник Чудов, генеральский сынок. Что вы тут себе нафантазировали?

— Не горячись, капитан, — вяло сказал Руслан. — Напряг, сам понимаешь, зашкаливает. — И Фросе: — Давайте все успокоимся. Ничего ж не случилось. Пусть гость, Гаврюша, поживёт на даче. Свежий воздух. Я думаю, этот твой полковник — человек понимающий. Ты при больших делах. Ключи-то ты ему оставил от дачи?

— Ну да. Я всё ему и показал, и рассказал.

— Вот и замечательно. Адрес штаба он знает. Если что, привезёт тебе сюда ключики. Всё, тема исчерпана, подводим черту, — сказал Батищев.

— Да-да. Приступаем к работе. Слава Богу, все на месте, — подсуетилась и Фрося. — День у нас не нормирован.

Тут все разбежались по своим углам. И так просидели в штабе допоздна. Разговоры какие-то необязательные и такие же пустые звонки. Я что-то не заметил, чтоб у кого-то от большого усердия спина вспотела. По-моему, все задались целью меня караулить.

Сворачивая наконец, дела Руслан спросил:

— Ты сегодня на каком объекте ночуешь?

— Думаю, в общаге, а почему ты спрашиваешь?

— А твой знакомый про общагу знает?

— Нет, я ему о такой исторической детали не поведал, — рассмеялся я.

— Ну и хорошо. Я тебя отвезу. Там, на людях, тебе будет спокойнее.

— Ей-богу, пацаны, вы точно накличете беду, — принял я сей акт осторожности с явной насмешкой.

— Лучше перебдеть, — ответил мне скучной ухмылкой Руслан. — Ты сто лет этого своего дружбана армейского не видел, а по нашей российской житухе за такое время чёрт многое навалить может.

Я промолчал. Но в общагу меня Руслан отвёз и довёл до самой двери.

Тут я ехидно заметил, намекая на диван:

— Извини, но «боливар» двоих не выдержит.

— Не переживай. Ночевать я у тебя не собираюсь. Но, сам понимаешь, страсти накалились до предела. Все методы переговоров исчерпаны. Только война, и она идёт.

— А если меня грохнут? Что последует? — спросил я.

— Типун тебе на язык! Тьфу, тьфу... Я не знаю всех тонкостей закона. Наверное, на усмотрение городских депутатов: могут признать выборы недействительными, а могут продолжить до победного конца, а факты передать следствию. Но всё равно, и в том и в другом случае, Витёк останется у власти. Пусть даже перевыборы. Но на этот раз с его стороны осечки не будет. В борьбу вступят такие спецтехнологии и денежные мешки — мало не покажется. На корню скупают всех противников и сомневающихся. Витёк только во вкус вошёл. Поначалу-то думал взять нас на арапа... Вот ты почему лидер сейчас? Потому что страна на историческом изломе, на периоде сомнений, так скажем, на живой ране. Это народный протест. А потом такого не будет. В грядущую искренность масс будут верить только идиоты. Наступит национальное равнодушие и эгоизм. Вот ты обратил внимание — на нас не накопили ни одного компромата?

— А откуда ему взяться? — не понял я.

— Вот то-то. Если бы нарыли, Витёк, может быть, и пошёл бы другим путём. Народу подай сенсацию. А раз её нет, значит, брать кандидата надо, как урки говорят, на гоп-стоп. Вот и Анюта под жернова попала. Но он не учёл, что у нас в стране любят мучеников.

— Ну, брат, чешешь ты языком Фроси.

— А то, с кем поведёшься. Если сейчас власть не вырвем... — Руслан перевёл дыхание, — даже страшно подумать, что будет. Не с нами. Со страной. Эффект домино, старик.

— Ну, мы нашли место для политических бесед, — сказал я и подал руку. — Продолжим в другой раз.

— А стоит ли? — ответил Руслан. Пожал мне руку и пошёл.

— Фросе-то что приснилось? — спросил я вслед.

— Видела тебя тонущим, далеко в море, — остановился Батищев, — а народец на берегу и только кричит от беспомощности. Пока тебя волна не накрыла. Вот и думай что хочешь.

Полночи я бодрствовал — в голову лезла всякая муть. Её даже не перекрывали мысли об Анюте. Не выходил всё-таки из головы полковник Чудов. Так толком и не поговорили. Чем конкретно занимается, семья, дети? Он всё больше слушал меня, а себя раскрывать не торопился. О прошлом — пожалуйста. О настоящем — вскользь и в полутонах...

Я измучился думами, еле до утра дотянул. Привёл себя в порядок и двинул в штаб. На посту оказалась только Лили. Она у нас жаворонок.

Я прошёл в наш с Фросей кабинет и сел в её кресло. Начавшийся с ночи дождь к утру сделал паузу, но небо было беспокойно. Я с нетерпением ждал звонка Пахомыча, а телефон на её столе. Не знаю почему, но после вчерашней беседы вдруг возникли сомнения. Разбирая всё по косточкам в нашей встрече с Чудовым, я находил сейчас в деталях

его поведения определённую осторожность. Даже тот факт — приезд Ашота, и именно в эту минуту ему захотелось «до ветру». Конечно, сомнения были, но в такую, прямо скажем, запредельную фантазию моих друзей я верил с трудом. «Это» могло произойти и по пути движения на дачу. Да мало ли? «Чтоб полковник, собрат мой по оружию?! Ну знаете, господа, это клиника». Но тревога нет-нет да и заявляла о себе.

Тут я увидел на столе Ефросиньи Карловны на ворохе газет томик Хемингуэя. «Праздник, который всегда с тобой». Это была тоже моя настольная книга. «Ай да умница!» — подумал я о Фросе и отвернул обложку. Вверху на титульном листе автограф: «Твой праздник всегда со мной. С нежностью и любовью Яков Дёмин». Тут я чуть не свалился со стула: неужели этот Яша Дёмин — отец главы, то есть моего противника?! Тут появился Руслан, и я протянул ему открытую книгу:

— Что это?..

— Ну, ты глаза не таращ. Папеч нашего Витька, бывший Фросин любовник. Они на каких-то политпосиделках познакомились в ЦК. Фрося тогда была большим комсомольским лидером. Кажется, ещё при раннем Брежневце. А может, и при царе Горохе, — абсолютно спокойно пояснил Руслан.

— И ты мне обо всём этом ни гугу? Друг называется! — обиделся я. — И кто же тебе про неё нашептал?

— Старик, ну это ж не принципиально. Фрося меня попросила, чтоб до поры я тебя этим не искушал. Кинул Витькин папеч нашу бабёнку, и, кажется, жестоко. Тянул с ней резину, тянул... Замуж дева не вышла, детей нет. Одна мать. Ну а месь в больших подружках ходит.

— Значит, сынок про это всё знает? Хороший получился у нас треугольник, как в мыльной опере.

— Вот поэтому и нечего по чужим вещам шарить, — вдруг осадил меня Батищев. — Крепче спать будешь.

— Сразу шарить, — обиделся я. — Случайно к телефону подсел. Что, уж и книгу открыть нельзя? — психанул я и пошёл к Лили звонить Пахомычу.

А та уже идёт мне навстречу с трубкой. Слава Богу, на проводе сторож.

— Ну как там? Заходили на участок? — с нетерпением спросил я.

— Едва с него. Вот и звоню тебе. Чудеса да и только. Всё, Гаврик, открыто настезь, а друга твоего нет. Я уж всю околицу обегал. Даже к озеру ходил.

— А джип на месте?

— И джип, и всё на месте. И одежда его на стуле в аккурат, и обувка. Нет только велосипеда. Но того, моего.

— Катается по округе, — ответил я, успокаиваясь. — Где-нибудь у озера. Он сам у меня выпросил велосипед, детство вспомнить. А двери-то совсем были настезь?

— Да нет, просто прикрыты. Ключи в замке. Детство-то оно детство, но я когда вот на работу ехал, нас в объезд пустили. Авария случилась на трассе: дорога после дождика. Скользко. Грузовик вверх пузом и легковушка в гармошку. Поговаривают, сбили велосипедиста. Выскочил из-за поворота. Может, и он попал под раздачу. Это же рядом.

— Будет, Пахомыч, пугать. Полковник и не в таких переделках бывал.

— Так-то оно так. Мне тоже категорически не хочется в это верить. Но ты уж извини меня за мою чрезмерную подозрительность, только я хотел бы взглянуть на документы твоего товарища. Скажи-ка фамилию.

— Георгий Чудов.

Старик оставил меня ждать на трубке. Время тянулось долго. Меньше всего сейчас мне хотелось любопытства Батищева. Ну слава Богу, наконец шумок и голос Пахомыча:

— Подозрительно. Во всех карманах пусто. Только какая-то писулька с инициалами и номер аптеки по улице Серафимовича. Странно. Может, документы при нём. Ты бы подгрёб. Хотя бы джип с глаз долой отгоним, в гараж Кинзеля. Ключи вот тут в вазочке. Подгребай, и как можно быстрее, а то как бельмо у всех на виду джип этот.

Я вернулся к себе в кабинет.

— А где сегодня Фрося? — спросил я Батищева; он что-то подсчитывал с калькулятором в руках.

— У Аскольда будущую передовицу обсуждают. Обзорную, по итогам выборной кампании. Ну и благодарить будут нашего избирателя.

— А меня в это уже как бы и не надо посвящать? Мавр своё дело сделал.
— Сделал, капитан, — досадливо взглянул Руслан. — У тебя есть сегодня работа?
— До обеда в общественной приёмной Челноков.
— Ну и хорошо, проведай Анюту. Старик, расслабься, пользуйся моментом, пока нет этой бестии.

«Тогда на дачу», — подумал я.

Ашота забрала Фрося, так что до места стоянки моих «Жигулей» в автошколе пришлось стреножить частника. И вот я мчусь к месту дислокации полковника Чудова и его джипа. Может, он уже и вернулся после прогулки на велосипеде марки ХВЗ. Пустил волну — чего ему закрывать дом, если он по месту? Может, и затерялся где на наших-то красотах. Деньёк солнечный, редкое по февралю тепло.

Пахомыч ждал меня у джипа.

— Хорошо, что день будний. Людей почти нет, — как-то заговорщически осматриваясь, проговорил Пахомыч и пожал мне руку. — Надо бы этого иноземца спрятать с глаз долой.

— А куда, Кондратий Пахомович? — досадливо повёл я головой.

— Как куда? — удивился сторож. — В гараж к Кинзелю. Я ж сказал. А ключики от этой лайбы преспокойно в вазочке на тумбочке лежали. Ты сможешь на ней-то?

— Смогу, наверное, — улыбнулся я. Вид у старика был какой-то взъерошенный и встревоженный одновременно.

— Ну, тогда заводи.

— Так сразу? А кто такой Кинзель? — спросил я.

— Ты что, Льва Абрамовича Кинзеля не знаешь, бывшего директора мясокомбината? А небось деликатесную колбаску вкушал?

— Вкушал, только на ней не было написано, что она от Кинзеля. Кажется, мясокомбинат прибрали к рукам люди главы. Он на ладан дышал. А где ж сам хозяин? — Я открыл джип и сел за руль. Старик устроился рядом.

— Кинзель-то? С семейством в Израиле. Денежку кое-какую поимел от продажи своего хозяйства — и к братцу на эту самую землю обетованную. А на гараж и на дачный участок желающих пока не нашлось. Он меня как бы поверенным оставил. А гараж хороший, капитальный, с подвалом. Я иногда туда пускал постояльцев; так, по мелочи, платили. В сезон, — рассказал Пахомыч по ходу движения историю гаража Кинзеля.

Он потом долго возился с гаражным замком: поржавел за зиму. Открыл наконец.

— Въезжай, — пригласил.

Я легко вставил джип. Вышел.

— А тебе не хочется джипок этот малость обследовать? — спросил Пахомыч, хитровато поплёскивая глазами.

— Нехорошо. А вдруг хозяин объявится? — не согласился я.

— Вот чует моё сердце: что-то тут не так. По-моему, дружок твой, военный, уже не объявится. Все сроки прошли. Погиб он в той аварии. Господь убрал его с твоей дороги. Да мы так, аккуратненько; если что, не догадается. Давай, а? — настаивал старик.

— Ладно, — неохотно согласился я и заглянул в бардачок. Ну вот водительское удостоверение на имя Чудова. И его паспорт. Всё нормально.

— А ты не торопись, давай глубже копнём, — решительно заявил старик и принялся за работу.

Открыли багажник. В полиэтиленовых сумках — спальный мешок, тёплое нательное бельё, одеяло. Пластмассовая канистра с водой и алюминиевая с бензином. В рюкзаке одежда, обувь.

— А хорошо упаковался. На дорожку дальнюю. Весь гардероб захватил. Эт что ж за командировка такая, на Магадан? — хохотнул сторож. — Бизнесмен, говоришь? Эха! Бизнесмены в самолётах летают, в крайнем случае, на скором, в вагоне люкс. А так ездят ребятишки определённой квалификации, — смял лоб в гармошку Пахомыч. — Чтоб не светиться.

— Вы что имеете в виду? — кажется, я начал догадываться.

— Уберёг-то тебя Господь. — Пахомыч вошёл в азарт. — Вот ещё маленько пошукаем — и что-нибудь нарисуетя. Давай снимать заднее сиденье. И спинку.

— А вы уверены, что там что-то будет? — Всё-таки я не мог согласиться с «разбоем». Полковник Чудов, фронтовой товарищ?! Господи, разбудите меня!

А Пахомыч уже снимал сиденье. Управлялся он ловко, со знанием дела. Вытащили. Под суконной накидкой — снайперская винтовка в кожаном чехле, тут же рядом в футляре — пистолет с глушителем. Пачки патронов. В пластмассовой коробочке — ампулы без маркировок и таблетки. Отдельно — шприцы.

— Ух ты! Я только в кино такое видывал, — проговорил Пахомыч. — Жить, Лексич, будешь долго. Матушка-спасительница тебя сберегла. Вот и бросила твоего дружка под колёса. Ничего вытаскивать не будем. Там точно отпечатки пальцев.

Я, кажется, не слышал старика. Всё плыло перед глазами. Чудов! Чудов! Неужели так может разрушить душу жажда денег?!

— А вот и денюжки, — сказал Пахомыч. — Доллары. Как ещё бабушка моя в чулок прятала. За сколько ж сребреников он тебя продал? Посчитаю.

Я не могу прийти в себя. Как же это: Чудов — и киллер. Перед глазами так и запыгали картинки Афгана. Какие-то партсобрания. Застолья, «таблетка» моя, наконец. Не зря, значит, панику подняли мои друзья. Особенно Фрося.

— Ну хватит, приди в себя, командир, — тронул меня за плечо Пахомыч. — Дёшево они тебя продали, за двадцать штук зелёненьких.

— А может, это аванс, — едва только и молвил я.

— Тогда здесь должна быть расписка.

Тут Пахомыч начал опять всё перетряхивать и наконец нашёл пакет с фотографиями. В основном незнакомых лиц. Но была одна и моя. Из серии, что снимал «мальчик-с-пальчик». Здесь же были и паспорта на имя Филимонова Андрея Ивановича и Стёпина Александра Гавриловича. И водительские удостоверения с этими же фамилиями. И везде фото Чудова.

— Да у него тут целый подряд! — воскликнул Пахомыч. — Приехал твой полковник наш южный куст «окучивать». Вот посмотри. По-моему, это и есть страховка.

Он подал мне мою фотографию. На обратной стороне в уголке стояла подпись главы.

— Она. Не сомневайся. Стрельнул, привёз фотографию, получил деньги. Остаток, — весело рассудил сторож. — Да ты как будто и не слышишь меня. — Возьми её на память.

— А может, он со мной договорился б? И лапшу тому бесу?

— У таких лапши не бывает. Не тот клиент. Всё нехристь рассчитал, кроме Господа нашего.

Я туло взирал на весь этот арсенал. Сказать было нечего.

— Соберись, офицер! Бог отвёл. Если б всегда побеждало зло — и жизни б не было. Тебе бы сейчас коньячку шархануть за второе рождение. Только ты об этом никому. За чем? Забудь, как дурной сон.

— Уже забыл. Только что будем делать с джипом? И со всем этим богатством? — спросил я.

— Деньги, они и есть деньги; это тебе за моральный ущерб, — самодовольно хихикнул Пахомыч. — А всю эту мутоту, — он обвёл рукою салон, — лучше всего с дамы на каменном карьере — и концы в воду. Подъезд там есть. Толкнём. Жалко, конечно, тачку, но шкуру свою жалче будет. Как будто ничего и не было.

— Сейчас, наверное, менты копытами бьют. Ищут концы. Страхуется хозяин: а вдруг подпись всплывёт — это же покушение на убийство. Тюрьма, тут и папеч не поможет. Вся оппозиция на рога встанет. Организация заказного преступления. Да ещё и политического, — сказал я. — Любопытно, как же он меня хотел грохнуть? Глаза в глаза?

— Вряд ли. Ты же сослуживец, сам к нему в руки пошёл с этой дачкой. Глаза в глаза стрелять человека, с которым воевал, — это ж против всех человеческих и партийных принципов. Подсыпал бы снотворного и укольчик какой-нибудь. У него на любой случай подарки. А потом — пожарчик. Как бы от камина. И пока б мы «ах, ах» с водой тут напрягались, чтоб пробиться, извини, к трупу, а улики тью-тью. Похоронили б тебя с почестями. Несчастный случай. Хитёр твой противник, ух и хитёр, но на каждую хитрую задницу есть что-то с винтом.

— Ну вот как после этого жить на свете?! Извини, творить добро...

— Эка ты хватил! Добро... Ты не Христос. Просто жить. Не задумывайся, не рой в себя глубоко. Не время. Ты беги к себе. То, что дружбан твой в аварию попал, к гадалке не ходи. Уже давно нарисовался б...

— А может, уже и приехал. В панику ударился — джипа нет.

— Ну, тут бы шума много было. Пойду на всякий случай, посмотрю.

Пахомыч вышел из гаража. Я в его отсутствие всё уложил на место. Оставил только снайперскую винтовку в чехле с обоймой патронов. Под чехлом на стволе определённо пальчики Чудова.

Вернулся Пахомыч.

— Пусто. Вот чуёт моё сердце, что этот дружбан твой погиб в аварии, которую я видел.

— Не дружбан, сослуживец, — поправил я.

— Ну так как? Во сколько тебя ждать? Как стемнеет, надо же это чудо убрать с глаз долой...

— Часиков в девять.

— Идёт. А винт зачем берёшь? Ты что ещё удумал?

— На память. Здесь отпечатки киллера. И фотография моя девять на двенадцать с автографом главы. Вот и будет у меня страховка, — нарисовал я улыбку. — От всех чертей, вместе взятых.

— Ох, что-то ты темнишь, парень. Такие улики?! Гляди. Крови на ней много. Взял бы лучше своё ружьё себе на охрану.

...С дачи я сразу поехал к Анюте и встретился наконец с лечащим врачом Аркадием Семёновичем Войковым. Он поздоровался со мной за руку и не старался скрывать своей озабоченности.

— Пойдёмте, я вас проведу к ней, — просто сказал он.

Анюта взглянула на меня пусто.

— Анечка, ты узнаёшь меня? — подался я к ней, но врач меня придержал.

— Не надо. Без эмоций. У неё и своих хватает.

Аня вдруг сползла с кровати и упала передо мной на колени. Она обхватила мои ноги и зарыдала.

Мы с доктором переглянулись. Он показал рукой: пусть. Потом я поднял Анюту и поцеловал в губы. Она была рыхлой и скользкой, как желе. Я посадил её опять на кровать и только и сказал:

— Анечка, родная моя...

Тут Анюта взглянула на меня с нездоровым, каким-то очень агрессивным блеском в глазах, вскрикнула:

— Убирайся!

Спокойно легла и отвернулась к стене.

Мы вышли.

— Уже чуть лучше, — сказал доктор. — Она вас узнала, реагирует.

— Неужели шизофрения, Аркадий Семёнович? — спросил я.

— Элементы бывают. Редкий по качеству психоз. Она не может адаптировать себя к потере. Нужно время. Терпите, друг мой. Всё в конечном итоге от Бога. Я стараюсь не грузить её нейрорептиками. Такой шадящий режим. Будем наблюдать. А вдруг случится чудо?! Такое бывало.

— Извините. Спасибо.

— Да за что спасибо-то, — как-то усовестился доктор. — Будем делать всё возможное и невозможное...

Мы пожали друг другу руки и расстались.

Я вышел из отделения с маленьким чувством надежды.

В тот же день поздно ночью я примчался к Пахомычу. Он меня ждал.

— Глаза слипаются, спать хочу. Но надо же дело сделать. Садись за руль. Я буду тебе показывать дорогу, — сказал старик.

Мы едва добрались до места у карьера: дорога убийственная, на страшных колдобинах. Если б не высокая посадка джипа, проехать было бы невозможно. Грузовики набили глубокую колею — к тому же глина пополам с булыжником. Ехать — сплошное наказание.

Место для сброса Пахомыч обследовал фонариком. Мы подъехали, откровенно рискуя, к каменному выступу. Открыли окна. Я поставил на нейтралку, толкнули. Сначала грохот, потом шлепок — и джипа как не бывало.

— Тут глубоко, не достать донышка. А теперь ищи ветра в поле. Похоже, вверх пузом залёг. — Старик явно был доволен. — Айда ко мне. В сторожке тепло, печка горит. Я тебе, как гостю, постелю на кровати, а сам на нарах. Мне не привыкать. Ну и по рюмочке за успех.

— Какой успех, Пахомыч, о чём вы?

— Одним гадом на земле стало меньше. А машину жалко, хорошая техника...

Я категорически отказался ночевать у Пахомыча. И поехал к себе в Черёмушки. Глухая ночь, удобнее всего спрятать ствол на новой квартире. В общагу нельзя (ночью с оружием мимо проходной — не для слабых духом).

Я оставил свою «копейку» под окнами первого этажа и сразу почувствовал зверскую усталость. «Да плевать, что с ней будет до утра». Я нёс в руках винтовку, и мне казалось, что это я совершил преступление и грохнул из неё полковника Чудова.

19

Утром, ещё в постели, меня достал сигнал радиотелефона. Звонил Батищев.

— Старик, встал? Собираешься?

— Собираюсь. Спал плохо, — сказал я и подумал: «Ночь — один сплошной кошмар».

— Это на погоду.

Тут я глянул в окно. Мамочка родная, зима! Всё — перемирие кончилось. Оттепель помахала ручкой — природу не обманешь. Вокруг белым-бело, а снег всё валит крупными хлопьями.

— Ну давай, собирайся. Труба зовёт. Что-то тобой органы интересуются. Через час будет следователь. Вроде по аварии на трассе возле вашего дачного района. Ты о ней слышал?

— Слышал. Две машины столкнулись. — Тут вдруг перед глазами возникла картина падающего с откоса джипа Чудова и фраза Пахомыча: «Кажется, кверху пузом залегла».

— А как там твой однополчанин?

— Проводил вчера. — А в мыслях так и блеснуло: «В последний путь». — Как видишь, жив я и здоров.

— Ну, слава Богу. Давай подгребай. Я в избирком с Антиповым.

Я собрался. Выпил наскоро чашку кофе — и вниз к своей «копейке». Пришлось смахивать снег перчаткой с окон. Впрочем, если и есть морозец, то уж больно робкий: перчатка мокрая, хоть выжимай, на тротуарах кое-где ещё тёмные проталины, и воздух влажный.

...Сотрудник органов, старший лейтенант милиции, сидел за моим столом напротив Фроси и листал журнал, очевидно, подсунутый ему дамой. Он поднялся мне навстречу и, протянув руку, представился:

— Колокольцев Иван; если хотите, Фёдорович. Оперативный работник УВД Пролетарского района.

Он оказался очень высоким и довольно крепким молодым человеком, с открытым и, как мне показалось, приветливым лицом. Если б не эта громоздкая шинель, я бы подумал, что передо мной старшекурсник гуманитарного вуза и непременно будущий филолог. И голос у него был спокойный, и черные глазки ничуть не «пронизывали». После убийственной ночи такая встреча далеко не подарок судьбы. Но в голову ничего мрачного не лезло, и если я и почувствовал поначалу какое-то волнение, то оно сразу и прошло.

— Апраксин Гавриил Алексеевич, капитан медицинской службы в прошлом, кандидат на пост главы в нынешнем, — улыбался я, как бы заключая его в свои объятия. — Не было за мной криминала, хоть убей. — Извините, что я заставил вас ждать. Сегодня, правда, снежно, но на улицах всё равно тесно от транспорта.

— Садитесь, Гавриил Алексеевич, — уступила мне своё место Ефросинья Карловна. — Не буду вам мешать.

Она шагнула в комнату начальника штаба Антипова и плотно закрыла за собой дверь.

Тут сотрудник милиции не спеша достал из кожаной папки блокнот и ручку и положил перед собой. Движения его мне показались леновато-валяжными, но уверенными.

— Гавриил Алексеевич, я веду дознание по делу о недавней аварии на Придонской трассе, как раз в том месте, где она проходит мимо дачного района. Вы там, насколько мне известно по предыдущему делу о нападении на вашу жену...

— ...которое так и осталось нераскрытым, — подхватываю я, так что личико у старлея-«филолога» краснеет.

— Ну почему, следствие ведётся. И, по-моему, уже есть подозреваемые, — обиделся парень. — Словом, у вас там дача. Часто бываете у себя?

— Конечно, реже, чем в сезон, но бываю. Вот недавно гостил у меня мой однополчанин, полковник Георгий Чудов... — Кажется, я обретаю уверенность.

— И вы не слышали об этой трагедии? Погибло два человека, есть тяжелораненые.

— Конечно, слышал. Но не в деталях. А почему вы вдруг обратились ко мне? На дачах полно проживает народу. Даже зимой...

— Я знаю. Опрос ведётся, — интригуяще заблестели глазки у старлея. — А вам ни о чём не говорит имя Суворина Игоря Филипповича? Вы только хорошо подумайте. Сотрудник вневедомственной охраны города Подольска.

— Ну, на память я ещё не жалуюсь. Не слышал я про такого. А почему этот вопрос именно ко мне?

— Всё дело в том, что в заднем кармашке его спортивного трико вместе с удостоверением обнаружена листовка с адресом общественной приёмной, телефонами, но главное — с вашей фотографией, — как-то нездорово заискрились глазки старлея.

— Ничего не пойму. Если мне не отказывает память, мы такие листовки отпечатали тиражом в десять тысяч, и везде моё фото. Наверное, человек мне хотел позвонить или приехать. Почему это вас удивляет?

— Нет, что вы? Это вас ни к чему не обязывает. А может, он ваш знакомый, Гавриил Алексеевич. — Тут милиционер-«филолог» нырнул опять в папку и достал из неё несколько фотографий с места аварии, разложил передо мной.

Картина не для слабых духом. В кювете перевёрнутый грузовик, изуродованная легковушка, кажется «Жигули», и два трупа у обочины. Отдельно — лицо Чудова. Оно снято специально крупно. Но кого-то узнать в кровавом месиве даже при очень сильном желании невозможно. Я «вычислил» его по лысому черепу и некрасиво оттопыренным ушам. Думаю, человеку, единожды видевшему его, опознать будет сложно.

— Ну, здесь трудно кого-либо опознать. Даже мне, хирургу с воображением, — ответил я. — Весёлая коллекция.

Я вдруг подумал, что в штабе противника наверняка паника. Ликвидатор не вышел на связь. Они уже и органы подключили. И напрямую ко мне. Должно быть, эти ребята ищут джип с компроматом. И плевать на трагедию. Стоял ли джип в дачном районе после аварии?

— Тут как раз дорога от дачных участков втекает в главную, — начал объяснять старлей. — Но, видно, разогнался перед главной и, не сбавляя скорости, решил проскочить, а потом, вероятно, понял, что не успевает, ударил по тормозам. Его и потащило. Грузовик с щербнем, уходя от столкновения, на скорости девяносто даёт влево и заваливается, а летящий на скорости сто двадцать «жигулёнок» завершает цепь. Водитель её погиб. Жена сидела на заднем сиденье — в тяжёлом состоянии. Велосипедист — сами видите. Вот такая штука. Но мы, собственно, почему к вам обратились? Не можем установить личность велосипедиста. Нет во вневедомственной охране подмосковного Подольска сотрудника с именем Суворина Игоря Филипповича. Нет таковых и в ближайших отделениях Подмосковья. Это нас насторожило.

— Ну, тут я вам ничем не могу помочь, — развёл я руками.

— Конечно, мы обошли территорию дачного района. Показывали фотографии. Одна женщина сказала, что видела незнакомого мужчину на велосипеде на территории. Не опознали его и другие дачники. Зимой, на велосипеде — всем показалось странно.

В этом месте, конечно, я слегка напрягся, но тотчас отпустило.

— Я к тому, раз у вас там дача...

— Я думаю, и сейчас кто-то топчется возле моей избёнки на курьих ножках, — предвосхитил я его вопрос.

— Ну не на таких уж и курьих.

«Ага, прокололся старлей-«филолог». Бродите, ищите вчерашний день», — возликовал я. Тут я крепко держал себя в руках. Похоже, этот черноглазый не так уж и прост. Отцеживает каждый штрих на моём лице.

— Скажите, у вас, кажется, недавно был гость?

— Ну, от вас, органов, не спрячешься, даже в туалете, — не выдержал я.

— Зачем вы так, Гавриил Алексеевич? — обиделся парень. — Свидетели показали, что видели у вас на стоянке иномарку.

— Был у меня в гостях афганский сослуживец, полковник Чудов. — Ага. Кажется, потянул ниточку к ментам Витёк. То ли коленки задрожали, то ли жаба задушила. Уплыли денежки, а работа не сделана. — Вечерок посидели, а утром он уехал на юг, в командировку.

— Полковник Чудов. Я запомню, — закрывая блокнот, сказал старлей. Он принципиально не стал рыть дальше. — Как вы заметили, это была просто беседа, без протокола. Я так, для себя, кое-что пометил. Извините. Желаю удачи. Если что вспомните, позвоните нам.

Старлей решительно встал и подал мне руку.

— Я человек законопослушный. Иначе б не шёл во власть, — заявил я решительно, даже немного с пафосом.

По-моему, мы остались друг другом довольны.

«Осторожничают Витёк. Затеял драку, а сам в кусты, когда дело до горячего дошло», — возвращаясь к себе после проводов работника милиции, подумал я.

Вечером в штаб позвонил Пахомыч.

— Как настроение?

— Нормально. Был человек из органов. Побеседовали. Можно сказать, толково.

— У нас тоже менты были, разыскивают свидетелей аварии. И со мной, и с напарником поговорили. В пересменку. А чего мы знаем? Откуда он взялся, этот велосипедист? Может, с неба свалился. Надумал в феврале раскатывать по нашим просторам. Невтерпёж, что ли?

Тут я понял, что сторож шифруется.

— Кондратий Пахомович, вы уж меня извините: дела, — категоричным тоном заявил я.

— Понял, извини.

Вернулась из кабинета Антипова Фрося и сразу спросила:

— Чего они тут вынюхивают?

— Это по аварии возле наших дач.

— А... Слышала, по телевидению показывали в информационном выпуске. Есть погибшие. Ну а мы с какого боку?

— У велосипедиста, виновника ДТП, нашли нашу листовку с моим фото. По общественной приёмной.

— Ну и что? — удивилась Фрося. — Таких листовок много.

— Не могут установить личность погибшего. А в удостоверении, в том же кармашке, — липа. Вот они и думали, может, мне знакома эта личность. На фото после аварии сплошное кровавое месиво. Разумеется, этим меня не удивишь, я разное повидал на войне, но как узнать по лицу человека, если такового практически нет? — представил я Фросе исчерпывающий ответ.

— А кстати, как ваш друг? — спросила отчего-то с ехидцей она.

— Нормально. Уехал. В командировку на юг.

— Ну что? Будем ждать? — вдруг заблестели глаза у Ефросиньи Карловны. Уже позлезавтра — день тишины. Сейчас бросаем все силы на процесс проведения выборов на участках. Устали?

— То же самое я могу и у вас спросить. — В эту минуту я остро почувствовал нежность к Ефросинье Карловне.

— Скоро мы с вами расстанемся. Но, независимо от итогов сего выборного процесса, вы замечательные мальчишки, настоящие русские мужики.

Кажется, в её глазах блеснули слёзы.

Пришёл Антипов с Батищевым — они были на очередной летучке в избиркоме по проведению выборов. Делали объезд по участкам. На финише страсти накалились до предела. Коммунисты больше всех предъявляют требования к «процессу волеизъявления граждан». Не допустить обмана и фальсификаций при подсчёте голосов — это главное. Руслан в откровенной запарке: для заключительного этапа нужны люди с бойцовским характером. Отбор наблюдателей он проводит лично. И чуть ли не на конкурсной основе. Конечно, наш костяк — ребята, прошедшие Афган. Провели небольшую летучку у себя — сосредоточились в очередной раз на «нерешённых задачах».

В заключение Руслан сказал:

— Теперь у Витяни одна надежда — на «правильный» подсчёт.

...После обеда позвонил в штаб Пахомыч. Я так и напрягся.

— Гаврик, да я всё думаю про то, что ты взял. Так уж необходима тебе эта вещь? На память достаточно и фото.

Конечно, речь шла о снайперской винтовке. Переживает старик.

— Я ж не насовсем взял. На пару-тройку дней. Понимаю, Кондратий Пахомович, это дорогая вашему сердцу вещь, — гнал я откровенную «пургу». — На той неделе я всё верну. — И подумал вдруг: «На чёрта она мне нужна — эта винтовка».

После звонка Пахомыча я собрался к Анюте.

— Поехали, я тебя отвезу, — предложил Руслан.

— Да я на своей. Спасибо. Тронут.

— Поехали, поехали. Мало ли что. Разволнуешься. За рулём. — Батищев легонько приобнял меня. — Тебе не кажется, что последние дни мы с тобой почти не видимся? Я скучаю.

— Ну спасибо. — Такая забота Руслана только добавила тревоги. Он и тут не упускает случая подстраховать меня от неприятностей.

...В психиатрической больнице у Анюты я не был только пару дней. Их у меня отобрал Чудов. И сейчас я думал об Анюте и Чудове как-то одновременно, и этот жестокий тандем напрочь закупорил душу. Ни о каком будущем пока не могло быть и речи. Только настоящее, которое уже нет сил выдерживать. Кажется, с тяжёлым, как последний вздох, шлепком джипа вылетела вон из меня и душа.

— Чего молчишь? — спросил Руслан. — У меня такое ощущение, что у тебя что-то случилось.

— Знаешь, после нашей выборной кампании мне хочется услышать великую для всех времён и народов фразу: «Следствие закончено, забудьте».

— Не стану отрицать. Хоть я и далёк от лирики, но скажу: всем нам достались цветики, а тебе ягодки. Но всё же проходит.

— Не всё. Что-то остаётся...

Тут я взглянул на Руслана, давая понять, что развитие темы перспективы не имеет.

Подъехали к психиатрическому отделению, и я вдруг ясно представил себе Анюту, далёкую и самую первую. И сейчас она мне просто говорит: «Забери меня отсюда, Гавриил. Я очень соскучилась».

— Может, мне с тобой? — спросил Руслан.

— Не стоит. Сам справлюсь.

А на пороге меня встречает эдакое туповато-грузное создание женского рода в застиранном халате; кажется, наши больницы до упора наполнены такими «душками», от одного вида которых выть хочется. Тут моя нежная фантазия об Ане рассыпается в прах.

— Ноги вытирайте. Не видите, я полы протёрла? — ворчит эта бабёха.

— Есть, уже вытираю, — найдя глазами ком рваного тряпья, отвечаю я.

— Сейчас пойду гляну. Обход у нас. Подождите.

— Уже жду, — говорю я и добавляю про себя: «С вытертыми ногами».

Впрочем, вместо неё появился заведующий отделением Аркадий Семёнович. Он подошёл ко мне, подал руку, и по его скучному виду я понял, что приятных новостей мне ожидать не приходится. Опять не мой день.

— Что сказать, коллега? — Мы зашли в кабинет. Доктор достал из шкафчика халат. Подал мне. — Спала ночь нормально. Я дежурил, даже спокойной ночи пожелала. А утром заглянул, смотрю — сидит на кровати с узлом. Сделала из одеяла свёрток и баюкает «младенца». С песенкой.

— Может быть, пригласить к вам в помощь профессора из столицы? — не ущемляя самолюбия доктора, осторожно предложил я.

— Да уж лучше сразу её в «Ганушкина», — взглянул на меня доктор с сочувствием и укором одновременно. — Это мозг. Не мне вам говорить.

Шаги к палате мне дались нелегко. Какое уж там: «Забери меня, Гавриил, я соскучилась». Сердце вылетало из груди. Кажется, такого волнения я не переживал никогда в жизни. Даже в тот, самый первый раз, ещё в кардиологии. Там была надежда.

Доктор приоткрыл дверь, заглянул и пригласил заглянуть меня:

— Смотрите сами.

Анюта ходила по комнате со свёртком, прижимая его к груди, покачиваясь. Глаза отсутствовали.

— Я зайду.

— Нет, категорически. Вы спровоцируете приступ, — плотно закрывая дверь, сказал доктор. — Сколько тут времени всего прошло? Такая травма. Потерпите. Мы ещё только начали лечение. Время, друг мой, время. Она же не постоянно такая.

Он проводил меня до выхода.

— Как только я увижу начало нового качества, сразу дам вам знать. Я и родителей не пускаю. Терпите, офицер. Сейчас у вас забот прибавится, — улыбнулся он. — Вот город примете. Желаю удачи!

«Спасибо, подсластил пилюлю: “Вот город примете”», — выходя из отделения, подумал я.

— Ну что там, плохо? — спросил Руслан. — Вижу по твоему лицу.

— Как жить теперь? — с трудом удерживая слёзы, произнёс я. — Как?

— Ну, Анюту мы так просто не отдадим. Потерянного не вернуть. Но небо за нас. Всё равно она выйдет из шока. Это испытание, друже. Но не бывает такого, чтоб зло восторжествовало. Тогда весь этот мир надо закрывать на хрен. — Руслан срывается с места — Поехали!

— Вот выхожу всякий раз из больницы и не знаю, куда идти. Как оглушённый. Домой? Там пусто. Да тётчины проклятья по телефону. Они же считают меня виноватым, — вздохнул я. — А по большому счёту так оно и есть. Бегу в общагу, а там пьяные оргии — очередное, от нехватки витаминов, сезонное обострение у трудящихся масс. И тогда я качу в свои Черёмушки на Урицкого. Но как вспомню, что гад этот рядом! Собираюсь на работу — и вот он передо мной, Витёк, во всём своём царственном великолепии и барской вальяжности. Большевики, наверное, в гробу переворачиваются. Вот куда мне идти?

— То ли ещё будет? Старик, не бери в голову, всё только начинается, — усмехнулся Багищев.

— Спасибо, утешил. Вот и я боюсь, что стану таким же. С кем поведёшься...

— А ты упрись рогом. И докажи, что ты не такой. Попробуй. И вообще, возьми себя в руки. Не гони в небо негатив. Помню, когда нас духи зажали в ущелье, почти всю роту мою положили, остался я с горсткой пацанов-первогодков да ранеными. Боезапас на исходе, ну хоть караул кричи. Вот тут я первый раз в жизни помолился. И что ты думаешь? Смотрю в небо, а оно синее-синее, совсем как бы не афганское, а наше, донское, родное. Облака чуть так белыми мазками у горизонта, и я вдруг вижу гигантское лицо старика, удлинённое такое, с острой бородкой. Ну, портрет этого известного русского художника. Помнишь, что в Тибете что-то мутит?

— Рериха, — подсказал я, чувствуя неожиданное волнение.

— Точно, он. Смотрит и улыбается. И вдруг стало так тихо, так спокойно... Мы все в каком-то светлом ужасе замерли. Но тут сорвался ветерок, он легонько смазал лицо этого старика — оно стало таять, и в следующую секунду мы услышали гул наших вертушек...

Какое-то время ехали молча; каждый, наверное, представлял образ своего Рериха.

— Извини, друже, но благого дела без крови, без страданий не бывает. Во всяком случае, у нас, русских. Нам, кажется, самим Богом велено преодолевать в муках препятствия, прежде чем что-то поиметь. А тут мы бросили вызов самой системе. Ну, ты, как лидер, и принял главный удар на себя. Значит, тому быть, — сказал Руслан с чувством гордости и сожаления одновременно.

— Сегодня предпоследний день гонки. А мне кажется, она не закончится никогда... — сказал я.

А на пороге штаба нас встретил редактор нашей газеты «Вместе» Аскольд. Он нервно курил.

— Ну что ещё у нас случилось? — как-то уж в полной безнадёге спросил Батищев.

— Слушай, майор, ну урезонь ты наконец эту бабу, иначе я её венником ушибу. Она исчеркала мою передовицу в завтрашнем выпуске. А я на эту долбаную статью ночь положил.

— И только? — улыбнулся Руслан. — Ты бы лучше эту ночь на что-нибудь другое положил. Ладно. Пошли гутарить.

А я вдруг подумал: «Какая мелочь! Мне б ваши проблемы, мужики».

Но при виде нас Фрося разулыбалась — никакого нервного напряжения я в ней не обнаружил.

— Ефросинья Карловна, да Бог с ней, с этой передовицей! Пора уже водку начинать пить, а вы всё там чего-то ищете, — весело проговорил Руслан.

— Чего, уже пожаловался офицерик? — с укором взглянула Ефросинья Карловна на Аскольда. — Лады. Если вы все согласитесь, я оставлю эту вот галиматью в авторском исполнении. Читаю: «Для успешного завершения нашей кампании, чреватой многими издержками нравственного несовершенства, наплевательского отношения к строке закона и откровенной вражды, потребовалась мобилизация всех сил, как правового характера, так и человеческой принципиальности, чуткости и доброты».

— Ну и как вам на слух и, если хотите, на вкус? Вообще вы что-то тут поняли? — откровенно рассмеялась Фрося.

Руслан по-отечески приобнял густо покрасневшего Аскольда и сказал:

— Старик, ну ты тут разгулялся с шашкой. И налево, и направо.

— И обижается ещё, как девочка, — не унималась Фрося. — Вот я ему и предложила перевести с французского на русский. Ну, грешна, немножко с итальянским темпераментом.

Тут Аскольд молча подошёл к Фросе, взял у неё газету и удалился.

— Ушёл не прощаясь, с гордо поднятой головой, — бросила ему вслед Фрося.

А Руслан подхватил:

— Но обещал вернуться...

— Как там у вас дела? — спросила у меня Фрося, выражением лица всё ещё пребывая в теме статьи:

— Всё так же. Ничего хорошего.

— Самое жуткое, что мы ничем вам не можем помочь. А одного сочувствия мало, — произнесла Ефросинья Карловна, унося от меня взгляд в сторону. — Кто мог подумать на заре нашей кампании, что будет такой печальный финал? Наверное, это тот случай, когда ожидаемая победа не в лавровом венке, а в пепле...

Возникла тупая пауза. Разрушил её своим неожиданным появлением начальник штаба Антипов.

— Гонца с плохой вестью казнили, — вместо приветствия сказал ему Батищев.

— А какие вы бы ещё хотели вести? Я, как вам всем известно, подменял нынче в общественной приёмной нашего кандидата. И могу вам доложить...

— Ну, как начальник штаба, ты перед нами отчитываться не обязан, — возразил в шутку Батищев. — Выше тебя только небо.

— Спасибо. Так вот, осмелюсь всё-таки вам доложить, что меня народ не больно жалует. Узнают, что его величество Г. А. Апраксин сегодня не принимает, и делают от ворот поворот. Так вот и вызревает культ личности.

— Bravo! — хлопнула в ладоши Фрося.

— Так что, Гавриил Алексеевич, завтра с утра прощу на своё рабочее место, — улыбнулся мне Антипов. — Сегодня я закончил второй том избранного волеизъявления наших граждан. И, по скромным подсчетам, чтобы выполнить все указы, вам, будущий градоначальник, потребуется как минимум три срока.

— Эт точно, — подхватил Руслан. — При условии стабильного финансирования проектов Швейцарским банком.

— Не поняла. Чему вы радуетесь, пацаны? — воскликнула Фрося. — Хомуту или тяглу? И вы в своей эйфории точно чего-нибудь накличете. Тьфу на вас! Давайте победим...

— Да самая малость осталась, — сказал я, и моя мысль вновь метнулась к Аниуте.

... Последний рабочий день в общественной приёмной был похож на одну большую эмоциональную говорильню о будущем города. Проектирование, кажется, фонтаном было из уст каждого посетителя. Начинаясь, как правило, с частности, например отсутствия нормального освещения в «энском» районе или недостаточного количества общественных туалетов на душу населения, вдруг предложение разрасталось до уровня «глобала». Я, конечно, слышал о «кремлёвских мечтателях» и даже какое-то время имел честь жить с ними, но оказаться в такой роли самому при очевидном бардаке в государстве было выше моих сил. Мне так и хотелось официально заявить очередному фантазёру, что строить воздушные замки при пустой казне, вялом бюджетном финансировании и полной неопределённости курса державы, по крайней мере, нетактично. Поэтому, когда очередной товарищ предложил мне реализовать идею «по созданию на территории субъекта гольфклуба», я только интеллигентно тряхнул головой, с трудом переключая в себе ненормативной лексики.

Но тут на проводе возник Батищев:

— Старик, звонил за отделением. Тебя ждут на беседу.

— А что случилось? — Мне показалось, что Руслан чего-то недоговаривает.

— Да вроде ничего такого. Просто желают поговорить.

Конечно, я сорвался с поста. Прыгнул в машину. «Определённо что-то случилось! А Батищев знает и врёт. Какая ещё беседа?» — распался я.

На улицах к полудню снег тает. На дорогах, под колёсами, мерзко курлычет грязная жижица. А может, это реагируют мои нервы? В другое время мне было бы на это наплевать.

... Дверь в покои была заперта. А вокруг пусто. Я отчаянно забарабанил, и на пороге возникла всё та же туповатая тётка в застиранном халате. Только сейчас её лицо выражало искреннее сочувствие, а в глазах стояла мука.

— Проходи, миленький, там уже и твоя родня у доктора.

«Какая ещё родня?» — подумал я вскользь. Нет, я совершенно не был готов, что встречу сейчас в кабинете заведующего отделением тещу и тестя.

— Что случилось?! — выкрикнул я.

Тут тесть с тещей как-то в унисон с откровенной ненавистью смерили меня взглядом. А теща сказала:

— Явился. Здравствуйте, мэр долбаный! Если б не твои выборы, девочка была б здорова и ребёнок остался б жив.

— Пожалуйста, успокойтесь, — сказал Аркадий Семёнович. В горячке, вот так с маху, я и не заметил его присутствия.

— Ну он-то при чем? Наверное ж хотел как лучше, — пожалел меня тесть, воротя, однако, лицо в сторону.

— Да что случилось, чёрт возьми?! — откровенно психанул я.

— Ваша жена порезала себя осколком стекла. Повредила шею, руки, — сказал доктор и посмотрел на меня извиняющимся взглядом. — Как гром среди ясного неба. Перед обедом я заходил к ней. Разговаривал и был немало удивлён. Отвечала на мои вопросы вполне логично. Я тогда подумал — может, острая стадия психоза миновала. Она даже на выписку просилась. Я хотел уже вам звонить, коллега, порадовать вас... И вот... Гуляла по коридору. Зашла в процедурный кабинет, попросила таблетку от головной боли. Медсестра открыла шкафчик с лекарствами, а на тумбочке обычная поллитровая банка стояла с салфетками. Ну и жена ваша схватила её, швырнула в окно. Медсестра от неожиданности растерялась, а больная подскочила к подоконнику, подобрала осколок стекла и стала себя кромсать. Чудом не повредила сонную артерию. Санитары подскочили, сделали укол. Раны оказались неглубокие. Но сам факт... Угрозы для жизни нет, а вопросы остаются.

— Можно мне побыть с ней, хотя бы эти дни? — спросила теща.

— Категорически нет. Поймите меня. У нас особая больница. Мы вашу дочь переязали, накололи лекарственными препаратами, сейчас она спит.

— Когда это случилось, доктор? — спросил я.

— А это важно? — устало взглянул на меня заведующий отделением. — Пару часов назад. Приходила главный врач. Может, вы и правы, Гавриил Алексеевич, и стоит её показать в столице. Там возможностей всё же больше. И клинических, и медикаментозных. Хотя, по сути, она только начала лечиться у нас. Мы ещё не исчерпали своих возможностей.

— И всё-таки я хочу быть с ней, — настаивала тёща.

— Извините, не вижу смысла. Она спит, и спать будет долго.

Тут заглянула в кабинет заведующего та самая туповатая санитарка.

— Извините, доктор, а наша новенькая опять в куклы играет.

— Не понял, — бросился к двери Аркадий Семёнович, увлекая нас за собой. Так мы и подошли гурьбой к палате.

Доктор приоткрыл дверь. Анюта всё в той же позе, в которой я её видел пару дней назад, сидела на кровати и, напевая, нянчила свёрток. С той лишь разницей, что на этот раз руки и шея её были перебинтованы.

Тёща вскрикнула и бросилась к ней. Но доктор её удержал. Кровь ударила мне в лицо и странным эхом отозвалось в голове: «Ну, всё. Хватит с меня!»

Я повернулся и резко направился к выходу. Я сел за руль и помчался на Урицкого, к себе. Я сейчас был лёгок и ловок. Мне вдруг показалось, что движение моей «копейки» бесшумное и мягкое. Я его почти не чувствую. Такое я испытывал давно, в детстве, когда впервые сел на велосипед и скатился с высокой горки. Странно, но и тогда, и сейчас мне было покойно, очень покойно на душе. Может, я радовался жизни — тогда от её вечности, сейчас от её утраты. Я уходил из жизни, я точно знал, что ухожу из неё. Вот только сделаю главное дело, уничтожу зло.

... Ближе к вечеру город наполняется людьми. Так было и так будет всегда. Но только сейчас это привычное движение показалось мне необыкновенным. На лицах нетерпение, какое бывает только перед весной. «Как всё-таки я был мало счастлив на этих улицах, — подумал я. — И один, и с Анютой. Я никому не успел стать близким — я воевал за всех: за иллюзорное будущее своих соотечественников, за какие-то странные ценности... Я ждал дня завтрашнего. Мы все ждём дня завтрашнего и, наверное, в этом наше спасение. Нет, мы не думаем о грядущей гильотине, потому что уверены: наша будет обязательно пахнуть благодатью».

Я поднялся к себе на третий этаж. Машинально, как это я делаю всегда, вымыл руки. Затем достал из шкафа кожаный чехол. И легко освободил из неволи орудие убийства.

Я заглянул в оптический прицел и без труда нашёл двор главы. Он был передо мной очень, очень близко. На какое-то мгновение мною овладел азарт охотника. Конечно, я волновался, но это было другое волнение, не идущее от страха, а скорее от сожаления. Просто я должен это сделать. Если я это не сделаю, значит, зло будет торжествовать. А зло, как и раковая опухоль, имеет тенденцию разрастаться.

Я ждал долго. И вот наконец в первых, ещё масляных сумерках открываются ворота и въезжает чёрный лимузин с баринном. Вот он выходит из машины, и я ловлю его взгляд, обращённую куда-то в мир полуулыбку. Ну вот ещё чуть-чуть. Кажется, глава не торопится, он млеет от счастья жить... Я перевожу дух. Я тоже не тороплюсь. Пуля догонит. Одно движение — и она уже в стволе. И вот я вижу его лицо, и палец плавно потягивает курок; ещё мгновение — и... Мой прицел закрывает ладонь.

Я машинально сбрасываю палец с курка и вижу в круге прицела лицо Рериха.

— Что ты, что ты, доктор?! Ты же убьёшь человека!

И всё. Я опускаю ствол, и передо мной возникает дочь Маришка. Она стоит рядом с Рерихом и держит его за руку. А вокруг Афган.

Я оборачиваюсь и вижу, как Чудов с солдатами несут человека. Поднимают над собой и опускают в кузов «Урала». Оранжево-чёрным факелом горит моя «таблетка», а стреляющий бронетранспортёр делает какие-то замысловатые неуклюжие движения. Но вот грузовик срывается с места, как будто ускользая от разрыва снаряда, и уносится вдаль.

Сейчас я смотрю на всё происходящее легко. Как, может, только в кино. И мне покойно.

— Ну, ты всё видел. Хочешь к ним? — спрашивает Рерих.

— Не знаю. Я там был...

- Папа, пойдём с нами, — говорит дочь и берёт меня за руку.
- А куда пойдём?
- К нам, — весело отвечает Маришка.
- А что у вас?
- Как что? Любовь...

Вместо эпилога

Тёплым майским вечером, ближе к середине последнего десятилетия прошлого века, в большом южном городе появился столичный житель. Он был высок ростом; яркая проседь, лёгкая усталость в серых глазах и светские манеры являли собой эдакую изящную модель нувориша, хозяина жизни. Он приехал своим ходом, на великолепном чёрном мерседесе, по делам торговой фирмы, в которой был соучредителем и, наверное, душой. Его уважали за порядочность, даже принципиальность и невероятную ответственность. Это был полковник Георгий Чудов.

Кроме намеченных деловых встреч, полковник решил навестить жену своего боевого товарища Галину Апраксину... Большой старый дом в центре города он отыскал легко. А букет алых роз должен непременно украсить встречу и ослабить нерв обоюдного волнения. За окном мерседеса голубым и оранжевым расцветает майский вечер. И вот звонок в дверь.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

— Вы гражданка Апраксина Галина Сергеевна? — улыбается Чудов и, не дожидаясь ответа, протягивает цветы. — Это вам.

— Мне цветы? А вы меня ни с кем не путаете? — улыбаясь и слегка кокетничая, отвечает дама.

— Нет. Я вас помню по фотографии.

— Догадываюсь. Вы — сослуживец моего Гавроша. Что ж мы стоим у порога? Проходите, пожалуйста. Вот сюда. — Хозяйка усаживает гостя в прихожей в кресло и садится напротив.

— Ох, извините. Я не представился. Полковник Чудов. Замполит, уже бывший. Когда мы служили с вашим мужем, капитаном Апраксиным, я был майором.

— А как вы оказались в наших краях? — спрашивает Галина Сергеевна и, не дождавшись ответа, предлагает: — Чай, кофе?

— Извините, я к вам ненадолго. Я здесь в командировке. По делам нашего предприятия. Проездом, можно сказать, и дальше на юг, — сразу определил свою позицию гость.

— Понимаю.

На мгновение зависает неловкая пауза.

— Вы были рядом с моим мужем, когда он погиб? — спросила Галина Сергеевна, и глаза её наполнились слезами.

— В общем, да. На пути в Баграм «духи» подорвали нашу «таблетку». Я летел в Союз в отпуск. Взяли меня «прицепом» с ранеными ребятами: накануне «духи» обстреляли нашу часть... Ехали, мирно беседовали — и вдруг удар. Капитана контузило. Раздробило ногу. И ещё осколком зацепило голову. Он потерял сознание, и таким я его и доставил в госпиталь в Баграме. И, как оказалось, в коме. Лечащий врач, кстати, его однокурсник по академии, Александр Львов, решил, что транспортировать капитана в Ташкент опасно. Не выдержит перелёта. Неделю он был в коме, но так из неё и не вышел. Это я уже потом узнал. Кстати, Львов передал мне вот это.

Чудов достал из бокового кармана пиджака маленький целлофановый пакетик и подал Галине Сергеевне.

— Всё не было случая вернуть его вам раньше. А по почте — без души...

— Медальон. — Едва улыбнувшись, Галина Сергеевна вытряхнула себе на ладонь содержимое пакета. Пальчиком развернула медальон, как книжицу. — А вот и дочура наша. Гаврош когда-то привёз мне в подарок эту вещицу. В Ташкенте купил. Я отказалась. Вставили фото Маришки. Носи, сказала ему, пусть дочь наша тебя бережёт. Не сберегла. Сама ушла и отца за собой...

Хозяйка уронила слезу и вместе с ней тяжёлую паузу.

— Извините, курить можно? — спросил гость.

— Вообще-то я мужу запрещаю, — ответила Галина Сергеевна, явно смутившись. — Но вы курите, если хотите.

— Ну зачем такие жертвы? Потерплю. — В этом месте разговора Чудов почувствовал себя здесь лишним. — А где похоронен капитан?

— На центральном кладбище. В самом начале. Там есть Аллея славы. Легко найти. Над Гаврошем склонился ангел.

И тут раздался звонок в дверь.

— Это муж. Он с работы идёт и забирает дочку из садика.

Галина Сергеевна легко встаёт и шагает в прихожую. Чудов поднимается и идёт следом. На пороге оказывается немолодой, с лысиной мужчина в роговых очках. Он удивлён. Девочка в сиреновом платьице и с белыми кудряшками очарованно уставилась на гостя, но жмётся, однако, к отцу.

— Познакомьтесь. Это сослуживец моего Гавроша Георгий Чудов.

Муж протягивает руку Чудову:

— Иконников Павел. Невропатолог.

Зависает неловкая пауза, но её весело разбивает девчужка. Она тоже тянет ручонку и говорит:

— А я Люся...

— Может, вместе поужинаем? — предлагает Галина Сергеевна.

— Спасибо, мне пора. Извините. Рад был с вами познакомиться...

А выходя из дома и усаживаясь в машину, Чудов не переставал думать об Афгане и так нелепо погибшем капитане Апраксине. От встречи с женой своего сослуживца у него осталось чувство то ли сожаления, то ли обиды, то ли того и другого вместе.

Между тем город уже под завязку наполнен вечерними звуками. Закатное солнце осыпает лёгкой позолотой кроны деревьев. Кругом люди. На стендах и витринах портреты кандидатов на пост главы. Город, кажется, прогнулся под лозунгами и фразами претендентов. Чудов неторопливо закуривает и с наслаждением втягивает в себя дым сигареты.

«И тут выборы, — усмехается он, разглядывая портреты претендентов — анфас и в профиль. — Везде выборы».

...Центральное кладбище он нашёл без труда. У единственной оставшейся в этот предвечерний час торговки цветами полковник купил белые каллы. Аллея славы располагалась сразу у входа. Бойцы покоились всё больше в чёрном граните. Всюду ухоженно, чисто. Могила с ангелом оказалась в глубине аллеи. Под фотографией офицера скромно обозначены даты рождения и смерти. И никаких слов.

Чудов положил цветы. С ангела перевёл взгляд на капитана Апраксина в эмали и сказал вслух:

— Спи спокойно, офицер. Этой России ты не нужен.

*Станица Раздорская
2011-2013 гг.*

РОДНИК

Альманах в альманахе

*Люблю я степь помынную
С приправой чабреца
И степь твою былинную
Без края и конца...*

Анатоль Свирнев

**Победитель рубрики «Родник»
альманаха «Дон и Кубань» №1(16), 2013 г.**

Вячеслав Дутов
кандидат в члены
Союза писателей России
г. Красный Сулин
Ростовской области

Моя вы недошрота...

Жене – вместо валидола

Как это нудно. Ну, не ной!..
Не любит нас уют.
Плюнь, раз твою квартиру вновь
Кому-то отдают.

Давай надежду не терять
И верить в «ту весну».
Лет через сорок, сорок пять
(Лишь раньше б не уснуть!)
Нас, без волынки, вселят в рай –
В дощатое новьё...
А нам захочется
В сарай,
Где мы сейчас живём.

Море продёрнуто в перстень заката –
Щедро по зыби рассыпано золото...

Чайка в закате летит, как жар-птица...
Вот бы и мне
В этот миг окрылиться!

Я бы опёрся о воздух упругий
И улетел бы
К любимой супруге!..

Улыбчивый рассвет

В выходной бы спать –
Не спится...
Нам, как птицам, не до сна:

Обновлённая, в станицы
Вся в цветах пришла весна.
Солнца луч ребятам в спальни
Льётся весело: «Привет!»
В палисадниках тюльпаны –
как улыбчивый рассвет.

Сад от пят и до макушки
Бел, пахуч... Ряды – тесней.
Расцветает шнур для сушки
Лепестками простыней...

Май побежит по посёлку,
Небо запахнет весной:
Солнышко жёлтым гусёнком
Впрыгнет
Ко мне в окно.

Я его выбелю мелом,
Дам ему кашу и мёд. –
Станет он лебедем белым,
В небо
Меня возьмёт!..

Венец весны

Разливается окрест
Свет улыбок солнечных:
Соловей врубил оркестр
Перезвонов собственных!

Соловьихе этот звон –
Что хмельного градусы...
Заплескал в ладоши клён,
В пляс пошёл от радости.

Ваш норов крут,
Моя вы недотрога,
И взгляд колюч, как перья у ерша...
Давайте месяц снимем и, в два рога,
Всё ж выпьем из него –
На брудершафт!

Вот уж звёзды небо прокололи,
Перешла луна
Речушку вброд...
Не сжимай, рубашка,
Грудь до боли –
Всё равно,
Любимая придёт!

Ирина Степанова

г. Москва

Явление маленького чуда

Миниатюры

Берёзовый листик

Поздняя осень. Порывистый ветер крутит в воздухе жёлтые листья, качает деревья, посвистывает в окнах...

Я гляжу в окно, ни о чём не думая; нет почему-то ни грусти, ни радости. Мне нравится такое покойное душевное состояние: просто смотреть и ни о чём не думать.

Потом я начинаю одушевлять листочки, придумывать им судьбы... то есть — сочинять сказку.

И вдруг что-то на балконе забренчало. Наверное, от ветра запрыгала крышка на кастрюле с борщом. Пока я сочиняю сказки, дождь заливает кастрюлю. В крышке — отверстие, куда могла попасть вода, да и ветер мог крышку сдвинуть: ведь балкон не застеклён. Такое уже однажды было. Ветер плюс дождь. И всё — борщ пропал. Спешу на балкон, открываю дверь — и замираю от увиденного. На крышке, как раз на круглом отверстии для выхода пара, лежит берёзовый листик. Он, как пластырь, прилип к крышке, заклеил отверстие. И спас мой обед.

Что тут скажешь. Явление маленького чуда может быть, возможно, и таким...

Нежданно-негаданно

Никогда не знаешь, что из чего получится, особенно перед Новым годом... Тот наступающий год, по каким-то азиатским поверьям, должен был стать годом Зайца. Кстати, взрослым европейцам тоже нравится играть в разные игры перед Новым годом. Я думаю, это неосознанная и непреходящая мечта о чуде да, может быть, тяга к Востоку, лишь отчасти изученному западным миром. Прагматичность Запада — не для русских. А потому — многочисленные экспедиции на Восток, и удивление по поводу тайн Шамбалы, а вот теперь — и повальное коллекционирование фигурок зверей...

Так вот. — Один мой хороший друг подарил мне перед Новым годом маленького игрушечного зайчишку. Мы встретились накануне рождественских каникул у меня на работе, в библиотеке, попили чая с вареньем. Нас было несколько человек (такая скромная «корпоративная» вечеринка), и мы вручили друг другу маленькие подарки. Мой товарищ подарил каждому по зайцу.

Мне показалось, что мне — самого красивого. Коллеги своих зайчат уложили в сумки с другими подарками, а я своего приколола к кофте. И сразу стала ожидать нового счастья от этого зверька...

Надо заметить, что меня ждал немного грустный и трудовой праздник. Я должна была проведать больную тётю, которая жила в другом городе, и помочь ей наладить быт.

В электричке было очень жарко. Напротив меня сидела молодая женщина с маленьким ребёнком. Малыш раскапризничался и так громко и безутешно плакал, что у многих упало предпраздничное настроение. Дорога была долгая, а ребёнок всё плакал и плакал. И люди — то один, то другой — пытались помочь молодой маме: и в ладоши хлопали, и конфеты предлагали. Всё без толку. Я стала читать детские стихи, но, как только замолкала, малыш снова заливался слезами... Я расстегнула пальто. И — о чудо! — ребёнок замер, затих, протянул ручонку... Похоже, что он просился ко мне, и вот, оказавшись у меня на руках, он стал играть крохотным зайчиком, приколотым к кофте. Я отстегнула игрушку, отдала её ребёнку, а потом вернула маме её дитя. Все облегчённо вздохнули. Всю оставшуюся дорогу мы ехали в тишине и в приподнятом, дружеском расположении друг к другу.

Вот оно как вышло: подарил мне хороший человек игрушечного зверька на удачу, а, оказалось, осчастливил весь вагон!

Вот какое славное преддверие праздника приключилось. — Нежданно-негаданно.

Белый «рейс»

Уж не помню, в какой раз я с моим закадычным другом Лёнкой пошла в кино смотреть «Полосатый рейс»... Но в тот раз после окончания фильма у меня мелькнула идея:

— Лёнка, а давай с тобой играть в «Полосатый рейс».

— Как это? У нас же ни обезьян, ни тигров, ни корабля.

— Зато у нас есть Минька, — с улыбкой посмотрела я на друга.

Минька — это серый огромный кот. Даже — котяра, отъевшийся на домашних харчах. Правда, весь исцарапанный, словно постоянно дрался с тиграми из любимого нами фильма.

Лёнка остановился, внимательно посмотрел, словно сквозь меня, точно уже представляя своего кота в главной роли. Оглянулся на подъезд нашего дома. Миньке после его драк еду частенько выставляли в коридор, так что мы смогли бы найти его очень быстро...

Лёнка радостно оскалился, рисуя в своём воображении будущую картину, и мы, словно два монстрика, заторопились к дому.

На наше счастье, Минька оказался в подъезде. Миска была вылизана, а сам он развалился на подоконнике в ожидании солнечного луча, который вот-вот должен был заглянуть с западной части неба в окно.

На наши просьбы войти в квартиру котяра не реагировал — сыт, скоро солнышко припечёт; зачем ему куда-то тащиться... Пришлось взять его на руки и занести в квартиру.

Надо отдать Миньке должное — он словно почувствовал о предстоящей главной киношной роли и начал выгибаться, пытаясь отказаться от неё. Но я, как неуступчивый режиссёр, удерживала его в руках. «Мотор, первый дубль...»

Лёнька притащил большую металлическую банку с мукой, открыл её, кивнул мне — давай, засовывай. Я примерилась, зашипевший и ещё больше выгнувшийся Минька — тоже. Однако я успела быстрее. Кот опустился в банку, Лёнька захлопнул крышку.

Но удержать «реквизит» мы не смогли даже вдвоём. Заходившая ходунком банка рухнула на пол, подняв белое облако, из него белым чёртом, но отнюдь не полосатым тигром, выпрыгнул Минька. Как он начал носиться!.. С полочек полетели, вдребезги разбиваясь, фарфоровые статуэтки, каждое утро любовно расставляемые Лёнькиной мамой.

Минька, словно матрос по вантам, карабкался по шторам, не задерживаясь на карнизах, прыгал оттуда на столы и сметал всё на своём пути. Выстроенный годами быт тёти Веры, Ленькиной мамы, в одночасье встал вверх дном. — Покрываясь при этом мучным облаком.

Мы не знали, смеяться нам или давать дёру, пока не пришли взрослые.

Дверь квартиры распахнулась и вошла тётя Вера. Она мгновенно побелела лицом, словно её тоже поместили в банку с мукой, и сразу с порога закричала:

— Сашенька, Сашенька!

Это был наихудший вариант развития событий, потому что «Сашенька» — это мой папа.

Распахнулась дверь нашей квартиры по соседству, и на пороге показался папа. Одного взгляда на нас ему хватило, чтобы оценить погром, учинённый Минькой, но вместо того, чтобы побелеть, как тётя Вера, он вдруг начал краснеть. Лицо у него всегда краснеет, когда он изо всех сил старается сдержать смех...

Кажется, это возмутило тётю Веру ещё больше, чем наши киносъёмки, с Минькой в главной роли, и она гневно повернулась к моему отцу. Этого мгновения оказалось достаточно, чтобы я вышмыгнула из квартиры соседей и заперлась в своей комнате.

Меня, конечно, родители потом целый вечер вразумляли, стыдили, уговаривали больше не заниматься съёмками фильма, но после того, как отпустили, я услышала из кухни, как мама с папой приглушённо смеются...

Наташа Корбут
Литературная гостиная Н. Корбут
г. Ростов-на-Дону

Я была бы фрейлиной

Если б не случилась Революция,
Я была бы
 фрейлиной Двора –
Много б рассуждала об искусстве,
Переписки светские вела
И давала б мудрые советы
Царедворцам – как им надо жить,
Чтоб на благо Родины-отчизны
Государю ревностно служить.
Посещая знатные Собранья,
Я бы танцевала на балах...
И в театр ездила бы с Вами,
Прячась в пышных платьях-веерах.

Бытовая поэзия

Спинку – ровно, ножку – тянем,
Головой слегка качнули...
Руку в сторону отводим
И молчим, вздыхая томно.
Глазки влево, глазки вправо,
И, потупив взор невинно,
Упрекаем всех прохожих –
Так, чтоб было им обидно! –
В нежелании нас видеть
На пути.
...Какие бредни
Эти женские ужимки
И «прыжки»! А эти сплетни!?!
(Распускаемые, как-то,
Милой школьною подругой, –
Сослужили мне, в кавычках,
Службу...)
Мелочные плутни
Утомляют, отнимают
Уйму времени напрасно. –
Ох, уж эти мне интриги!..
Как не стыдно, в самом деле?

Раиса Кореневская
Литературная гостиная Н. Корбут
г. Ростов-на-Дону

Не меняй в сказке ничего! . .

Миниатюры

Протечка

У одной старушки в квартире на трубе, перед батареей отопления, из-под гайки, соединяющей две трубы, появились капельки воды... «Кап», — капнула капля, «кап», — вторая... Натекла ржавая лужица. На белой трубе остался след, особенно заметный.

Заволновалась старушка, вскрикнула: «Ох, Господи!», — и бегом к соседнему дому, где слесари-сантехники «штаб-квартиру» держали. День был субботний, и никого в этой штаб-квартире (а попросту — в подвале) не было. Но на ступеньках, всё же, стоял мужчина в спецовке.

Старушка запричитала, что у неё вот-вот потечёт кипяток из трубы, и что ей нужен сантехник. Мужчина сначала сказал: «Мать, пиши заявку», — но потом передумал и сам пошёл к старушке.

...Взглянув на трубу со следами протечки, он так и рубанул: «Мать, рванёт! Не подходи близко! Вот-вот рванёт!»

— А что ж делать? — забеспокоилась она. — Нельзя ль обмотать там чего — прикипит и, может, течь перестанет?

— Мать, давай две с половиной, я пойду куплю новую трубу, два крана и всё остальное, и завтра жди с утра, — приду делать.

— В воскресенье? — переспросила старушка.

— Да!

— У меня только пятьсот рублей, а остальные две тысячи, как работу сделаете, я заплачу. — Старушка достала из шкафа пятьсот рублей и мужик, взяв купюру, направился к двери. «Как зовут вас?» — только и пришлось ей в голову спросить его.

— Николай! — назвался мужчина.

В воскресенье он не пришёл.

Следующий день, понедельник, как и воскресенье — выходной в ЖЭУ; там только дежурные. Но, по-видимому, Николай и был дежурным. Одетый в ту же спецовку, пьяный, он едва стоял на ногах, и звонил в квартиру старушке, нажимая кнопку звонка раз за разом...

Первый вопрос, который он задал хозяйке, был такой: «Деньги достала?» Потом разочарованно добавил: «Не уходи, мать, никуда, шас ребята

придут...» Выпроводив его, старушка плотно закрыла дверь: ей стало, наконец, понятно: с таким слесарем нельзя договариваться. «Нет уж, не пушу больше!» — решила она. Но «не пускать» и не пришлось. Никто больше и не пришёл.

А протечка трубы — сама по себе прекратилась. Старушка, на всякий случай, попросила соседа, который работал сантехником на пивзаводе, посмотреть, действительно ли труба может «рвануть»... Сосед уверил: «Простоит сто лет!» Потом уточнил: «Пятьдесят — точно».

Некрасавица

Уронила птица семечко акации, — попало оно в землю плодородную, взрыхлённую руками старой женщины, и пролежало в земле с осени и до весны. А весной дало росток.

Хозяйка сада его не заметила: был он ещё мал и слаб, прятался от глаз её за лопухом-репейником. К концу лета лопух, набирая силу, обзавёлся широкими листьями на ветвистом стебле, украсил себя колючками-липучками и так и не позволил молодому побегу выглянуть, закрыл собою. Поэтому росток акации тоже не мог увидеть хозяйку: его листочки — мелкие, а у лопуха-репейника — широкие, размером со сковороду: из-под таких — не выглянешь!

Три лета промаялся росток... На четвёртое — лопух не поднялся, стар стал; остались лежать на земле перед молодой акацией засохшие и почерневшие его прошлогодние листья. Некрасивыми они лежали. А над ними — некрасавица акация с уродливо изогнутым стволом: да и как ему прямым быть, если пришлось расти в тени, за лопухом. Но молодое деревцо стало вверх тянуться, за солнцем следовать, облаками любоваться, дождями наслаждаться... Уже оно почти выпрямилось, но подошла осень.

Акация ко сну зимнему приготовилась, корой веточки утеплила, колючки на них наточила, чтобы ими защититься: от кого только не знала, — ни верблюдов, ни слонов она в саду ни разу не видела. И, когда к ней подошла хозяйка и остановилась подле неё — акация не встревожилась: она эту женщину любила с того дня, как разглядела её. Была хозяйка сада стара, худа, темна кожей, и руки её были, как корявый ствол у акации: вены оплетали их, выделяясь бугорками-сучками. Колючек на руках не было, но на кофте одна была — расстегнувшаяся булавка. Женщина нахмурилась, что-то сказала и ушла...

Вернулась она уже не с одной колючкой, а несла предмет, весь утыканный ими. Это была пила-ножовка.

Рука с ножовкой потянулась к акации, к её стволу... Ствол почему-то отодвигался, топорщил колючие ветви, и женщине не удавалось сделать пропилов. Ножовка то поднималась, то опускалась — она что-то чертила в воздухе, она сверкала металлом, даже звякнула, словно прикрикнув на акацию... От волнения деревцо путало, в какую сторону отклонять ветви: то прижимала их к стволу, то вдруг вскидывала вверх, и один раз даже выбила ими ножовку из рук старухи. — Акацию испугали странные действия хозяйки.

Обойти дерево с другой стороны старухе мешал забор, который и «встал» на защиту акации. Забор словно подсказал хозяйке, что сам он не высок, а

колючая акация не пустит вора, если тот полезет через него в сад за яблоками. И, подняв ножовку, хозяйка ушла.

А весной акация расцвела: душистые гроздья соцветий заполнили сад своим запахом. Этот запах сохранила и настойка, сделанная старухой, чтобы растереть больные колени. — Благодарила хозяйка акацию за лечебные цветки...

Сквер

«Жил сквер — скверно», — так можно было бы о нём сказать ещё совсем недавно.

Был он серого цвета из-за пыльного асфальта, потрескавшейся иссохшей земли на газонах и бесчисленных стай воробьёв на кустах с запутанными ветвями. Пешеходы, не задерживаясь, проходили сквер. Если кто из них поднимал глаза от дорожки, от трещин на ней и ухабов, то тут же спотыкался. И сквер слышал, как пешеходы говорили при этом очень скверные слова. Вечерние и ночные пешеходы сквер не проходили, а пробегали, и не потому, что они были нервные, а оттого, что здесь не горели фонари.

Всё переменялось однажды. В сквер пришли не волшебники, но чем-то похожие на них люди в комбинезонах, чья работа — творить красоту.

И сквер стал преображаться: выпустили листики высаженные клёны, на газонах взошла трава. Она своей яркой зеленью расчертила сквер на ромбы и квадраты. Люди в комбинезонах уложили на дорожки плитку приятного жёлтого цвета — особенно жёлтого и приятного после дождя. Сквер осветили электрическими фонарями, а на главной аллее были поставлены скамейки.

И стал сквер не скверным и серым, а красивым и зелёным. Пешеходы останавливались послушать, как шелестит листва у клёнов. Любуясь бархатом травы на газонах, люди видели, как по стебелькам снуют муравьи. А если нагибались к стебелькам вплотную, то сталкивались нос к носу с червячком, который выбрался из земли и взбирается на травинку...

Малыши разрисовывали жёлтую плитку дорожек разноцветными мелками. Разноцветные мячи детей иногда закатывались на траву газонов. Дети пробегали по траве, не нанося ей никакого вреда. И сами они, одетые в яркие курточки, были, как цветы.

Сквер стал любимым. Он чувствовал это, слыша птичий трезвон по утрам, голоса ребятишек и их мам, мелодичное посвистывание метлы при уборке. Сквер перезнакомил между собой старушек, прежде незнакомых, но живущих по соседству; он умирал холодный ветер, рвущийся во дворы домов; он зажигал фонари, и тёмные южные ночи становились белыми, как ночи на севере. Возникла гармония, невидимое чувство симпатии между сквером и людьми.

Но гармония хрупка.

...Однажды сквер умывался потоками дождя. Прохожих не было, время шло за полночь. Внезапно по деревьям ударил свет автомашины: затемнённая изнутри, она испускала лучи от фар, как пулемётные очереди. Непонятно как и зачем сюда заехавшая, машина искала выезд из сквера, но его не было — имелись лишь пешеходные выходы. И, словно разозлён-

ная узкими для неё дорожками и частыми поворотами, мешающими ей нормально двигаться, машина свернула на ближайший газон... затем въехала на следующий...

Человеку в автомашине не видно, как трава на газонах вырывается с корнем.

Человеку в машине не слышно, как червячок кричит: «Мне больно!»

Человеку в машине не жалко муравьёв, попадающих в грязь и исчезающих под её пластинами...

Колёсами автомашины он разворотил на газонах зелёный бархат квадратов и ромбов, выдавил канавы.

Равнодушно скользнув светом фар по разорённому скверу, он выехал из него, задев по дороге фонарный столб...

А утром маленький сын этого человека пришёл в сквер с няней — поиграть. Но он только ходил по дорожкам и лепетал, показывая пальчиком на развороченные газоны: «Ай-яй-яй!...»

Вскоре малыш привык к прескверному виду сквера... и больше не говорил: «Ай-яй-яй!»...

Незабываемая Анна

Утро. В больничном коридоре вспыхивает перебранка у санитарок. Слышен в основном голос Анны, женщины грубой и бесцеремонной. Она сердится на Наталью Ивановну, которая сдаёт ей смену. В претензиях Анны легко разобраться и посторонним: Ивановна плохо вымыла то-то и то-то, и что конкретно — больные понимают. Наконец, голоса стихли... Тишина. Больница готовится к процедурам, врачи начинают обход. Всё — как обычно.

Но после обеда в коридорах опять громко звучит голос Анны. Она кричит, что у неё украли кошелёк. Выясняется, что в кошельке денег не было, но была квитанция на сданные в починку сапоги; что кошелёк лежал в сумке, а сумка стояла на стуле в незапертой комнате для персонала. — Весь день больные невольно слушают историю этого происшествия. И неизменно она начинается фразой: «Представляете, пока я мыла задницу, у меня спёрли кошелёк...»

Вечером ходячие больные усаживаются на стулья, расставленные в фойе коридора перед телевизором, включают первый канал, программу «Время». Но тут появляется Анна. Она по-хозяйски подходит к телевизору и переключает его на второй канал, где начинается очередная серия про любовь олигархов к дояркам. И больше часа — пока идёт фильм — она сидит, как столбик, отстранив себя от окружающих...

Наступает утро следующего дня. Больничная палата просыпается от шварканья швабры по полу, от звяканья ведра, передвигаемого с небрежностью, от толчков о кровати... В палате — женщины, перенесшие инсульт. Кто проснулся и может встать, всё равно лежит — ждёт окончания уборки. Смену сдаёт санитарка Анна... Она двигает шваброй тапочки, аккуратно с вечера поставленные для больной женщины её дочерью. — Тапочки улетают далеко под кровать. Анна бьёт их шваброй, и они оказываются раскинутыми по разным углам... Не достанет их хозяйка, когда начнёт потихоньку подниматься, чтобы, опираясь на стул, сделать несколько шажков.

Закончив возить мокрую тряпку по полу, Анна роняет швабру. Та с громким стуком падает, едва не зацепив кружку с водой на тумбочке другой большой. Ругнувшись вслух, санитарка берёт ведро, поднимает швабру и шумно выходит из палаты...

Да-а... забываемая Анна: боль забудется, она — нет.

И дождь услышал...

Шумело тёплое летнее море. Волны накатывались на берег и, возвращаясь, не забывали плеснуть водой на гальку.

День подходил к концу. Солнце клонилось к закату. Оно насквозь просвечивало мелководье и отражалось от камешков, устилающих дно.

Согнув спины, по колено в воде, ходили мальчишки. Время от времени они погружали загорелые руки в море — что-то ловили. За солнечными зайчиками, прыгающими по дну, трудно было разглядеть краба-мальша. Но он мелькнул у берега. И зоркие глаза заметили, а ловкие руки выхватили его из воды.

Пойманному готовилось испытание. — Краба решили сварить в консервной банке. В неглубокой ямке уже были сложены сухие веточки, собранные в рощице. Осталось чиркнуть спичкой — и закипит вода!

...Зачем мальчишкам сваренный краб? Уж точно, не для еды. Каждого из них дома ждал вкусный обед. Не от того ли они сложили для костра сухие веточки, что были похожи на дикарей, неразумных, не задумывающихся об окружающем их мире?..

Малыш-краб царапал стенки консервной банки клешнями, пытаясь вылезти из неё и уползти в море. Он уже перегрел свою спинку на солнце: мало ему той воды, что была налита в банку. Он стучал, как только мог, но дикари-мальчишки не слышали его, не обращали на него внимания — они хотели поймать ещё несколько крабов.

Малышу не удавалось выбраться из заточения. Если б краб был в силах стать птичкой, пусть лишь синичкой! Он бы взлетел на крыльях! Но он был маленьким и слабым...

Крабик всё стучал по банке и звал к себе:

— Море, ты поможешь?

Море шумело, не слышало.

— Ветер, ты поможешь?

Ветер носился над морем, не слышал краба.

Тогда краб позвал дождь:

— Дождь! Помоги мне!

И дождь услышал.

Дождь развернулся над морем и поспешил к берегу, сдерживая свои потоки, рвущиеся вниз... Когда он оказался над мальчишками, по-прежнему возившимися на мелководье, он вылился сразу весь. — Ребята, забыв о крабе, разбежались по домам.

К морю, с берега, потекли дождевые ручейки, перевернувшие консервную банку, и крабик, услышанный и спасённый, вместе с дождевыми потоками вернулся в родную стихию...

Сказка и мысли

Мысли мои зацепил вопрос-гвоздь. Вечер прошёл, я с гвоздя не могу мысли снять... Вот и ночью потихонечку пытаюсь их стянуть, а гвоздь свою шляпку к мыслям прижал, не даёт себя ухватить! Но не плоскогубцами же мне гвоздь-вопрос выдергивать?! А вопрос-то прост: «Как изменится сказка о Репке, если появятся там не одна мышка, а три, четыре или пять?..»

Поторопилась я ответить: «Мышки съедят репку!» Вот и мучаюсь теперь. А у меня и другие дела есть, но сейчас о них не вспоминаю...

Эта сказка добрая: дедушка репку посадил, он за ней хорошо ухаживал, и она большая-пребольшая выросла. Несправедливо будет, если мышки впятером её съедят!

Если об этом на улице у десяти прохожих спросить и попросить ответить быстро, то все десять прохожих ответят так же, как я: «Мышки съедят репку»!

А у меня крутится в голове желание всё переиначить: пусть кошка съест четырёх мышек, и сказка закончится так, как мы знаем!

...Но ведь и мышек жалко!

Вы задумались и улыбнулись? — Правильно сделали! Потому, что, пока мы размышляем над этим, вдруг другие головоломки нашей действительности становятся простыми и решаемыми. И нам, значит, неплохо живётся: мы можем всё придумать по-своему! Вот и мысли мои громко завопили: «Не меняй в сказке ничего, ты это тоже можешь!..»

Алёна Харук
Литературный Союз
«Полоцкая ветвь»
п. Чисть, республика Беларусь

С небом яблочного цвета

Влюблённый август

Дни августа, в осень влюблённые,
Предательски сыплют дождём.
Промокшее небо над клёнами
Провисло и просится в дом...

Всё как-то совсем не возвышенно –
И ветер поднялся опять,
И тучи несутся над крышами,
Так низко, что могут сорвать.

Деревья всё чаще осеннею,
Смертельной, больны желтизной...
Лекарства бессильны. Спасение
Минуты уносят с собой.

А грусть ощущается к вечеру,
И это – почти ритуал,
Присутствием тайны отмеченный.
Что ж, в грусти мой опыт – немал.

Да только к чему эти жалобы!
Вопрос же возник невзначай:
Вот если б не грусть эта, – стала бы
Тебя приглашать я на чай?..

Просто запомни

Небо над церковным шпилем
Сыплет звёзды на алтарь...
Мы с тобой уже забыли,
Как давно пришёл январь.

Снег укрыл пустые крыши,
Всё исчезло за окном...

Ты когда-нибудь напишешь,
Что со мною был знаком.

Или, может быть, не надо, –
Пусть забудут обо мне!
Ты пиши другую правду:
Как волшебно падал снег.

А меня запомни просто:
Свечи, блики и янтарь...
Уронила на пол простынь
И глядела на январь.

Она так не любит закрытые шторы,
Как будто боится, что ночь поутру
Захочет остаться, и дремлющий город
И сам не заметит – пропустит зарю.

Погасли огни переулков и улиц,
И мрак опускается гулкой, пустой,
И только окошко, закрытое тюлем,
Без страха следит за ночной темнотой. –

И так до утра дожидается солнца.
А мир за окном... Он настолько не прост.
Мне хочется верить, что не разобьётся
Окошко, открытое ночью для звёзд.

Небо яблочного цвета

Солнце скрыто серым смогом,
Синий свод совсем истёртый, –
Вечность. Разве звёзды смогут
Столько жить сияньем мёртвым?

Смогут? Нет? – Не в этом дело!
Солнце гаснет. Напоследок –
Мир, внезапно чёрно-белый;
Грань сознания и бреда.

На почти погибшем шаре,
На краю... Да хоть за краем!
Для меня включи фонарик –
Я найду тебя. Я знаю:

Мы зажжём другие звёзды,
Вместе отыскав планету,
Ту, где мир ещё не создан...
С небом – яблочного цвета.

Татьяна Колесникова
Литературное объединение
«Логос»
г. Туапсе Краснодарского края

Грешница

Рассказ

Июль — пора отпусков, но, увы, не у всех. У некоторых — это период кропотливой напряжённой работы.

Юля работала на десятом этаже в архитектурной фирме сметчицей. Работа, что называется, от звонка до звонка; целый день за компьютером. К вечеру позвоночник неимоверно ныл, но зарплата была достойная, как сейчас принято говорить. Так что, за работу Юлька держалась руками и ногами.

Точно так же за работу держались и две матёрые тётки — старожилки глубоко пенсионного возраста. Одну из них, Ксению Тихоновну, Юлька дико боялась, так как та поедом ела новенькую. Юля мужественно терпела. Работать-то — надо...

С утра стояла аномальная жара далеко за тридцать градусов. На работу Юля топала пешком через пляж, потому что на городском транспорте ездить в июле — одно мучение. А тут — бодрым шагом по протоптанной дорожке вдоль моря, которое, накатываясь на берег лёгкой волной, манило в свои объятия!.. Так и хотелось окунуться в его утренние прохладные воды и забыть обо всём: о сметах, над которыми приходилось ломать голову; о двух гримзах, от времени покрывшихся, как старый корабль ракушками, злобой на молодость: у Юльки всё было впереди — вся жизнь, а у гримз, соответственно, всё давно позади.

...Сейчас, торопясь на работу, она шла быстро. «Хоть бы не опоздать!» — тревожилась она.

Порядки в фирме были строгие — почти драконовские. Внизу у входа в лифт сидел охранник Семён по кличке Сизый Нос. Физиономия его имела сосредоточенно-серьёзное выражение, будто он решал трудную математическую задачу. Обязанностей у Семёна недавно прибавилось. Начальник отдал распоряжение всем вахтёрам записывать время прихода-ухода сотрудников. За опоздание лишали премии. Таким образом, «фигура» вахтёра приобретала зловещую значительность.

Опоздавшие старались подмазаться к вахтёрам. Те, обычно, шли навстречу. — Кроме Сизого Носа. Этот охранник принял распоряжение начальника как руководство к действию. С непроницаемым видом он делал какие-то пометки в мятой тетрадке. Все знали: Семён записывает опоздания буквально до минуты. Особенно ревностно исполнял он свои обязанности, заступив

на смену с большого бодуна. Пристрастием к зелёному змию Семен страдал давно, отчего и получил своё прозвище.

Поэтому Юльке, из-за боязни опоздать, некогда было иной раз и на море взглянуть, насладиться морским пейзажем. Нельзя давать повода двум гримзам, которые, чуя, как им дышат в затылок молодые и перспективные, готовы были съесть и съедали-таки каждого, кто хоть отдалённо являлся угрозой их пока стабильному положению... Вот почему Юлька торопилась, хотя идти быстро на шпильках не очень-то было удобно.

Запахавшись, она пронеслась на всех парах мимо важно восседающего на своём боевом посту Сизого Носа и прыгнула в лифт, где уже стояли две сотрудницы из соседнего отдела. Однако уехать они не успели.

«Стойте! Тпру!» — раздался вопль, и тяжёлой слоноподобной поступью к лифту устремилась Ксения Тихоновна, трясая своими многочисленными жировыми отложениями. Это была самая главная гримза в фирме. С грацией бегемота Ксения Тихоновна ввалилась в лифт, с усилием раздвинув уже закрывающиеся дверцы. Лифт жалобно ойкнул, а новая пассажирка сразу заняла всё свободное пространство в кабинке. Тоненькая Юлька и две женщины, что называется — в теле, застыли, не шевелясь, пригвождённые громадным животом Ксении Тихоновны.

Створки лифта со скрежетом стиснули челюсти... Лифт должен был ползти на десятый этаж. Но — увы — он не сдвинулся с места ни на миллиметр! Три потных упитанных тётки и одна худосочная девчонка замерли в недоумении, не услышав характерного поскрипывания лифта при движении.

— Перегруз! — зловеще возвестила одна из тёток и полезла в сумку за валерьянкой.

У Ксении Тихоновны усилилось и без того обильное потоотделение. Она постучала в дверь лифта и прогудела басом:

— Эй, вы, там, ёлы-палы!.. Откройте дверь! Семён! Ёлы-палы! Здесь же задохнуться можно!

Сизый Нос, услышав глухие стенания из лифта, нехотя подошёл, долго препирался с Ксенией Тихоновной по поводу этого события...

В застрявшей кабинке страсти накалялись. — Худенькая Юлька присела на корточки, пытаясь своими ручками-прутиками разжать двери лифта... Тщетно! Тут и амбал не справится, не говоря уж о шупленькой девчонке. Вдруг женщина, которая выпила успокоительного, взяла себя, наконец, в руки и перешла к делу. Порывшись в сумке, она извлекла из неё массивный ключ и попыталась втиснуть его между створками дверей. Однако Ксения Тихоновна изрядно ей мешала. Как раненый бык, она билась в тесной кабинке, содрогавшейся от её телодвижений, и плаксиво завывала:

— Откройте-е-е!.. Я задыхаюсь!

Семён с обратной стороны бодро отвечал, что открыть дверки лифта не представляется возможным, и он должен вызвать лифтёра, который это и сделает.

— Так зови, и открывайте! — осатанело зывала Ксения Тихоновна.

— Счас, — ответил Сизый Нос и не сдвинулся с места.

А Ксении Тихоновне было не до шуток. Она билась в истерике, безумно вращая глазами. Кабинка ходила ходуном. Женщины почувствовали, что начинают задыхаться, и запаниковали. Тётка с ключом, потеряв терпение и тяжело дыша, пнула этим ключом Ксению Тихоновну в живот — та обмякла, замерла и от страха стала по-волчьи выть. Тётка решительно принялась тыкать ключом в дверцы и ей, наконец, удалось каким-то образом чуть-чуть раздвинуть створки. В появившуюся щель заструился свежий воздух.

Однако, пот всё катился ручьями. Ксения Тихоновна продолжала выть. Сизый Нос по ту сторону лифта комментировал события бодрым весёлым голосом, а Ксения Тихоновна завывала всё громче и громче:

— Я здесь сдохну-у! Я задохнусь! Откройте-е-е! Спасите!

Остальные пленницы лифта угрюмо молчали, лишь изредка просили поторопиться с вызовом мастера...

Наконец, двери лифта открылись и дамы буквально вывалились на площадку. Их встретили вахтёр с лифтёром Авдеичем. Оба они улыбались. Происшествие их забавляло.

Ксения Тихоновна уже отдышалась и почти пришла в себя. И даже вновь обрела былую уверенность.

— Авдеич, — сказала она строго, — ты чего, ёлы-палы, делаешь? Я чуть не померла в этой коробке! А ты лыбишься. — Тебе смешно!?

Авдеич, не переставая улыбаться, спокойно засипел в ответ:

— Так лифт старый, а тут — перегруз. — И, критически смерив взглядом мощную фигуру Ксении Тихоновны, саркастически заявил:

— Из-за вас, мадам.

Та взъярилась:

— На что ты намекаешь, сморчок поганый? Ему говорят, что чуть не угробил твой лифт меня, а ты ржёшь, как конь! Я такого страху сроду не испытывала!..

Авдеич, уже вполне миролюбиво, изрёк:

— Такое бывает у некоторых. Как-то это по науке называется — не помню.

Юлька, наблюдавшая за сценой, помогла Авдеичу:

— Это называется «клаустрофобия» — боязнь замкнутого пространства.

Ксения Тихоновна повернулась к девушке и злобно взвизгнула:

— Какая ещё фобия? Нету у меня никакой фобии!.. Лифт застрял... оттого, что в нём сидела грешница. — И Ксения Тихоновна ткнула в Юльку толстым указательным пальцем.

Все в недоумении уставились на Ксению Тихоновну, а та, удовлетворённая своими выводами, подытожила:

— Вот так-то, ёлы-палы. Грешите много, а хорошие люди мучаются. Ну вас всех к чёрту, пойду пешком! — И она отправилась в сторону лестницы.

Юлька... обречённо потащилась за нею. И остальные узницы лифта тоже. — Все, оказывается, страдали этой самой клаустрофобией...

Юрий Краснокутский
г. Ставрополь

А дождь никуда не устает...

Портрет

Художнику Владимиру Грибачёву

Напиши мне, художник, портрет
Кареглазой изящной богини –
В интерьере дворцов и карет,
Где на окнах серебряный иней.

В будуаре, в парче и шелках,
С опахалом из перьев павлина,
Да с французским романом в руках. –
За спиной чтоб дышала долина.

Ты портрет поскорей напиши,
На мечту его сделай похожим,
Тонкой кистью дотронься души,
Чтоб мороз пробежался по коже.

Хоть в сорочке с нательным крестом,
Хоть в узорном атласном халате...
Напиши её – в белом, простом
Или в самом изысканном платье.

В золочёный багет облачу
Этот холст с драгоценным портретом
И любую ценой расплачусь...
Но никто не узнает об этом.

Ассоль в Геленджике

Спокойное море у ног,
Что редко в начале сезона...
Дорожка бежит за луной
И тает в плену горизонта.

Сверкают, блестя чешуёй,
У берега волны чуть слышно.

Так морем хранится покой
Под синей небесною крышей.

А утром встречает Ассоль
Свои паруса на «Секрете»,
Но нет больше дивных лесов,
И Грэй её в море не встретит.

Из бронзы Ассоль, как всегда,
Стоит, молча глядя на берег,
И люди приходят сюда,
Чтоб в добрую сказку поверить.

Осенний романс

Любимой

Я вижу астры в сентябре,
Они тоску мою приносят.
Опять задумчивая осень
Расположилась во дворе.

Окончен август. Гаснут звёзды,
И астры будут им взамен.
Но не хочу я перемен, –
Любовь нужна, как тёплый воздух...

...Ну, всё, готова ты в дорогу,
Уже подали экипаж,
И наша встреча, как мираж,
Исчезнет с моего порога.

Ты в белой шляпе и плаще,
Мечтой окутана и тайной,
Стоишь с улыбкою печальной
Среди уложенных вещей.

А я растерянно смотрю:
Ни слов, ни жестов, ни улыбки.
«Всё наше счастье было зыбким», –
Себе я горько повторяю.

Твой путь сейчас лежит на юг,
И мне – пора вернуться к прозе...
А ты стоишь, в унылой позе,
И смотришь в сторону мою.

Ты так близка и далека,
Но всё же ты пока что рядом,
...В последний раз скрестились взгляды,
Как будто кончились века.

Встреча

Был знойный август. В каждом жесте
Сквозила долгая жара.
И сердце было не на месте,
Когда я ждал тебя с утра.

Играл со мною ветер в салки,
И проносились поезда...
Сорвавшись, падала в фиалки
Моя счастливая звезда.

И в этот вечер у вокзала
Пустой перрон я обходил...
А ты в вагоне показалась,
И сердце дрогнуло в груди.

...Нас жизнь по-своему расставит,
Судьба у каждого своя,
Теперь проезжие составы
Встречает кто-то, но не я.

Покаяние

«Мне отмщение, и аз воздам»

Из Библии

Я жил порою безрассудно –
Господнего не зная страха.
Но дальше «быть бесстрашным» трудно:
Всё ближе мне своя рубаха.

Свой пыл умерить невозможно,
Хоть мне уже давно за сорок...
Так непривычна осторожность,
Что охраняет нас от ссоры!

Свои грехи не так заметны,
Других мы судим, обличая.
Нам дела нет до их ответов,
Живём их слёз не замечая.

Когда другие дни и ночи
Украсят нас в свои седины,
Вся жизнь окажется короче. –
Мы в этом мнении едины.

Наступит время покаянья
За безрассудные решенья! –
Всем по заслугам воздаянье
За глупость и за прегрешенья...

Я женщину встретил средь знойного лета,
Но был, как назло, без своих эполетов,
И даже без фрака, – какое несчастье,
Ведь леди такую увидишь нечасто!

Я женщину встретил осенней порою,
Я сразу влюбился (и это не скрою).
Мы вместе гуляли по листьям опавшим...
И не было в мире той женщины краше.

Я женщину встретил весной на рассвете –
Ей волосы гладил задумчивый ветер...
Глаза Афродиты, походка царицы.
И голос её мне по-прежнему снится...

Я женщину в роще заснеженной встретил –
И больше вокруг никого не заметил:
Глаза неземные светились блаженством...
Какая загадка в том облике женском!..

Я женщин встречал и зимою, и летом;
В нарядах любого фасона и цвета;
В театре и в поле, в быту или в спорте...
Погоде ничем красоту не испортить!

Забывтые храмы

Я видел фракийские храмы
На старой болгарской земле, –
На фоне морской панорамы,
Вдали от пшеничных полей.

Не люди их рушили – время.
Древнейшие храмы на свете!..
Природа и нынче не дремлет
Дожди насылая и ветер.

Но вспомнились храмы России,
Что встретил лет сорок назад:
Кресты, купола покосились...
И – был человек виноват.

На стенах печальные лики,
Лишь ветер и пыль в алтаре,
Ворон леденящие крики
И лужи в церковном дворе. –

Их нынче встречаем нередко,
Но взгляды отводим упрямо...
Стоят, как далёкие предки,
Пустые ненужные храмы.

В потёмках их стены и души
Взывают с мольбой к небесам,
Прощая того, кто разрушил
И кто не раскаялся сам...

Берёзы России

Нам неведомы тайны природы, –
Их вопросы сложны и просты...
На берёзе тире и штрих-коды –
Словно писем секретных листы.

Как прочна, и тонка, и красива,
Как прохладна стволов береста! –
Вся история прежней России
Отразилась на тайных листах...

...Ах, берёзы! В вас добрая сила,
Потому и на сердце светло...
Пусть пронесит меня над Россией
Лебединое ваше крыло.

Я помню ковыльскую степь,
Которой не стало в помине,
Табун лошадей всех мастей
И запах душистой полыни. –

Полынь эта мягким ковром
Стелилась, как дым горьковатый;
Светилась в ночи серебром,
По балкам росла – серой ватой.

На всех глядели свысока;
И чайка что-то мне кричала,
И плыли на песке следы...
Ступень Петровского причала
Ждала любезно у воды.

Большая яхта с парусами
Качалась тихо на волне,
Над изумрудными лесами
Садилось солнце в тишине.
Казался левый берег Дона
Лазурным Берегом и Нищей...
В той синеве небес – бездонной –
Готов, и ныне, раствориться.
Но вот, в гостинице скучаю,
Хоть весь – на Левом Берегу...
Бегут трамваи, не кончаясь,
На рельсах стареньких качаясь.
Вокруг зима, и Дон в снегу...

Русские дети

Я повсюду люблюсь детьми:
Как прекрасны славянские лица
(Те, которым от двух до семи!), –
В этих просто нельзя не влюбиться.

Только им генофонд сохранить,
В укрепление русской десницы,
Чтоб разбились о славный гранит
Все, кто в нашей стране усомнится.

Их Некрасов недаром воспел, –
Остаются прекрасными дети,
Как читают они нараспев!..
Нет картины достойней на свете.

Быстро годы пройдут, пролетят:
Бесконечно в природе движенье.
И чем больше девчонок, ребят,
Тем вернее Руси продолженье.

Почему я люблюсь детьми?..
Мой восторг не имеет границы:
В них надежда на счастье и мир,
И истории русской страницы.

Дождь моего детства

Всюду лужи, а дальше – ручьи,
И листва раскалённая дышит. –
Летний дождь монотонно стучит
В подоконник, по стёклам и крышам.

А за молнией следует гром –
Словно молот по медному тазу.
Он грохочет над нашим двором,
Повинуясь небесным приказам.

Вот и вечер, но дождь не затих, –
Повторяются всполохи молний.
И опять – монотонный мотив...
Плеск воды мне о детстве напомнил. –

Как бесстрашно неслись под дождём
Мы с друзьями – босые по лужам.
Каждый был Робин Гудом, вождём, –
Забывал про нетронутый ужин.

А кораблики плыли в ручьях,
Как по памяти нашей фрегаты...
Выходила всё время ничья
В нашей юной и честной регате.

В августе

Дождливый август за окном –
С холодным ветром;
Всё – чёрно-белое кино,
На сотни метров.

Дождливый вечер во дворе...
Темно и грустно.
Пуста скамейка у дверей,
И в мире пусто.

И дождь ничуть не устаёт
Средь вспышек молний,
А мы с тобою здесь, вдвоём,
И всем довольны.

Пусть дождь не хочет уходить,
Пусть долго плачет,
Верь, наше лето – впереди!
Ведь как иначе...

Татьяна Морозова
Литературное объединение
«Логос»
г. Туапсе Краснодарского края

Варварина сказка

Рассказ

Летний жаркий день догорал, разливаясь малиновым закатом над синею горой. Дневная жара постепенно спадала, уступая место вечерней прохладе. Лёгкий ветерок колыхал шторы на окне, впуская и разнося по всей комнате аромат ночных фиалок, буйно цветущих в палисаднике... Мои неугомонные внуки, набегавшись за день, умытые и накормленные тормозили меня одной и той же просьбой: «Бабушка Таня, ну расскажи нам сказку... Варину сказку про Ивашечку и бабу Ягу. — Расскажи скорее!»

Бабушка Таня... Я не так давно стала бабушкой... Улыбаясь, смотрю на своих сорванцов. Варина сказка... Через всю жизнь пронесла я в сердце своём эти «Варины сказки»! — Моей любимой прабабушки Вари, которая растила меня и всегда была рядом. Помогала моим родителям. Они в то время много работали и строили наш дом... Сколько же было сказок, рассказанных ею мне перед сном! Но одна, пожалуй, самая старинная, больше всех запомнилась. И, как в далёком детстве, вдруг выплыл, разлился плавным напевом бабушкин голос:

*«Ивашечка, сыночек мой,
Приплынь, приплынь до бережка! —
Твоя мама пришла
Молочка принесла,
Борщика-горщика,
Кашки в черепочке...»*

И приплыл Ивашечка до бережка, и накормила, напоила его мама досыта. Забрала рыбку, пойманную сыном-рыбаком...

Очнувшись от воспоминаний, я укладываю внучат в постельки. Заботливо укрываю и, подражая бабушке Варе, начинаю сказку:

— Жила-была бедная женщина, и был у неё сыночек Ивашечка. Ловил он в море рыбку, а его мама приходила на берег и красивым тонким голосом пела ему песню, зовя его обедать:

*«Ивашечка, сыночек мой,
Приплынь, приплынь до бережка...»*

И плывёт по комнате, стелется лунным светом напевная сказка... И давно уже, сладко посапывая, спят трое моих внучат: Коля, Серёжа и Маргаритка. А я... маленькая девочка Таня, сидя у бабушки на коленях, прижавшись к её груди, затаив дыхание, слушаю старую-старую сказку — впитывая в себя каждое слово, не замечая слёз, катящихся по щекам...

*«Ивашечка, сыночек мой,
Приплынь, приплынь до бережка»...*

Людмила Байкалова
Литературное объединение
«Логос»
г. Туапсе Краснодарского края

Затяжной прыжок

Рассказ

Мыс дерзко врезался в море, подставляя скалистую грудь штормам. Его отвесная стена манила, круто вздымаясь над берегом в том месте, где остро-зубые рифы отделяли городской пляж от «дикого». Со стороны города пологий склон невысокого отрога казался безобидным, прирученным, почти домашним. Его лесистая горбатая спина, меняющая цветовую гамму настроения в зависимости от сезона и погоды, виднелась из окна кухни...

Шальная мысль пробраться лесом на вершину скалы вспыхнула внезапно, когда очередная обида захлестнула десятилетнее сердечко Тоши...

Бежать из дома — бежать, куда глаза глядят!

Без дорожки, без тропочки — несли ноги наугад. Подъём оказался нелёгким. Едкие струйки пота текли по лицу, смешиваясь с горькими слезами. Девочка утиралась ладонями, оставляя на щеках грязные разводы. Короткий жёлтый сарафан цеплялся за ветки кустарника, за острые шипы лиан. Треснул ситцевый подол... Боль пронзила голую коленку. И слёзы ещё сильнее брызнули из глаз.

Тоша чуть не заблудилась в непролазных кущах, но, ориентируясь по весёлому пляжному гомону, доносящемуся снизу, взобралась на гору. Глазам открылся морской простор, корабли на рейде. Ослепило огромное, расплавленное солнце, стоящее высоко в зените.

Деревья шатром укрывали верхушку скалы. В их тени зной ощущался мягче, чем в городе. Девочка устало опустилась на сухую траву. Изодранная кожа саднила. По краю царапины на коленке выступили яркие капли крови. Тоша осторожно слизывала их языком, пугаясь солёного привкуса.

Сидеть недвижно на каменистой земле, меж оголённых древесных корней, было неудобно. Но она боялась шевельнуться: при малейшем движении из-под подошв сандалий струились вниз мелкие камушки. Стрёкот и жужжание невидимой жизни вокруг, игра солнечных лучей на морской глади понемногу успокоили беглянку, высушили слёзы. Девочке казалось, что стоит глубоко вдохнуть воздух, сильно взмахнуть руками, и можно полететь над морем, широко распластав крылья за спиной... Она закрыла глаза, пытаясь представить этот дивный полёт, но не смогла — тело затекло. И родились совсем иные, бесхитростные мысли.

И куда же мне лететь? Я ведь — не птица. Я даже не умею свить для себя гнезда. Кончится лето, наступит зима. Я просто замёрзну, умру от холода и холода. И возвращаться домой не хочу. Ненавижу отца. Боюсь его пьяных мутных глаз. Почему мама живёт с ним? Почему не хочет защитить меня?.. Ей, наверное, нравится такая жизнь?.. А я не хочу так. Я не могу каждый день в страхе возвращаться домой, учить уроки под ругань и драки. Если бы мне было восемнадцать лет, я уехала бы далеко-далеко... Ещё — восемь лет, ещё так долго! Нет, не стоит дальше жить. Лучше прыгнуть вниз, и всё кончится прямо сейчас, всё кончится...

Она, как в кино, увидела своё падение со скалы, почти физически ощутила, как острые камни раздирают кожу. Представила бездыханную, бесформенную, окровавленную девочку, омываемую ленивыми волнами... Сбегутся напуганные люди. Мама будет плакать над ней, просить прощения, но Тоша не поднимется ей навстречу.

Душили рыдания — жалко маму. Мама останется совсем одна, отец всё равно будет бить её, но никто уже не успеет перебежать улицу и из телефонной будки вызвать милицию и скорую помощь...

Нет! Вырасту и уеду вместе с мамой. Во что бы то ни стало! Если меня не будет, маму никто никогда не спасёт.

Солнце закатным янтарём тронуло горизонт. Потом налилось багровым жаром, испепеляющим пёрышки облаков, и стало медленно погружаться в морскую пучину. Тоша, хватаясь за ветки, поднялась во весь рост, размялась и заторопилась домой, спотыкаясь о камни и корни в стремительно темнеющем лесу...

Сейчас, мамочка! Сейчас я вернусь, обниму и пожалею тебя, заплаканную, напою чаем, намажу булку вареньем...

Воспоминание о булке с вареньем отозвалось урчанием в животе — проголодалась за день.

Тоша издали слышала зовущий материнский голос.

Как хорошо, что я не прыгнула. Скорей, скорей! Мама обрадуется, что я жива и здорова. Мы обнимемся и пойдём вместе... Я расскажу ей обо всём, обо всём...

— Ах, засранка! — мать оттолкнула от себя Тошу. — Почему ты ушла без спроса из дому? Где шлялась до ночи? Посмотри, на кого ты похожа? Изодранная, грязная! Ну, паразитка, я тебе сейчас задам!

...На виду у всего двора, коротающего вечер на лавочках, мать хворостинной загнала Тошу домой.

Отец беспробудно спал. Девочка, исхлёстанная его брючным ремнём, заперлась в ванной и беззвучно рыдала. Нет, не унижение перед чужими людьми вызвало это отчаянье, а жестокая обида, теперь уже на мать, которая не заглянула в глаза, не увидела там любви и тревоги, не встретила ласковым словом.

За что? Зачем? Как же так?.. Неужели и мама не любит меня? Не любит? Почему? Когда я вырасту — буду жить совсем по-другому...

С тех пор уткло много времени. Царапины, ссадины и синяки зажили. Не затянулась только рана на сердце. И ощущение одиночества, ненужности не уступало в этом сердце место прощению. К своим сорока восьми годам она не «превратилась» в Антонину Олеговну, а так и осталась Тошей. Детские обиды переросли в чувство вины, а на этой почве развилась нервная болезнь. У тётки Тоши, дворничихи ЖЭКа, никогда не было ни мужа, ни детей. Лохматый Котофейка и герань в горшке на узком подоконнике — вот и вся её семья. Девять квадратных метров жилой площади в безнадежно стареющем общежитии — её дом. А окраина бывшего заводского городка разрослась новостройками. Одна из этих высоток (двенадцать этажей — шесть подъездов — почти полторы сотни квартир!) — хозяйство тётки Тоши.

В тех краях, куда она сбежала сразу после школы, не было ни моря, ни гор. Лето здесь оказалось слабым и скоротечным, но серебристо-дымчатые ночи производили впечатление неиссякаемого дня и заряжали на долгое мрачное зимовье.

...В тот обычный летний будний день, тётка Тоша по графику убирала пятый подъезд. Замок на чердачном люке, как всегда, отсутствовал: подростки облюбовали это убежище, чтобы картёжничать да куревом баловаться. Сколько ни стыдила дворничиха, сколько ни грозила родителям пожаловаться, — ломали запоры.

Что за дети нынче пошли! Одеты и обуты с иголки. Сыты — больше некуда! Баловства, всяких игрушек — сколько!! А они с пелёнок курят и пьют, жизнь прожигают зря... Чего им не хватает?

Сокрушаясь, тётка Тоша только вечером закончила мести двор, густо уставленный машинами жильцов, заперла инвентарь в техническом боксе и решила сбежать домой за новым замком: перекрыть лаз на чердак.

Обернулась она скоро и, бубня себе под нос очередную нотацию в адрес подростков, торопливо приближалась к злополучному пятому подъезду. Было светло. — Бесформенное беловатое небо ещё не потускнело. И вдруг на его плотном холщовом фоне, на крыше двенадцатиэтажки, Тоша заметила краем глаза какое-то движение. ... Дворничиха подняла голову и ужаснулась: две хрупкие девичьи фигурки в узких брючках и коротких рубашонках отделились от карниза и подстреленными птицами падали прямо на неё. Она широко раскинула руки, желая поймать их на лету, прижать к груди, остановить этот нелепый полёт. *«Господи! Замок не успела...»*, — только и подумала Тоша...

Валерий Калина

Литературная гостиная Н. Корбут
г. Ростов-на-Дону

Ты первая, кому я не соврал

Не делай зла!
Пусть будущие дети
Расскажут всем на этом белом свете,
Что их родители всех лучше на земле.
Не делай зла!

Не делай зла.
Пусть нищая старушка
Отыщет твой червонец в ржавой кружке.
И станет он – за все твои грехи –
Последней пристанью у Боговой реки,
Быть может, благодарный слабый взгляд
Тебя спасёт – и ты минуешь Ад...
Не делай зла!..

Я опыта суму не собирал
Ты первая, кому я не соврал,
Ты крайняя, кому я врать не буду.
Я не продам ни строчки, не забуду
Ни наших встреч счастливый светлый ряд,
Ни лёгкий поцелуй, ни нежный взгляд,
Ни ночь бессонную, ни шаг за край признанья,
Пусть будут между нами расстоянья,
Один тебе совет: умей прощать,
Чтоб слёз потом суму не собирать.

В конце дороги ты поймёшь,
Что значит – в нашей жизни сложной
Не подменить себя на ложь...
Что по-другому – невозможно.

Упрекаем чужую совесть!
Добавляем упрёки в повесть.
Упрекаем и спим спокойно,
Сбросив тяжесть своей вины!
Столько лет мы строим дороги...
Мы глупцов наплодили много.
Мы просили счастья у Бога...
А попали под власть сатаны.
Сколько должен терпеть крестьянин,
Сколько должен страдать рабочий,
Человек – стоять у обочин?!
Просит милостыню человек.
Мы вступили в эпоху счастья!
Мы вступили в эпоху рабства!
Мы вступили в эпоху хамства!..
С днём рождения, человек!

Не думаю, что было нам легко,
Что ты ни разу грустью не болела.
Но я запомнил глаз твоих тепло,
А тело – это только тело...

Средь тысячи зеркал
И тысячи дорог,
Средь тысячи миров
И многих перекрёстков
Никто не обратит
Внимание на свет
От маленькой свечи.
А ей гореть непросто!

Миров круговорот
Вселенную пронзил,
И тоненькая нить –
Опора мироздания,
Ну а свеча горит,
И воск стекает вниз,
И гибнет под огнём
Фитиль, до основанья...

Мечтать не запретишь,
Лишь Бога насмешешь:
На завтра строишь план,
И вдруг тебя не стало.
Не торопи судьбу,
Прикрой свечу рукой –
Свечу, что Бог зажжёт! –
Ведь ей гореть так мало...

Тамара Иванченко
Литературное объединение
«Логос»
г. Туапсе Краснодарского края

Место под солнцем

Рассказ

Прочитав этот рассказ, вы можете усомниться в его правдивости. Но история, которую я хочу рассказать, действительно произошла в моей жизни, случившись, правда не со мной, а с моей кошкой.

Кошка была удивительная.

Появилась она в нашем доме самым банальным образом. Так появляются бездомные животные в домах, где есть маленькие дети с открытыми настежь сердцами.

Однажды осенним дождливым днём моя десятилетняя дочка Валечка пришла из школы и с порога позвала:

— Мама, иди сюда.

Голос её дрожал. Я торопливо пошла к двери, на ходу думая, что дочка, наверное, сильно промокла и замёрзла. И тут я услышала громкое мяуканье... Хотя нет, скорее это было всхлипывание на самой высокой ноте.

Валечка стояла с широко открытыми глазами, и в них было столько боли, что я застыла на месте.

— Мама, посмотри, он же замёрз, бедненький.

Слёзы ручьями полились по её густо-розовым с холода щекам. Девочка умоляюще смотрела на меня, протягивая руки, на которых лежал маленький с мокрой шерсткой котёнок. Он дрожал и время от времени громко взвизгивал, как бы взывая к помощи. Было даже удивительно, как такое маленькое существо могло издавать столь громкие звуки. «Услышьте, люди!» — будто вопило замёрзшее тельце.

Я не любила кошек в доме, они казались мне источником антисанитарии. Но у Валечки были такие умоляющие глаза, а котёнок так отчаянно орал, что моё сердце сдалось.

Дочка, не дожидаясь моего согласия, а может, почувствовав его, уже бежала с найдёнышем по коридору в свою комнату. Я принесла старое полотенце, чтобы обсушить и обогреть котёнка. Когда он высох, то превратился в маленький пушистый «шарик» с большими зелёными глазами. Согревшись, он попил тёплого молока, успокоился, затих и уснул на мягком кукольном матрасике...

Так в нашем доме появилась кошка. Дочка назвала её Лизой.

Лиза была ласковая и послушная. Мы все в ней души не чаяли. Питомица выросла и постепенно приручила к себе всех домочадцев. Не хотел приручаться только один член нашей семьи — овчарка Герда, ещё молодая, шаловливая, весёлая собака. Ей было чуть больше года, и она жила во дворе в будке неподалёку от крыльца.

Лиза очень любила полежать на крыльце и понежиться на солнышке. Но Герду раздражало появление кошки во дворе. — Последней приходилось скрываться от собаки в доме, но заманчивое солнышко вновь и вновь притягивало Лизу, как магнитом, на крыльцо. Она всё чаще и чаще появлялась на крылечке. Герде это явно не нравилось, но она стала привыкать к кошачьиным солнечным моционам. Правда, не дай бог было ступить хотя бы ногой на дорожку, ведущую в сторону будки!.. В таких случаях Лизу спасали только её быстрые ноги.

Весной я стала замечать, что Валечкина «находка» часами сидит на крыльце, изредка поглядывая в сторону будки. Но я не придавала особого значения этим Лизиним посиделкам.

В один из тёплых майских дней я готовила обед на кухне, окно в которой было открыто и выходило во двор, где и стояла будка. Неожиданно я услышала странный шум, не похожий ни на собачий лай, ни на мяуканье кошки. — Это было слияние шипящих, визжащих, воющих и ещё других, не поддающихся описанию, но страшных и зловещих звуков.

Я выглянула в окно и остолбенела. Какое-то непонятое существо с развешивающейся гривой, как цирковая лошадь, носилось кругами по двору с бешеной скоростью, издавая при этом целый сонм звуков. У меня пропал дар речи. Не в силах вымолвить хоть слово, я, молча, наблюдала за бешеной скачкой непонятого зверя...

Забыв про борщ на плите, не подумав о возможной опасности, я выбежала в центр двора. Это нечто (некто?) в клубах пыли носилось вокруг меня. Мне уже виделось не одно существо, а несколько.

«Я схожу с ума», — пронеслось в голове.

Постепенно возвращаясь в реальность, я присмотрелась к безумному существу. Оно странным образом и было, и не было похожим на мою собаку Герду.

«Собака взбесилась, — подумала я. — Но почему у неё такая грива?» Мысли путались в голове.

Было непонятно, почему овчарка постоянно мотает головой из стороны в сторону, как бы пытаясь сбросить с себя что-то. Я с трудом разглядела, что на её шее сидит какое-то чудовище. Во время бега собаки оно подлетало кверху, издавая неземной визг, а потом шлёпалось снова на бедное животное, пугая и подхлестывая её. — На Герду напал какой-то зверь.

Я не знала, что предпринять, чтобы помочь собаке. И сделала то, что делать было нельзя. Я побежала наперерез, растопырив руки в разные стороны, пытаясь остановить несчастную. Огромная, взрослая овчарка всей своей массой налетела на меня, опрокинула навзничь и, перепрыгнув через меня,

понеслась дальше. Тут уже и я взвыла от боли и досады, села посередине двора, сбитая с толку. Вокруг меня со скоростью ракеты носилась наша собака...

И тут — о, ужас! Во всаднике «с боевым раскрасом» я узнала свою кошку Лизу. Её трёхцветная шерсть стояла дыбом, глаза округлились. Передние лапы крепко вонзились когтями в голову Герды, а задние вместе с туловищем взлетали в воздух, а потом со шлепком падали назад. При этом хвост собаки был поджат под живот, а у кошки наоборот торчал кверху и во время бега раскачивался из стороны в сторону, как знамя на ветру. А в самых наивысших точках полёта хвост от страха резко опускался вниз, как кнутом, подхлестывая собаку...

Мои слова и крики тонули в этом адском коловороте. Я пыталась ухватить руками Лизу...

Всё это безумие закончилось ровно тогда, когда захотела этого Лиза. Она отпустила когти и прыгнула на землю с абсолютной невозмутимостью. Села посередине двора и с любопытством стала следить за собакой. Герда же, наконец-то избавившись от страшной наездницы, с визгом кинулась к будке. Но почему-то не залезла внутрь, а спряталась за неё, откуда с опаской поглядывала на кошку.

Потом произошло то, чего я никак не ожидала от Лизы. Подняв голову и хвост кверху, она с гордостью победившего полководца прошествовала мимо крыльца и... ступила на запретную для неё дорожку, ведущую к будке, а затем, подойдя к ней, заглянула вовнутрь и... залезла в неё. Легла там и сложила лапки в деревянном проёме. На её наглой мордашке было полное спокойствие. Было такое ощущение, что сидит она вовсе не в чужом доме, а в своём собственном.

Герда же, наоборот, повизгивала, нервничала. Несколько раз пыталась выглянуть из-за угла будки, но каждый раз получала кошачьей лапкой по носу. Взвыв, собака снова пряталась. Так продолжалось несколько раз. Напрасно хозяйка пыталась выгнать захватчицу, та каждый раз пускала в ход острые коготочки.

Я с интересом наблюдала, чем же закончится этот поединок, эта борьба за место под солнцем.

Наконец, Лиза медленно, не спеша, с чувством собственного достоинства вышла из будки и прошествовала мимо Герды, даже не удостоив последнюю взглядом. Хвост её нахально торчал кверху. Собака ещё глубже забилась в угол между будкой и забором и не сводила глаз с победительницы. Когда путь в будку был свободен, овчарка пулей залетела вовнутрь... Когда она высунула наружу голову, всё существо её уже выражало довольствие и спокойствие.

С тех пор, стоило только Лизе выйти во двор, как Герда моментально летела в будку. В эти минуты она была очень горда собой. Ведь её дом не был занят врагом. А кошка теперь могла гулять, где угодно и когда угодно. — Обе были довольны.

Чтобы сохранить в неизменном виде своё завоевание, Лиза иногда с поддельным равнодушием проходила совсем рядом с Гердой, которая сидя в будке, будто бы сердито рычала на неё...

Исропил Эсмурзиев
член литературного фонда России
г. Москва

Дурман весенний

Опять весна нам затуманит разум,
Мы будто видим свет в конце тоннеля –
И с оптимизмом начинаем сразу
На мир глядеть шутом Полишинелем. –

Безудержно мечтать и планы строить,
Лелея в сердце тайную надежду
Наследство предков увеличить втрое...
Себя обманом понапрасну тешим:
Рассеется туман. Закат багряный,
На гранях башен бликами играя,
Вдруг высветит реальности изъяны,
Раскатом грома души нам взрывая.
Раздастся голос призрачный, далёкий...
То предков зов. – О! сколько в нём упрёка!
Он донесёт до нас в мгновенье ока:
Прервётся связь времён – не волей рока. –
Мы, забыв традиции и нравы,
Давно бредём впотьмах тропею ложной...
Итог, увы, один, вне всяких правил:
Всё осознаем лишь на смертном ложе.

Сиреневый туман окутал горы,
Стоят на скалах башни – вечным стражем,
Парят орлы в небесной выси гордо...
Дурман весенний верным им – не страшен.

За очаг наш, за счастье,
за земную любовь
Проливалась рекою
праотцов наших кровь.
Монолиту подобен,
был народ наш един,
И служил он свободе
до глубоких седин.

Те, кому освещались
лабиринты во тьме,
Предкам жизнь доверяли
в вековой кутерьме. –
От рожденья до тризны
на просторах земли
Путь, назначенный свыше,
с честью гордо прошли.
...До чего ж не похожи
мы порою на них:
По задворкам блуждаем
и грешим, что ни миг;
Ежечасно друг друга
ненасытно грызём;
Всё вокруг разрушаем,
превращаем в содом...
Не пора ли разбить нам
чашу скверны и лжи,
С обновлённой страницы
с чистой совестью жить? –
И вернуться к Аллаху,
путь окончив земной,
С благодарностью в сердце,
со спокойной душой.

Немного о вере

Свято верю в то, что есть на свете
(Называй, как хочешь, – Бог, Аллах...)
Тот, перед которым все в ответе
За духовность в мыслях и делах.

Ну, а если вдруг в душе сомненья,
Есть ли смысл об коврик бить челом;
Доходить до умопомраченья,
Изнауря организм постом?..
Есть ли смысл никчёмной суетою –
Росчерком одним! – перечеркнуть
То, что предначертано судьбою,
Выбрав изначально ложный путь?..

Ты, в молитве обращаясь к Богу,
Воздевая руки к небесам,
Знай, что остаётся за порогом
Всё земное... Бросив взгляд назад,
Посмотри: не созданы ль кумиры
На Земле тобою, невзначай? –
За деянья наши в этом мире
Отвечать *пред Ним* в урочный час.

(перевод с ингушского Розы Агоевой)

Даниил Журавлев
Литературное объединение
«Логос»
г. Туапсе Краснодарского края

Применение для львицы

Рассказ

«Кто-то теряет, кто-то находит», — тараторил себе под нос выбывший игрок... Настала моя очередь тасовать карты — я сделал это со спокойной улыбкой, дразня двух моих соперников.

Один из них — приземистый гоблин в замызганном фартуке, следил за моими ладонями, явно желая их оторвать. Второй оппонент поспокойнее — высокий человекообразный ящер. Он скрестил на груди руки, расправив перепонки между чешуйчатыми пальцами. Его острые змеиные глаза безразлично глядели по сторонам, будто исход игры его уже не волновал. Гоблин же в противоположность ему всем видом давал понять, что, если проиграет, перевернёт таверну вверх дном.

Я выложил перед ними каре из двадцати пяти карт, затем поместил в середину три карты-следопыта. Объяснять правила игры долго — но, думаю, любой обитатель Болотных Болот их прекрасно знает. Ходили по очереди, первым открывал карты ящер: расклад получился не слишком удачным. Гоблин преуспел чуть более, его следопыт оказался на два шага впереди моего. Я подмигнул в ответ на его очаровательную улыбку в тридцать шесть жёлтых зубов.

Игра пошла быстрее, оба моих соперника заметно торопились: всё-таки развязка была близка. Вокруг нас собралась небольшая группа зевак, самых разных рас и полов. По правде говоря, мне всегда становится неуютно, когда за мной наблюдает столько хищных глаз. В этот раз, правда, игра пролетела почти незаметно. Мой следопыт сделал последний шаг и оказался снаружи карточного леса, — я победил. Ящер провёл раздвоенным языком по губам и изобразил подобие улыбки на змеином лице.

— Пас-сдравляю, щел-ловех, — прошипел он тихо.

Гоблин в ужасе стукнул себя кулаками по голове и сплюнул на пол.

— Я ещё-то не проигрывал человеку! — возмущённо объявил он. — Здесь подвох какой-то?

Я сгрёб со стола выигрыш и небрежно высыпал его в заплечный мешок.

— Только один секрет. У меня рабочий подход к делу, а не любительский.

— Не любительский-то, говоришь? А как иначе... как Следопыта-то не любить, — пробормотал гоблин, когда я повесил мешок за спину и направился к двери.

...Душная таверна осталась позади, и я оказался на приятном, покалывающем морозце первых зимних деньков. Небо над головой было беспробудно серым, худые голые деревья на его фоне выглядели особенно тоскливо. Дул резкий ветер — пробирая холодом почти до костей. Я поглубже закутался в походный шерстяной плащ... Весь заплатанный и засиженный болотными мушками, он был мне хорошим другом на протяжении нескольких последних лет. Как и старушка-лютня, доставшаяся от деда-менестреля. Она сейчас уютно покоилась за спиной, завёрнутая в толстую ткань. Тепло ей, наверное, — не то, что мне.

Впрочем, от мысли о выигранной партии следопыта мне стало заметно теплее. Призы на сей раз были необычные, ради таких было не стыдно поставить на кон бабушкин серебряный амулет, в виде муравьёв, ползающих по бочонку с мёдом. Мне всегда при взгляде на этот амулет хотелось есть, а бабушка говорила, что он означает плодородие. И что — магический, ко всему прочему.

Я присел на клочке грубоватой травы возле дороги и вытряхнул из мешка трофеи.

Первый — добротный стальной кинжал с орнаментом из сплетённых линий. Для нарезки хлеба вряд ли подойдёт, а вот в шкурке какого-нибудь подонка смотреться будет замечательно... Его поставил на кон человек, который первым покинул игру. Я повертел в руках трубку — неплохая вещица, не стыдно такую курить. Надо было попросить у того ящера немного табака, — сейчас бы не помешало согреться.

Но самый занятный трофей проиграл гoblin. С виду это был обычный стеклянный фонарь с железной ручкой, — только вот, он был не пустой. Изнутри, припав передними лапами к стеклу, на меня смотрела миниатюрная львица, не больше богомола по размерам. Ко всему прочему, на её голове, между ушей, росли два милых усика. Кремовая шёрстка кое-где запачкалась в пыли, на лапках и пальчиках крошечные подушечки; а прищурившись, я разглядел и коготки. Честно слово, не считая усиков, — настоящая львица. Ну, за исключением того, что простая лягушка могла бы представлять для неё серьёзную опасность.

Я так и эдак вертел диковинный трофей в руках, а львица глядела на меня карими глазами; её хвост болтался из стороны в сторону... Не долго думая, я решил выпустить её наружу. — Снял крышку и аккуратно перевернул фонарь. Секунду я наблюдал, как львица плавно съезжает мне в руку, а потом...

А потом «бух», и я оказался на земле. На моей груди сидела уже настоящая львица, её лапы по толщине не уступали моим рукам, а голова с внушительной пастью и клыками находилась — вплотную к моему лицу. В одно мгновение я успел, про себя, и пожурить гоблина за такой подарок, и помолиться перед смертью. Однако случилось то, чего я меньше всего ожидал: меня лизнули в щёку. Потом ещё раз и ещё... Язык был очень шершавый, — царапал, как наждак. Я открыл глаза и обнаружил, что львица сидит возле моей головы и подталкивает меня лапой.

— Прости, надеюсь, ты не сильно ушибся? — спросила она низким мурлычущим голосом.

— Э... нет. Хотя, наверно, голову ушиб. Ты здесь нигде не видела: мозги не лежали? — осведомился я, садясь по-турецки и осматривая крупную «копию» миниатюрной львицы.

— Мозги? Нет, не видела, — нахмурилась львица. Её усики плавно двигались, будто ощущывая всё вокруг.

— Можешь не искать, я пошутил.

— Хорошо, а то всякое случается, когда меня хотят вытряхнуть на ладонь. Один раз даже пытались съесть... Ну, тому троллю было очень больно, — львица почти по-человечески улыбнулась и подмигнула мне.

Я провёл ладонью по её загривку — шерсть была настоящая: густая и тёплая. Львица зажмурилась в ответ на касание, и положила мне на ладонь мягкую лапу.

— Жаль только, что я не умею мурлыкать, — заметила она.

...Никого не спрашивая, как это и бывает зимой, с неба посыпал неуверенный снежок. Невесомые снежинки кружили вокруг нас, одна попала на нос львице, другая залетела мне за шиворот.

— Тебя обратно в фонарь засовывать, или помёрзнешь немного? — осведомился я у львицы, вставая на ноги и надевая капюшон.

— Как тебе будет угодно, хозяин, — весёлые нотки её голоса сменились неприятной услужливостью. — Но я бы лучше погуляла на свободе.

— Так, и гуляй, — небрежно ответил я. — И почему ты решила, что я тебе прямо-таки хозяин?

— Ты меня в карты выиграл, — сказала львица и поймала языком летящую снежинку. — Меня предыдущий владелец на бутылку эля обменял, а тот проиграл тебе. Сейчас ты мой хозяин, и я буду делать то, что ты скажешь.

— Ты не джинн, случайно? — я щёлкнул пальцами от внезапной догадки. — Только живёшь в фонаре, а не в лампе!

— Да какой из меня джинн... — ухмыльнулась львица. — На мне даже тюрбана нет.

— А что ты умеешь делать? — я сорвал травинку и засунул её в рот.

— Ну, смотря, что попросят. Первому хозяину я ловила в лесу зайцев... а знаешь, что со мной делал гоблин? — Он натравливал меня на молодых девушек, а потом героически «спасал» их, избивая меня палкой, и прятал в фонарь. Хорошо, ни одна из девушек на это не клюнула, — львица грустно вздохнула и почесала загривок. — Теперь я в твоём распоряжении, можешь делать со мной что хочешь.

— Хорошее предложение.

Я снял с себя мешок и поместил на спину львицы, продев её лапы в лямки.

— Спину ломит, — не понесёшь немного?

Львица посмотрела на меня и хихикнула, совсем по-человечески.

— Выючная львица... увидят — засмеют, — возмущённо прошептала она. — Скажи сразу, сколько унижений мне предстоит пережить, чтобы я была заранее готова?

— Ни одного, — серьёзно ответил я. — С этих пор ты полноценный член партии. Один из главных героев истории.

Львице это предложение явно понравилось.

— Неплохо. А мы, что, уже герои? — осведомилась она.

— Нет, но очень скоро ими станем. Ещё пару-тройку колоритных личностей, и можно начинать основной сюжет.

— У тебя какой-то странный язык, — задумчиво проговорила она. — «Основной сюжет», «член партии». Слушай, а как ты моего хозяина вообще одолел, ты же, вроде, неместный?

— Это было не сложно, — сказал я с оттенком гордости. — Ведь я здесь почти всё придумал.

— Что значит «почти всё придумал»?

— Я придумал правила Следопыта. А ещё — таверну, в которой мы играли, всех тех зевак... да и этот снег тоже.

— Удивительная фантазия, — округлила глаза львица. — И меня ты тоже придумал, получается?

— Не совсем, — я улыбнулся. — Я ведь не могу обдумать каждую... мелочь. Чтобы сделать это, нужно с головой погрузиться в свой собственный мир. Тогда всё становится ближе.

Я подмигнул львице, и на миг старый плащ превратился в кожаную куртку, старые шерстяные штаны стали потёртыми джинсами, а на ногах вместо походных сапог оказались кроссовки известной фирмы.

Редкие снежинки метались на ветру, то взлетая, то резко падая вниз. Мы шли по широкой, нескончаемой дороге *Фантазии* — я и львица...

Игорь Антонов
Литературное объединение
«Окраина»
г. Ростов-на-Дону

Раздавать мечты и звёзды...

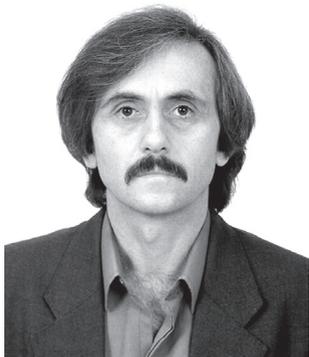
Оптимистическое

В шестьдесят ещё не поздно
Жить по-новому начать,
Раздавать мечты и звёзды,
На улыбки отвечать,
Не чураться встреч случайных;
Сбросив маску знатока,
Овладеть чудесной тайной –
Жизнелюбием цветка.
Вместе с ним тянуться к свету,
О прошедшем не грустить
И, припомнив строчку эту,
Дольше в мире погостить!

Из рук не выпуская книги,
Я замечтался в тишине...
Ах эти звёздные интриги, –
О чём они расскажут мне!?
Июньской ночи откровенье
И голоса случайных птиц...
Души внезапное прозреньё –
В тишайшем шелесте страниц,
Где тьма со светом обвенчалась,
А боль с любовью обнялась,
И тонкой ниточкой казалась
Времён незыблемая связь.

Ни слова мне не говори, –
Зажгись загадкой зари,
Зелёной музыкой весны
Ворвись в предутренние сны.
Робка и девственно нежна,
Явись, как юная княжна,
И я пойму тебя, пойму, –
Лучом надежды обниму...

**ПОБЕДИТЕЛИ ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА
РРО СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
«90 ЛЕТ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ»**

Вартан Бабян

г. Ростов-на-Дону

Первое место в номинации «Проза»

Очень скорая

Рассказ

— Восьмая, восьмая! «Блокада» восемь!

— Я и-ска-ла мину, гады! — ответил раздражённый голос диспетчера.

Седов, будто бы пытаясь раздавить что-то мерзкое, сжал в кулаке трубку заикающейся на ходу машины рации, и в унисон с рукой напряглось всё тело и стиснулись зубы. К ночи нервное напряжение достигло степени, которую едва удавалось контролировать. Началось это давно, но вот уже несколько месяцев будто бы что-то сорвалось с цепи в его психике. В последние дни это стало прогрессировать настолько быстро, что он начал думать: ему приходит конец. Как врач он это понимал особенно ясно. Ещё одно-два дежурства — и он если и не начнёт бросаться на людей и не перемолотит всех, кто попадётся на его пути, всем, что подвернётся под руки, то тихо удавится в своём доме от ужаса перед происходящим...

Ещё кто-то влез в запруженный разноязыким заиканием эфир:

— «Блокада» восемь! «Блокада» восемь!

— Я же ясно сказала: минуточку, бригады! — снова послышался голос диспетчера.

— Валя, это я, восемьдесят девятая, — не выдержала звонившая и перешла на личности. — Ну что, нашла или нет, в конце концов? Она же сейчас родит у меня в машине! Ты чё!?

— Да, нашла! Вот слушай: первое отделение, почечная патология. Советский район — второй роддом. У тебя так записано, да? Я звоню на центр, но они что-то не принимают трубку... Вот, подожди, ответили; сейчас я уточню.

Эфир заполнился обрывками гортанного кавказского говора, затем их перебил ясный и близкий славянский:

— Олэна, слухай сюды: улица Гоголя, двадцать три, частный дом. Черевичный, сорок лет, желудочное кровотечение. Зрозумила?

Что-то происходило в атмосфере, магнитная буря, или какая другая пакость, и можно было слушать на своей волне, чем болеют люди по всей стране. Была бы охота.

Снова раздался раздражающий механический писк рации:

— Восемьдесят девятая, ты меня слушаешь?

— Да!

— В общем, ты привезла им правильно. Оставляй и уезжай, поняла?

— Да они не принимают у меня, я тебе говорю. Целый час везла через весь город; чего теперь, в другой конец везти?

— На голову себе посади! Я же сказала: они должны её принять. Если отказываются, пусть позвонят старшему врачу. Всё! Давай, не задерживайся. Тут у меня завал с вызовами, по три часа лежат.

Старший врач недавно перенёс второй инфаркт. Седов представил, как этот немолодой человек, наливаясь пунцовой краской, будет кричать в телефонную трубку, что по приказу горздравотдела должны принять роженицу в роддом немедленно, на что так же убеждённо будет отвечать из другого конца города дежурный гинеколог, что пошла инфекция и по приказу того же горздравотдела они с сегодняшнего вечера не принимают в первое отделение. Кончится тем, что оба бросят телефонные трубки, предварительно выяснив фамилию ненавистного собеседника и обвинив друг друга в хамстве, после чего гинеколог на приставную койку примет роженицу в коридор в своё отделение, а старший врач — две таблетки нитроглицерина под язык. И будут работать дальше.

Челюсти Седова так и не размыкались, и хорошо, что была ночь, и в тёмном салоне машины «скорой помощи» не было видно выражения его лица. Он мог на короткое время дать волю хотя бы мимике, и это немного облегчало его состояние.

Машина ленивым насекомым ползла по обледеленному проспекту, осторожно объезжая крупные ямины на проезжей части. Прошло уже около получаса с тех пор, как они выехали с вызова. Седов взглянул на часы: нет, он всё-таки торопит время — прошло немногим более двадцати трёх минут. Разумом он понимал, что машина движется с той скоростью, которая обеспечивает ей безопасность, но скорость эта настолько диссонировала с тем прыгучим галопом, который гнал его раздражённую мысль, что казалось, водитель специально плетётся по дороге едва-едва, издеваясь над ним и изнуря его психику.

— Давай немного быстрее! — сказал он, беря себя в руки и силой разжимая зубы. — Очень медленно!

Водитель продолжал ехать по-прежнему, не реагируя на его слова.

— Поедем побыстрее! — повторил Седов громче. — Мы потратили много времени на вызов. Давай, быстрее!

— Не надо было так долго сидеть у больного, — отозвался водитель, не поворачивая головы.

Стандартные вопросы порождали стандартные ответы, но круг, по которому приходилось двигаться, был настолько неразмыкаем, что, повторившись много раз за годы работы, они тупо повторялись вновь и вновь, и каждый раз с возобновляемым глухим и тоскливым раздражением нужно было проделывать всё тот же путь от начала до конца.

— Мы затратили на вызов столько времени, сколько требовалось, чтобы оказать помощь больному, — сказал Седов, нажимая на каждое слово, старательно загоня интонацию в тот узкий промежуток, где сказанное звучит твёрдо, но ещё не раздражённо, чтобы не вызвать дополнительных реплик и перепалки, которые отнимали сил и нервной энергии больше, чем сама работа.

— Вот это ты и объяснишь, когда приедем, — ответил водитель, продолжая выдерживать ровную интонацию.

Каждое дежурство приходилось работать с новым водителем: наверное, кадры растекались с такой быстротой, что водителей не хватало более чем на считанное количество дежурств по каждой бригаде. В те сутки, когда перепадали в бригаду фельдшера из крайне скудных штатов, они тоже почти никогда не повторялись. Но с упорным, неотвратимым постоянством, и чем дальше, тем более жёстко, повторялись одни и те же диалоги, будто их вели одни и те же лица — забавные и неизменные персонажи комедии масок, день за днём выходящие на разные подмостки, чтобы вновь и вновь повторить самих себя.

Седов выдержал паузу, желая оборвать ненужную склоку, и начал новый цикл, в котором мог быть более реальный результат.

— Вызовов много, и нас ждут больные, — сказал он. — Давай поедем быстрее. Мы едем уже полчаса.

Водителю изменила старательно сохраняемая выдержка.

— Мне плевать на твоих больных, — проронил он сквозь зубы. — Меня дома ждут дети. Мне надо успеть поставить их на ноги. Я повторяю тебе ещё раз: средняя скорость передвижения машины «скорой помощи» по городу — двадцать километров в час. А самый дальний вызов должен отстоять от подстанции не более чем на пять километров.

От постоянной перетасовки в разговорах нормативных цифр, которые ни в какой своей части не выполнялись, потому что нарушение одних автоматически приводило к нарушению других, они для Седова перерастали в нечто более символическое и зловещее,

чем просто цифры и нормы: это было уже варварское оружие для взаимного унижения и подхлестывания тех, кто вращался среди их жерновов, зловещего порабощения человека внушением ему выматывающего чувства вины и неполноценности в условиях раскисшего, расплзающегося миропорядка.

Дальнейший разговор был ясен до отвращения. Водителю предстояло ядовито сетовать на невозможно разбитые дороги, которые не выдержит ни одна фирменная заграничная машина, не то что наши «совдеповские» РАФы; на то, что машина уже развалина, нет в ней ничего целого, и она должна быть списана полтора года назад; что она движется только благодаря тому, что он постоянно покупает за свои деньги запчасти, которых в гараже никогда не бывает. Седову со своей стороны предстояло терпеливо объяснять водителю, который всё это уже множество раз слышал и без него, что существует норматив обслуживания вызовов за сутки для бригад и подстанций, что прекрасно известно: бригад этих катастрофически не хватает и не будет хватать в обозримом будущем, и, значит, нужно сейчас помнить главное: есть единственная служба, которая может помочь нуждающимся, это — «скорая помощь», и мы должны успеть оказать помощь каждому, потому что нам не на кого надеяться: «ни бог, ни царь, ни герой» не сделают дело за нас. Ничто нас не оправдает: ни разбитые дороги, ни отсутствие лекарств, — если будут гибнуть люди, спасение которых в руках нашей службы.

И ни слова больше нельзя было говорить, потому что у водителя уже дрожали руки.

Седов опять выдержал паузу, щадя психику напряжённо работающего рядом человека. Он выждал, пока водитель немного успокоится, и сказал, стараясь модулировать голос так, чтобы в нём не усмотрелось оттенков вызова или ультимативности, но только лишь истина, которую нельзя было не высказать:

— Средняя скорость передвижения та, при которой совесть позволит завтра ночью спокойно спать.

Водитель резко нажал на газ, машина рванулась вперёд, ударила колёсами о дальний край очередной выбоины на асфальте, подпрыгнула, вильнула; водитель сбросил газ, негромко, но жёстко выругался, неотрывно глядя в дорогу впереди, и больше не проронил ни слова, лишь более резко дёргая ручки и педали и круче выкладывая руль на скользких поворотах.

Эфир временно угомонился, и диспетчер вспомнила о них:

— «Блокада» восемьдесят два, «Блокада» восемьдесят два! Доктор Седов, ответьте «восьмой»!

— «Восемьдесят два» на приёме!

— Куда вы запропастились? У меня тут полный завал! Вы обслужили свой вызов?

— Да, обслужил.

— Почему вы не отзываетесь?

— Я звонил, ты сказала подождать.

— Доктор, почему вы так долго на вызове сидели? Вы что, хотите, чтобы я на вас рапорт написала?

— Я не обязан вам отчитываться, как я обслуживаю больных, — сказал Седов, с усилием сохраняя ровный тон. — Если видите повод для написания рапорта, пишите. Большой был тяжёлый. Ни минуты сверх необходимого я на него не потратил.

— Тяжёлых больных надо везти в больницу, а не сидеть с ними... Так. Значит, вы свободны. Пишите вызов.

— Мы едем на подстанцию. У нас нет шприцов.

— ...Шесть месяцев. Высокая температура, без сознания, судороги. Детская бригада на вызове, так что придётся обслужить вам. Повторяю...

Проклятая рация работает только на передачу в одну сторону, и, пока диспетчер не диктует своё, она не услышит ничего.

— ...Записали?

— Нет! Мы едем на подстанцию менять шприцы.

— У вас что, ни одного шприца нет?

— Есть. Но с одним на вызов я не поеду.

— Доктор, придётся на вас всё-таки рапорт написать. Что же, я диктую, а вы молчите?

— Ты мне не дала ответить. Всё. Мы едем на подстанцию.

В диспетчерской сидела фельдшер, молодая девушка, одна из немногих, кто сохранял на этой работе бодрость духа и оптимизм; и разговор с ней, даже, казалось бы, скандальный по смыслу и тону, происходил как бы не всерьёз, полшутя и не оставлял того угнетающего впечатления, какое оставалось от прочих происшествий на работе. И это её редкое здесь, на «скорой», обращение на «вы» было скорее игрой, чем признаком культуры и субординации, но, тем не менее, оно пробуждало в сознании тёплое чувство каких-то остающихся уже в очень отдалённом прошлом человеческих отношений между людьми.

— Ты очень много тратишь шприцов, — сказал Седов фельдшеру, сидящему, закутавшись в шубу, в салоне. — Мы через каждые два вызова катаемся за шприцами.

— Да половина из них негодные, — раздражённо ответил фельдшер. — Я-то тут при чём?

Седов почувствовал, что волна лютой ненависти ко всему и ужаса вновь охватывает его с прежней силой.

— Трать шприцы экономнее, — сказал он с расстановкой и отвернулся.

Не хватало шприцов, не хватало лекарств, не хватало оборудования. Трудно было сказать, чего ещё оставалось в достаточном количестве. Разве что, может быть, только терпения. Но и оно таяло день ото дня, оно уже почти иссякло, его не хватало даже тем, кто в иные времена отличался терпеливостью и покладистостью.

Сегодня утром во время обычного скандала со старшим фельдшером из-за отсутствия лекарств, оборудования, после того, как с привычной жёсткостью Седов высказал ей: «Мы не можем с пустыми руками ехать к больным. Если вы работаете здесь, будьте добры обеспечивать тем, что нам необходимо. Если вам не дают — требуйте. Больной человек не виноват в том, что у нас здесь бардак», — фельдшер вдруг затопала ногой по полу и, сжимая кулаки, закричала страшным голосом: «Идите вон отсюда, чтобы я вас больше никогда не видела! Вы можете понять, что нету?! Или вы уже не люди вообще? Я и так делаю невозможное! Вы же не видите, каких сил мне стоит добиться хотя бы того, что у нас есть!»

Седов попытался сбить тон разговора на более спокойный, но понял, что фельдшер не владеет собой, она сама уже не соображает, что с ней происходит, и каждое его слово подливает и подливает масла в огонь.

Он тихо вышел от неё и потом, стоя под дверью, слышал, как она громко рыдает в своём кабинете. И каждого, кто подходил к двери, упрашивал зайти и сказать ей сочувственное слово.

Желваки у Седова напряглись настолько, что он понял: сейчас он потеряет контроль над своими нервами и в помутнённом сознании начнёт топтать ногами и кричать, как это делала утром старший фельдшер... а скорее всего, дёрнет невозможно, опасно близкую ручку дверцы и выбросится вон из этого отвратительно вибрирующего и колыхающего гося мира, который является частью того дома для умалишённых, что с садистической методичностью раскатывает нервы пребывающих в нём в тугую, плоскую, размождённую лепёшку.

«Немного не дотянули до подстанции, — в отчаянье подумал Седов. — Да скорее же, ты... чтоб тебя!.. Но что же делать?!»

Он тревожно, судорожно засуетился, не находя ни глазам, ни телу никакой опоры, панически и единственно понимая, что сейчас произойдёт нечто страшное.

«Скорее, скорее! — думал он, пытаясь сосредоточиться на своих руках, чтобы хотя бы за что-то зацепилось ускользающее из-под контроля внимание; трясущимися рукам расстегнул сумку, достал флакончик корвалола, отвинтил крышку, рванул зубами и выдернул из горлышка капровую капельницу. — Скорее!»

Спирт обжёг губы, и это помогло ему краешком сознания зацепиться за реальность.

Он на ощупь налил в кружку лекарства и, зажмурившись, глотнул его. Запить было нечем, горло загорелось, от языка до желудка пролегла холодная трасса, но теперь стало немного легче взять себя в руки.

«Так я стану токсикоманом, — подумал он. — Или же потеряю работу и погибну от голода. Скорее всего, и то, и другое вместе».

Он оглянулся на водителя, с невозмутимым видом управляющего машиной, на фельдшера, сидящего с закрытыми глазами. Всё шло по-прежнему, он находился на работе, и надо было её продолжать.

«Хоть бы чаю сейчас попить, — с тоской подумал он. — Минут пятнадцать посидеть спокойно, и чтобы никто тебя не трогал, никому бы дела до тебя не было».

Они уже заезжали во двор подстанции. Сзади загромыхал медицинским ящиком фельдшер, который вовсе не спал.

— Доктор, я сейчас поменяю шприцы, — сказал он. — А на вызов вы поедете без меня. — Почему?

— Я отказываюсь работать в этой машине. Здесь холодно и воняет газами. Я уже отравился, и у меня болит голова. Вообще в такой машине больных возить нельзя.

— Я всё знаю, — сказал Седов. — И диспетчер тоже знает. Я ей напомним ещё раз об этом. Но не думаю, что найдут другую машину.

— Тогда пусть выводит из строя и ремонтирует, — кивнул фельдшер.

Седов сдержал вновь угрожающе пошедшее в рост возбуждение.

— До утра мы доработаем, — произнёс он твёрдо. — А утром будем решать этот вопрос с заведующим и с гаражом. Пока сядешь в кабину, а я посижу в салоне. Всё. Меньшая шприцы — и поехали. Вызовов много.

Они все вместе зашли на подстанцию. Диспетчер с кем-то весело разговаривала по телефону, возбуждённо блестя глазами, поводя бровями и то и дело заливаясь громким смехом. На миг прижав трубку к плечу, она бросила Седову:

— Не уходите, доктор, я вам сейчас вызов выпишу. Могу даже три! Хотите? Нет?

Фельдшеру она просто махнула рукой, показывая, куда сбросить использованные шприцы и где взять новые, и продолжила разговор, одновременно выписывая вызов:

— Да ты её знаешь... Ха-ха-ха!.. Ну да, да! У неё ещё такие большие глаза... Ха-ха!.. Ну да! У меня большая задница, а у неё большие глаза: почти одно и то же! Ха-ха-ха!.. Ну, дорогой, это ты сам должен был проверить... Нет?.. Ха-ха!.. Ну, милый, это тебе только в Казань надо поехать!.. Ну да! Ха-ха-ха!

Седов натянуто улыбнулся вульгарному остроумию девушки. То, что говорилось, было совершенной глупостью, но в беспросветности, которая их всех окружала, даже это могло как-то улучшить настроение.

Пока фельдшер менял шприцы, Седов невольно заглянул в журнал вызовов. Он листал и листал его, а необслуженные вызовы не кончались. Многие были помечены одной или двумя красными чертами. Это был знак крови, знак скорпомощного вызова, на котором больной мог умереть в течение короткого времени, и нужно было ехать к нему в первую очередь. Уже записанного, видимо, хватило бы как минимум на час работы всей подстанции — только вызовов со скорпомощным поводом.

Диспетчер, наконец, положила трубку телефона и набросилась на Седова:

— Вы уже поменяли шприцы? Что же вы мне не говорите? Давайте, быстренько на вызов!

— Выписывай.

— Я даю вам задержанный вызов: сердечный приступ. Езжайте поскорее, потому что уже перезванивали и сказали, что больному стало хуже... Подождите, вот вам ещё путный, там же почти рядом; обслужите после...

— После будет после, — сказал Седов, не дослушивая её. — Я перезвоню, когда мы освободимся. Всё. Мы поехали.

— Вот вы, доктор, упрямый! — добродушно орала вслед диспетчер. — Всё равно же некому его дать; он будет лежать, и всё...

— От того, что ты его дашь мне сейчас, он быстрее не обслужится.

«Какой отвратительный холод, — подумал Седов, выйдя на улицу. Холод пронизывал всё тело, и не было ни свободы, ни времени, чтобы найти от него хоть какое-то укрытие. — А это ведь ещё только начало зимы. Только самое начало».

В фыркающей выхлопной трубой машине никого не было. Седов вернулся на подстанцию и, раздражаясь, прошёлся по комнатам. Водителя он нашёл в столовой. Тот сидел за столом и, сильно дуя на чашку, обжигаясь, пытался глотать горячий чай.

— У нас вызов. К тяжёлому больному, — сказал Седов, стараясь не встречаться с водителем взглядом. — Поехали.

— Что там за повод?

— Сердечный приступ.

— Вызов не скоропомощной. Попью чаю — и поедем.

— Ну что же ты сейчас сел пить чай? — с досадой проговорил Седов. — Ты же знаешь, что нам дают вызов.

— Имею я право раз за сутки попить чаю или нет? Я уже не могу работать от усталости. Ты понимаешь это? Дай мне десять минут передышки!

— Нас ждёт больной, — сказал Седов. — Мы находимся на работе. Допивай чай — и поехали. Я подожду тебя в машине.

— Доктор, — вдруг убеждённо и тихо произнёс водитель. — Ты совсем не считаешь за людей тех, с кем работаешь. Так нельзя делать. Это не по-людски.

Седов вновь выдержал паузу, пережидая раздражение.

— Дело не в том, за кого тебя считаю я, — сказал он с расстановкой. — Дело в том, сумеешь ли ты сам остаться человеком, независимо от условий, в которые тебя ставит жизнь. Надо суметь остаться человеком.

Водитель подавился чаем и закашлялся.

— Всё! — выдохнул он глухо. — Это не работа, а настоящее издевательство. Я не останусь здесь больше ни одного дня. Уйду в кооператив. Буду зарабатывать втрое больше и жить спокойнее. Моих сил уже не хватает работать в этом дурдоме. И пусть он провалится, куда хочет. Мне уже плевать на всё!

Седов, как обычно бывало в таких случаях, окаменел лицом и сказал безнадежно и раздражённо:

— Уходи! Если ты считаешь для себя возможным, иди и занимайся выпуском десятистепенной важности безделушек из того материала, которого не хватает на самое нужное! Иди к тем, кто думает о своём брюхе, когда и так уже некому работать на самых необходимых местах. Иди, разрушай свою страну!

Водитель резко поднялся, подошёл к раковине и выплеснул в неё чай.

— Поехали! — сказал он зло. — Всё. Я выпил свой чай. Спасибо! Поехали!

Он большими шагами загромыхал по коридору в сторону выхода. Седов с тоской посмотрел ему вслед.

Торговля пустотой из экзотического, преступного занятия на глазах превращалась в единственный способ выживания. В условиях ползучего обесценивания труда всё новые и новые люди вливались в когорту тех, кто старался сберечь хотя бы видимость благополучия, перехватывая из чужих рук растекающиеся собственные деньги. Фельдшер продавал очереди в валютном банке, а на работу заявлялся на всякий случай, для того, чтобы не терялся рабочий стаж. Диспетчер ездила в отпуск на юг и, торгуя собственным телом, за месяц успевала накопить больше, чем получала, год работая на «скорой помощи». Недавно она вернулась из поездки за товаром и растрезвонила по подстанции, как в центре Варшавы на базаре встретила заместителя главного врача городской службы «скорой помощи», торгующую нижним бельём отечественного производства.

Седов выглянул в окно. Фельдшера в машине не было. Он подошёл к диспетчеру. Заслышав его, она оторвалась от записей и живо осведомилась:

— Доктор, вы что, до сих пор не поехали на вызов? Вы с ума сошли. Оттуда уже два раза перезванивали. Езжайте скорее!

— Ты не видела моего фельдшера?

Она лукаво посмотрела ему в глаза:

— Доктор, мне положено всё замечать! Ваш фельдшер в каждый ваш заезд ходит в туалет покакать. Ха-ха!

Седов пошёл в туалет.

— Ты здесь?

— Да, а что, нам уже вызов дали?

— Да, конечно. Ты скоро выйдешь?

— Уже скоро. Я заболел. У меня тут понос открылся. Ты же не возишь нас домой обедать, а кормишь в столовых...

Другие бригады, несмотря на запрет, всё равно ездили обедать по домам. Его же бригада оплачивала собственным здоровьем этот запрет.

Седов через день заходил к заведующему подстанцией скандалить по тому или иному поводу. Тот глухо отвечал: «Я всё знаю. Идите, работайте!..»

— Постарайся, пожалуйста, выйти поскорее. У нас тяжёлый больной, — сказал Седов устало.

— Обязательно постараюсь! Там перед нами сидит другая бригада. Пусть они сначала поедут. Я не собираюсь работать за других.

— Может, они без машины. Я выясню сейчас. Выходи. Мы ждём тебя.

Он зашёл в комнату отдыха. Там играли в нарды врач с фельдшером. Партия только началась. Они и не собирались ехать на вызов.

— Ребята, вы с вызовом? — спросил Седов.

— Да, а что?

— Почему вы не едете на вызов?

— У нас водитель пьёт чай.

— Его в столовой уже давно нет.

— Слушай, — со злостью проговорил врач, — какое тебе дело до нашего вызова? Ты что, заведующий подстанцией? Вызов дали мне, и я несу за него ответственность. Я сам решаю, когда мне ехать, и сам буду отвечать, если что-то случится.

Это было цинично и непорядочно. У Седова вновь невольно напряглось всё тело.

— Ты не несёшь ответственности за свой вызов, — сказал он жёстко. — Ты сидишь здесь и не едешь на вызов именно потому, что не несёшь ответственности за него.

Врач слегка покраснел, сжал кулаки, промолчал и сделал очередной ход на доске.

Седов вышел в коридор. Снова начинался приступ панического, бессильного отчаянья.

Он взял кружку, вылил в неё остатки корвалола и выпил. Пустой флакон выкинул в мусорную корзину. Днём флакон этот был ещё полный. «Я погибаю», — с ужасом подумал Седов, судорожно массируя немеющую правую кисть.

Он подошёл к зеркалу и взглянул на себя. Лицо его было восковым, бледным. Глаза запали, и в них видна была только бесконечная усталость, очень сильно напоминающая безумие. Быть может, подтверждая свою фамилию, или просто от тошной этой жизни, но он в свои неполные тридцать лет был наполовину седой.

«Нет, я уже тоже не врач, — подумал он, с оцепенением разглядывая своё отражение в зеркале. — Человека с таким лицом нельзя подпускать к больному. Я бы сам испугался, если бы лечить меня приехал врач с таким лицом... Поташнивает. Наверное, опять поднялось давление».

Прошло шесть долгих, изнуряющих минут, пока вышел фельдшер. Седов дожидаясь его, курсируя по коридору. Они вместе пошли в машину. Немногим ранее уехала другая бригада.

Водитель с места дал газ, и Седов, получше закутавшись в шубу, почувствовал себя спокойнее. Всё-таки они были уже в пути.

Едва они выехали за пределы подстанции, водитель вдруг выругался:

— Вот ещё тварь, сейчас под машину полезет!

Седов выглянул через лобовое стекло. На тёмной дороге, высвеченный фарами, стоял, вытянув руку, парень. Водитель вильнул, объезжая его. Парень отчаянно замахал рукой и что-то закричал.

— Останови; узнаем, чего он хочет, — сказал Седов.

Водитель затормозил.

— Да чего он хочет: напился и теперь нужно добраться домой.

— Мне показалось, он не очень похож на пьяного, — возразил Седов. — Может, кому-то там плохо, на дороге.

— Как скажешь. Дело хозяйское...

Как только машина остановилась, парень открыл дверцу и невидящими глазами заглянул в салон.

— Ребята, довезите меня домой, — попросил он и покачнулся.

Седов с досадой оглянулся на водителя.

— Извини, брат, — сказал он спокойно, но тоном, не допускающим возражения. — Мы не такси, а «скорая помощь». Давай ты сам как-нибудь доберёшься. Мы спешим на вызов. Закрой дверь.

Вцепившиеся в дверцу пальцы обмякли.

— Я вас прошу, довезите меня домой, — ровным голосом повторил парень. — У меня жена умерла. Мне надо съездить к её родственникам и сообщить об этом. Я несколько

ночей не спал. Я в этой больнице раньше не был и сейчас не соображу, куда мне ехать. Пожалуйста, довезите.

Седов не нашёлся, что ответить. Это был действительно не пьяный, это был просто смертельно усталый человек в полушоковом состоянии.

— Садись в машину, — сказал Седов. — Только быстренько. Мы спешим на вызов. Мы довезём тебя до остановки, а там ты уедешь уже на такси.

Парень сел в машину.

Пока они ехали, он продолжал рассказывать монотонно, ни на кого не глядя:

— Она порезала палец и не обратила на это внимания. А у неё потом от этого пошло заражение крови. Мы поздно к врачу обратились, надо было раньше пойти. Она четыре дня в реанимации пролежала... А я там дежурил возле неё... Сегодня сказали, что нужно лекарство, которого нет. Я позвонил родственникам, они достали. Я ездил в другой город, поезд опоздал... Вот сейчас только приехал, привёз лекарство. А она уже умерла.

— Где ты живёшь? — спросил Седов мягко.

— В центре, — махнул рукой парень.

— Ты сможешь добраться домой на такси?

— Смогу.

— А деньги у тебя есть?

— Нет...

Седов порылся в кармане и достал бумажку.

— Прости, братишка. Пожалуйста, прости, — сказал он. — Мы действительно не можем везти тебя домой. Мы спешим на вызов: у нас тяжёлый больной. Постарайся понять нас. Доберись как-нибудь сам. Ладно? Мы тебя на остановке высадим...

Парень кивнул, замолчал, а через некоторое время спросил:

— А как я вам верну деньги?

— Будешь в наших краях, зайди на подстанцию и оставь у диспетчера. Скажи, доктору Седову — они мне передадут.

Парень молчал и сидел, как глыба, неподвижно и беззвучно.

— В конце концов, если забудешь, ничего страшного, — сказал Седов.

Парня высадили на остановке. Пока машина отдалялась, Седов видел, как он стоит на краю пустынной ночной улицы.

— Ничего, доберётся, — сказал он негромко и отвернулся.

Все трое ехали молча, прикоснувшись случайно к чужому большому горю.

Рация, заикнувшись, выдала:

— ...вадцать два года. Пробили голову. Ну, не знаю, доктор, чем. Не задницей же, наверно. Приедете — сами увидите. Записали?

Водитель раздражённо сказал:

— Спрашивается, какого хрена драться в два часа ночи? Нет чтобы по-человечески дома спать!

Он приглушил рацию и включил приёмник.

Однако, веселее не стало. Диктор бесстрастно сообщал:

— Вечернее заседание парламента началось с обсуждения третьей поправки к восемнадцатому пункту пятой статьи закона о...

Водитель резко, с отвращением, крутанул ручку настройки. Здесь передавали последние известия:

— ...явив требования бастующих, председатель стачкома заявил, что предприятия не приступят к работе до тех пор, пока не будут удовлетворены все их требования, как политические, так и...

Водитель ещё раз прокрутил ручку. На этой волне передавали сказку для полуночников. Видимо, предназначалась она детям, уже проснувшимся на другом краю необъятной страны.

«...Ещё в течение нынешней ночи король с целым народом своим должен переселиться далеко-далеко от здешних мест! Все в отчаянии, все проливают слёзы. Мы несколько столетий жили здесь так счастливо, так покойно!

Алёша бросился целовать маленькие ручки министра. Схватив его за руку, он увидел на ней что-то блестящее, и в то же самое время какой-то необыкновенный звук поразил его слух.

— Что это такое? — спросил он с изумлением.

Министр поднял обе руки вверх, и Алёша увидел, что они были скованы золотой цепью. Он ужаснулся»...

— Сейчас мы поедem мимо заправки, — сказал водитель. — Я заеду, залью бензин.

— А попозже это нельзя сделать?

— Тогда мы потратим больше времени.

— Сколько тебе надо?

— Минут пять.

— Хорошо.

«...За час перед рассветом послышалось ему, что под полом что-то шумит. Он встал с постели, приложил к полу ухо и долго слышал стук маленьких колёс и шум, как будто внизу проходило множество маленьких людей. Между шумом этим слышен был также плач женщин и детей...»

На заправку они затратили ровно четыре минуты. Седов поглядывал на часы каждые десять-пятнадцать секунд. Столько времени отводится на то, чтобы подсчитать пульс у больного. Чуть больше — на то, чтобы измерить у него в критической ситуации артериальное давление. Дальше — уже должна оказываться помощь. Без промедления. Не теля больше ни секунды.

— Если по вызову будут претензии, каждый отвечает за своё время, — сказал Седов, когда водитель вернулся в машину.

Водитель тихо усмехнулся в ответ:

— За время отвечает врач, а мы делаем то, что скажешь ты, — буркнул он.

На это нечего было возразить. Во все времена ответственность лежала на тех, кто был способен её нести.

Асфальтированные улицы закончились; потянулись узкие, тёмные улочки, плохо освещённые нечастыми фонарями. Седову стало немного спокойнее, он откинулся на спинку кресла и вздохнул: через несколько минут они должны быть на месте.

Но уже почти на подъезде к адресу водитель неожиданно свернул на другую улицу.

— Что случилось? — спросил Седов, подаваясь вперёд.

— Там позавчера перекопали, не проехать; ребята пробовали, по смене передали.

Седов кивнул.

С первыми серьёзными морозами под землёй лопнула магистральная труба водопровода. Тысячи тонн воды потекли под уклон, на ходу замерзая. За двое суток не только верхняя, но и нижняя улица стала непроходимой.

Машина свернула на неё и затряслась по бугристой наледи. Вскоре она совсем остановилась. Впереди, насколько хватало света фар, высились полуметровые ледяные торосы, которые не то что машина — и пеший не смог бы одолеть.

Водитель выругался. Выглядывая в зеркало заднего вида, он осторожно съехал обратно с ледника и развернул машину.

— Давай пойдём пешком, — сказал Седов, приподнимаясь с места.

— Сидите, я подвезу ближе. — Водитель выехал на улицу и завернул в арку под домом. — Здесь внутри квартала есть сквозная дорога, я по ней раньше проезжал.

Машина завилыла по извилистому узкому пути между домами, выхватывая из темноты подъезды и ряды заиндевевших кустов.

За очередным поворотом в паре десятков метров от машины внезапно из темноты блеснули фары. Водитель резко нажал на тормоз. Машина проскользила юзом и остановилась.

Впереди, в узком проёме, закрывая проезд, стоял легковой автомобиль с выключенными фарами. Они присмотрелись. Мотор в машине тихо работал, и за рулём, похоже, кто-то сидел.

— Что он сидит? Он что, не видит? — с недоумением спросил Седов. — Посигналь ему!..

— Сигналь нельзя, люди спят.

Водитель несколько раз переключил фары с ближнего на дальний свет.

Ничего не изменилось. Машина продолжала неподвижно стоять. Секунды уходили.

— Помогай ещё, — нетерпеливо сказал Седов. — Пьяный, что ли? Или спит?

— Да нет, вроде шевелится.

— Что же он не уезжает?

Водитель включил верхний фонарь и, повернув его, осветил кабину легковушки.

Стало отчётливо видно, что там сидит мужчина, немного нагнувшись к рулю. Сидит, вяло поглядывает в сторону «скорой» и не уезжает.

— Да что же с ним такое? Начальство, что ли, какое ждёт посреди ночи? Я выйду сейчас, спрошу...

Седов открыл дверцу, спрыгнул с подножки и направился к автомобилю. Заметив его, мужчина за рулём наконец задвинулся, выпрямился, и тут с его колен, отворачивая лицо, поднялась женщина. После этого мужчина лениво включил скорость, и машина, обогнув «скорую», исчезла сзади неё, в темноте.

Дорога была свободна. Они поехали.

Все трое молчали. Лишь выехав за пределы квартала, на дорогу, водитель усмехнулся:

— Перебили людям кайф!..

Фельдшер немедленно тихо хихикнул:

— Да-а, кайф людям перебили капитально!

И оставшиеся две минуты, пока они ехали на место, то водитель, то фельдшер продолжали тихо фыркать.

— Ну всё, дальше дороги нет, придётся идти пешком. — Водитель остановил машину и заглушил мотор. — Тут уже рядом: вон он, этот дом.

— Я знаю. Хорошо. — Седов выскочил из салона.

Фельдшер медлил, и Седов нетерпеливо открыл дверцу:

— Бери кислород, и пошли.

— Я что-то плохо себя чувствую; наверное, температура. Может, кислород не брать? — Фельдшер вяло выскользнул из кабины. Он в самом деле выглядел неважно.

Седов сунулся в салон и вылез обратно:

— Пошли, я взял, — сказал он. — Как приедем на подстанцию, я оставлю тебя, полежишь немного.

Пока ехали, руку почти отпустило. Он повесил наркозный аппарат, которым приходилось пользоваться за отсутствием кислородного, себе на плечо и пошёл быстрым шагом вперёд. Фельдшер стал отставать, и Седов перехватил у него ящик с медикаментами.

Вскоре их догнала женщина.

— Вы к нам, наверное, — сказала она, принаравливаясь к их торопливому шагу, и назвала адрес.

— Да, к вам, — подтвердил Седов.

— Слава богу, — сказала женщина. — Насилу вас дождались, доктор. Как долго всё-таки приходится ждать, это какой-то ужас. Вызовов много?

— Много, — сказал Седов. — Что у вас случилось? Расскажите.

— Сама не знаю, доктор. Весь мокрый; говорит, нечем дышать. Что-то он совсем плохой, я уже боюсь... Всё хуже и хуже, прямо на глазах.

— Раньше было такое?

— Никогда не было.

— Сколько ему лет?

— Сорок восемь.

— Когда ему стало плохо?

— Он с работы пришёл уже какой-то не такой. Но сначала молчал. А потом, видно, сильно прижало: смотрю, он лекарство пьёт. Я ему: «Что, сердце болит?..»

— Он болеет у вас сердцем?

— Раньше не болел, но три месяца назад у него были приступы, он лежал в больнице. Признали предынфарктное состояние...

— Мне, наверное, придётся его в больницу забрать; так что, будьте готовы, — сказал Седов.

— Ох, доктор, я уже на всё согласна. Если нужно будет, забирайте, не слушайте его. Он старается от этих больниц и поликлиник подальше быть: везде очереди, толкотня; говорит, от этого только хуже становится. Он на работе весь извёлся: у них там сейчас одно недоразумение за другим. Только на нервах всё держится...

— Когда он стал задыхаться?

Женщина подняла к глазам руку с часами.

— Примерно с час, даже больше будет. Я сейчас ходила, звонила снова к вам. Тут у нас возле дома два автомата, но в обоих трубки срезаны, и приходится бегать за два квартала, чтобы позвонить.

Они зашли в подъезд.

— Лифт работает?

— Нет. Отключают на ночь. Придётся пешком подниматься. Вы уж извините...

— Ничего. Сколько ждали «скорую»?

— Уже больше трёх часов.

— Что он принимал за это время?

— Нитроглицерин, больше ничего.

Женщина спешила впереди, показывая, где нужно не оступиться на тёмных пролётах лестницы. Причёска сбилась набок, на плечи было накинуто пальто, даже не застёгнуто. Седову больше всего хотелось, чтобы случилось чудо, и они не опоздали. Фельдшер отстал этажа на два, и Седов подумал, что, пока фельдшер доберётся до квартиры, сам он как раз успеет разобраться с больным.

Где-то наверху открылась дверь, и мужской голос позвал:

— Сюда, сюда идите!

— Сынок, спустись, помоги доктору донести аппараты.

По ступенькам сбежал вниз парень немного моложе Седова.

— Как он? — спросила женщина с тревогой.

— Совсем плохой, — почти шёпотом ответил сын.

Он схватил наркозный аппарат и ящик, и Седов налегке поспешил наверх.

То, что дело плохо, он понял окончательно уже на лестничной площадке, потому что даже здесь было слышно, как дышит больной.

— Оставьте дверь открытой, чтобы фельдшер нашёл квартиру, и сами идите за мной, — скомандовал он и быстро пошёл на звук в дальней комнате.

Больной сидел на кровати, цепко держась за матрас, и широко открытым ртом судорожно хватал воздух. Он был смертельно бледен, по рукам и по голому телу струями текла вода, как будто он находился под ливнем. Только глаза оставались живыми человеческими на его лице. С огромной надеждой они смотрели на Седова.

— Ну всё, роденький, слава богу, доктор уже здесь. Сейчас он тебе поможет, — сказала жена, бросаясь в ужасе к нему.

Больной ещё дышал, но его уже невозможно было спасти.

— Здравствуйте, — сказал Седов. — Что случилось?

Он наматывал манжетку тонометра на плечо больного, одновременно нащупывая пульс и втыкая в уши бранши фонендоскопа.

— Кажется... умираю... — через вдох одними губами ответил больной.

— Сердце сейчас болит?

Больной кивнул.

Седов слушал, как в лёгких, уже затихая, кипит вода, и отрывисто командовал:

— Наберите в тазик горячей воды и принесите сюда. Пожалуйста, быстро! А ты найди ремни или пояса, что-нибудь, чем можно перетянуть другую ногу и руки, как я перетянул жгутом вот эту ногу. Пожалуйста, быстро! В доме есть ещё кто-нибудь?

— Только бабушка. Но она старая, плохо слышит и вообще заговаривается иногда...

— Понятно. Всё, мой фельдшер уже подошёл.

Седов протянул фельдшеру ампулу морфия, а сам стал прищёлкивать трубку к наркозному аппарату.

— Набирай, — сказал он отрывисто. — И дальше по схеме. Давай, быстро. Я вхожу в вену, а ты набираешь. Поехали. Жгутов больше нет?

— Нет.

— Антифомсилан есть?

— Нет.

— Хорошо, я взял спирт. Набирай морфий.

Фельдшер слегка наклонился к уху Седова.

— Доктор, давай не будем на него зря морфий тратить. Он всё равно сейчас коней двинет, — вполголоса проговорил он.

Седов осторожно оглянулся на больного и увидел, что глаза его стали круглыми от ужаса.

Седову удалось не выдать ни одним движением эмоций, которые его захлестнули. Он сделал маленькую паузу, включая кислород, приставил ко рту больного маску и ровно, ровнее, чем говорил до этого, сказал:

— Подышите кислородом; сейчас потихоньку раздышитесь, я добавил туда спирта. Вам сейчас будет легче.

Потом в той мере спокойно, в какой достаточно было, чтобы усомниться в существовании предшествующих слов фельдшера, он произнёс, не оборачиваясь:

— Ты набрал? Я уже вхожу в вену. Давай шприц.

Шприц был из той же серии отвратительного оборудования, которое будто бы специально было предназначено, чтобы предавать в сложный момент. Шприц с прогоревшей прокладкой слил почти половину лекарства сзади.

— Вам не лучше? — спросил Седов. Ему нужен был не столько ответ, сколько контакт с больным. То, что ему не лучше, было видно и без вопросов.

Больной помотал головой, оторвал и отбросил маску от лица в сторону:

— Не могу, доктор, не могу уже больше! — с отчаяньем выхрипел он. — Совсем нечем дышать!

— Нужно, нужно дышать. Старайтесь делать как можно глубже вдох. Это ваше спасение. Сейчас вам станет легче, потерпите.

— Прижми маску крепко к его лицу, чтобы он дышал только кислородом, — сказал Седов сыну больного.

Парень послушно сделал, что ему велели.

Больной что-то мычал в маску, отчаянно мотал головой.

Седов, навалившись локтем на вырывающуюся руку, вводил лекарство.

— Ой, ой, смотрите, доктор, что это с ним, он синеет весь! — вскрикнула жена.

— Убери маску, — сказал Седов. — Убери. И сам отойди в сторону. Кислород уже не нужен. Уведи маму в другую комнату.

Глаза больного закатились. Грудь делала судорожные движения, но не могла вдохнуть воздуха. Лицо его в одно мгновение налилось сливовой сероватой синевой. И вдруг из открытого рта фонтаном хлынула кровавая пена. Больной тронулся с места и стал медленно заваливаться вбок.

— Что вы с ним сделали?! — закричала жена. — Какое вы ему лекарство ввели? Что с ним такое?

— Уведи мать в другую комнату! — тоже почти закричал Седов на сына.

Перепуганный парень вытолкнул сопротивляющуюся мать из комнаты.

Седов послушал — сердце безмолвствовало. Больной умер.

Нечем было отсасывать транссудат. Не было аппарата искусственного дыхания. Не было интубационного набора. Не было дефибриллятора. Трахеотомия? Абсурд. Какая тут реанимация...

— Помогите мне уложить его, — сказал Седов фельдшеру.

Они вытянули больного вдоль кровати, как положено, головой на подушку. Розовая пена продолжала потихоньку сочиться от угла синих, мёртвых губ.

Седов быстро собрал аппаратуру, потом подозвал сына, чтобы записать паспортные данные больного.

Парень опасливо зашёл в комнату и, с какой-то не до конца потерянной надеждой поглядывая на труп, спросил:

— Что с ним? Он уже... умер, да?

— Да, он умер, — ответил Седов.

Парень почти беззвучно заплакал, не находя сил оторвать взгляд от мёртвого отца.

Хозяйка квартиры ворвалась вслед за сыном и, как безумная, стала ходить по комнате, громко, с ненавистью повторяя:

— Убийцы! Убийцы! Когда вы приехали, он был ещё жив! Что вы с ним сделали? Что вы ему ввели? Это вы его убили! Убийцы! Зачем я только вызвала эту «скорую»! Мой муж был бы сейчас жив!

— Постарайтесь успокоиться и взять себя в руки, — безнадежно проговорил Седов.

Делая усилие, чтобы не слышать её проклятий, он записывал то, что, плача, диктовал ему сын.

— Отчего же он умер? — спросил парень. — Он утром ещё был здоров!

Седов, подавив вздох, посмотрел на парня, пытаясь понять, достаточно ли он сейчас в себе, чтобы услышать хотя бы минимум его объяснений и рекомендаций.

— У него было очень слабое сердце, — сказал он. — Когда мы приехали, уже ничем нельзя было помочь. Мы сделали всё, что можно. Пустые ампулы мы вам оставили; если есть какие-то сомнения, покажите их, кому посчитаете нужным. Маме сейчас это не пытайся объяснять. У вас есть какие-нибудь успокаивающие лекарства? Когда она немного придёт в себя, дай ей выпить таблетку. Завтра сходите в поликлинику и возьмите справку.

Когда они уходили, из кухни шагнула всё время до этого сидевшая там старушка. Старомодно и немного кокетливо покачивая головой, она спросила:

— Ну что, доктор, вы уже вылечили моего сыночка?

— Вам скажут, — прокричал Седов ей на ухо.

Она улыбнулась ему благодарно и смущённо и вдруг, приложив руку к сердцу, склонилась в низком поклоне:

— Спасибо вам, доктор, за вашу очень скорую помощь!..

Седов догнал фельдшера уже на улице.

— Почему ты опять не проверил шприц? — сказал он, играя желваками.

— Я проверял его.

— Значит, плохо проверил.

— Ты же сам сказал: быстро.

— Но это не значит, что надо использовать бракованный шприц.

— А, доктор! Не бери в голову. Пусть сами дают нормальные. С него бы всё равно толку не было.

У Седова руки сжались в кулаки.

— Ты простой фельдшер, — сказал он, выверяя интонацию. — Ты всего лишь фельдшер. Какое ты имеешь право решать, жить человеку или нет? Ты должен делать всё, что в твоих силах, и дай бог тебе после этого не сойти с ума от своего бессилия в том, в чём нет твоей вины. Тебе доверено самое ценное на свете — человеческая жизнь. Ты же человек, в конце концов, а не бездушная скотина!

— Надо было вовремя вызвать «скорую», и он бы давно уже был в больнице.

— Надо было нам приехать на пять минут раньше, и мы бы смогли его вытянуть.

Они влезли в холодную машину и разбудили дремлющего на руле водителя.

— «Блокада» восемь, «Блокада» восемь!

— Кто меня спрашивает?

— Доктор Седов свободен.

— Быстро вы освободились. Что, не вызывали?

— Нет, труп.

— До «скорой»?

— В нашем присутствии.

— Постарались, доктор!

— Да, постарались.

— Будете писать вызов?

— Диктуй.

Валерий Калмацуй
г. Новочеркасск
Ростовской области
Первое место в номинации «Поэзия»

У костра

То разгорится, то затихнет –
Себя упрячет в угольки,
То на мгновение снова вспыхнет,
Раскрыв пугливые зрачки.

Прохладный ветер налетает,
Как ястреб машет в два крыла...
Костёр горит, и мне хватает
Его блаженного тепла.

Речные поймы мглой набухли, –
Пора бы спать. Но я не сплю:
Как быстро гаснущие угли,
Воспоминанья шевелю.

Все дни, все памятные сроки
Хочу вторично пережить.
И о любви простые строки
Здесь, у костра, в тиши сложить...

Валерий Жердев
г. Ростов-на-Дону
Первое место в номинации
«Публицистика»

«Подпольщик»
из Мёдона

Эссе

Я — вольный путешественник, и в моих путешествиях по миру были у меня моменты, когда я говорил сам себе: «Вот я здесь, а они там, и вижу то, что они никогда не увидят; слышу то, что они никогда не услышат; чувствую то, что они никогда не почувствуют». Они — это люди, которым немного не повезло в этой жизни; они, быть может, и хотели бы увидеть бьющий в берег океанский прибой на Курилах, услышать рык тигра в ночной тиши китайской деревушки, почувствовать дрожь дикого женского тела на Андаманских островах, что в Индийском океане, но не случилось. А мне дикая природа предлагала себя в избытке, и душа моя в тот период времени трепетала от восторга.

Набродившись, я стал стремиться назад к этим людям, к мирской суете, к концертным залам, наполненными прелестными звуками, к разодетой благоухающей публике, внимающей им. И почему-то олицетворением такой блестящей жизни был для меня Париж. Именно Париж, а не помпезная Вена, имперский Берлин, Белград — белый город, и даже не красавица Варшава или Злата Прага. И когда я очутился в Париже, то увидел, услышал, почувствовал не только воображаемое мною в глубине джунглей или на просторах саванны, но и то, что сидело во мне, но не находило выхода... Слова восторга! Париж, Париж, Париж!..

И если для кого-то Париж просто привычное местообитание, то это не ко мне. Так что же захватило мою душу? И почему моя жизнь после Парижа как будто завершила свой очередной виток, чтобы начаться не только снова, но и по-другому?

Париж входил в меня постепенно, с каждым домом, улицей, площадью, связанными с моей памятью и с теплотой вызванных ими чувств. — В этом доме жила «дама с камелиями», Дюма-сын приходил сюда, около этих стен по воле Дюма-отца дрались на шпагах гвардейцы кардинала Ришелье с мушкетёрами короля, и среди них д'Артаньян. А вот дом по улице Оршан под номером 75а, в котором на четвёртом этаже жил бухгалтер Дютыйэль, «человек, проходящий сквозь стену». А вот и он сам, вернее, не он, а его рука и его нога, выступающие из серой стены, и эту руку можно пожать и сказать: «Молодец, здорово ты наказал своего самодура-начальника». А улица Виктора Гюго выходит на площадь со слонном, в животе которого жил юный коммунарь, оборванец Гаврош с девочками-сиротками. И над всем городом возвышается собор Парижской Богоматери, Нотр-Дам де Пари, с прячущимся за колоннами Квазимодо, страдающим горбуном с чистой душой ребёнка.

А где улица Пасси, на которой жил Иван Бунин? Да вот же она — с кондитерской Коклена на ней. Здесь он угощал Ирину Одоевцеву эклерами, рецепт которых не изменился за сто пятьдесят лет. Ту самую Одоевцеву, помните?

*Ни Гумилёв, ни злая пресса
 Не назовут меня талантом.
 Я — маленькая поэтесса
 С огромным бантом.*

Когда поэтесса, желая оказать ему ответную любезность, позвала его на Елисейские поля: «Там так прелестно цветут каштаны», — он ей ответил: «Я бы все эти проклятые каштаны с их похоронными свечами вырубил велел. Ненавижу их. Вы бы для развле-

чения посоветовали мне прогулку в морг». Бунин очень боялся смерти. А в транзисторном приёмнике, с которым я никогда не расstaюсь — он служит мне ниточкой, соединяющей мои временные приюты с большими городами, — зазвучал голос Марка Бернеса:

*Задумчивый голос Монтана
Звучит на короткой волне,
И ветки каштанов, цветущих каштанов
В окно заглянули ко мне.*

И у меня уже другое настроение, под статью парижской весне.

Совсем рядом Эйфелева башня, против возведения которой возражал Ги де Мопассан, любивший потом обедать в ресторане той же башни, говоря при этом: «Хоть здесь я не вижу этого чёртова сооружения». По дороге на Монмартр, где как будто и сейчас живут Ренуар и Сезанн, Эдуард Мане и Клод Моне, совсем маленькая площадь Жана Марэ, а рядом площадь Далиды. — Какая красивая женщина и какая трагическая судьба... Но как быстро отзывается Париж на людей, приносящих ему славу! «Гранд-опера» со зрителями на ступеньках перед ней, и около неё — площадь Сергея Дягилева, творца русских театральных сезонов. И мне, русскому человеку, дорога эта французская память. А где театр Жерара Филипа, моего любимого Фанфан-Тюльпана?

Полно в Париже ресторанчиков, в которых можно видеть людей, читающих газеты, а чаще — смотрящих в ноутбуки, и их никто не гонит. И веришь, что Анатолий Франс над «Островом пингвинов» работал в кафе за своим любимым столиком у большого окна и парижане, спешащие по делам, могли видеть склонённого над рукописью писателя. И его никто не смел беспокоить.

Вечером меня поразил интеллигентного вида человек в очках, аккуратно постеливший газеты на мостовую перед ярко освещённой витриной магазина, а потом улётшийся на них с дорожной сумкой под головой и открывший книгу. Пошёл дождь. Ну и что? Человек достал из сумки полиэтилен и завернулся в него. Я и сам так делал, когда лень было таскать с собой спальник. Правда, это было в пустынных уголках природы. Но при хорошем воображении можно представить себе посередине Парижа, что ты под тропическим ливнем. К тому же шелест полиэтилена отпугивает диких животных, только и думающих, как бы тебя сожрать. В Париже века и пространства слетались в голову, и трудно было различать, где реальная жизнь, а где выдуманная и тобой, и давно почившими писателями, связывающая время в одну тугую нить.

Мне повезло знакомством с живым поэтом, почти классиком, Василием Бетаки, живущим во Франции уже почти сорок лет. Случай свёл меня с ним в Мёдоне — маленьком французском городке, расположенном где-то посередине между Парижем и Версалем. Он в разговоре со мной называл себя подпольщиком, потому что через него, когда он ещё жил в Ленинграде, шла эмигрантская литература в Советский Союз, в том числе и в наш город на Дону. Работа эта была очень опасная, подпольная, и просто можно было угодить в «психушку». А это в то время было не что иное, как обозначение тюрьмы КГБ, его 9-го управления, отвечающего за борьбу с инакомыслием и инакомыслящими. Я сам, помнится, читал перепечатанный на папиросной бумаге «Раковый корпус» и «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, не особенно задумываясь о последствиях. И только когда до меня донеслись слухи — я в то время уже служил в армии, — что моего бывшего однокурсника Генку Фридмана за чтение запрещённых книг исключили из партии, выгнали из университета и чуть ли не посадили, а может и посадили, то я понял, что рисковал и свободой, и своим будущим. И мой товарищ Серёжка, давший мне почитать на одну ночь запрещённые книги, перевернувшие моё сознание, но тем не менее, как и его, не отвратившие от родной страны, тоже рисковал. И вот теперь я смотрел во все глаза на Василия Павловича, резкого в движениях, несмотря на свой восьмидесятилетний возраст, с длинными седыми волосами, спадающими на плечи, делавшими его похожим на поэта Андрея Белого, и думал: «Вот из-за кого так сильно пострадал Гена, да, наверно, и не только он один». И вопрошал мысленно: «А как же жили вы, Василий Павлович, с тех пор, как покинули Советский Союз сорок лет тому назад, оказавшись сначала в Риме, а затем и во Франции? Этот путь проделывали многие до вас и после вас, и не обязательно Франция была последним пристанищем несогласных. Был и Израиль, была и Америка. Кому как везло. А вот вам повезло на блистательный Париж».

Василий Павлович, опережая мой вопрос, ответил: «Я об этом написал в своей книге: «Опять Казанова». Казанова и этот старец? А почему нет?»

Элегантным Парижем в его обшарпанной эмигрантской мёдонской кварти-ре, с держащимися на хлипких проводах электровыключателями и розетками, и не пахло. Пахло собачьей шерстью и кошками... А вот и животные вышли встречать гостя. Старый-престарый сенбернар с доброй мокрой мордой и огромный серый кот где-то в метр длиной, не давший себя погладить. К запахам я со временем привык и не обращал на них внимания, да и хозяин оказался чрезвычайно занимателен и интересен и по-русски хлебосолоен.

В комнате, куда он меня завёл, уже был накрыт большой полукруглый стол. Чего только на нём не было! Французское красное вино, напоминающее по вкусу наш «Чёрный лекарь», французский паштет и французская ветчина, французский сыр с большими дырками, оливки. И даже польские колбаски от варшавских друзей. Благоухало блюдо из баклажанов, напоминавшее наше соте и имевшее незнакомое французское название. Устриц и лягушек не было. «Хотите? — спросил хозяин. — Сейчас закажем». Я не хотел. И началась светская беседа.

— А вот на вашем стуле любил сидеть Андрей Синявский.

— Как? Тот самый? Из политического процесса шестидесятых Даниэля — Синявского?

— Тот самый. Жена его Маша недавно была у меня. Она часто бывает после смерти мужа.

Где я оказался? В «гнезде бывших врагов Советской власти». Как всё изменилось! И не враги они были, как оказалось, а борцы. За нашу свободу. И своего добились. Поэтому я и разъезжаю по всему миру, а не сижу за «железным занавесом». Не таким я представлял себе антисоветчика. Вполне приличный с виду господин. Правда, каждое слово перемежает матерщиной. Но, наверно, он думает, что русский человек не может без мата. А что, не очень он далёк от истины.

— Так как вы жили, Василий Павлович, когда оказались на Западе?

И оказалось, что Василий Павлович жил очень даже неплохо. Занимался творческой работой на радиостанции «Европа», то есть был тем самым «вражьем» голосом, вещавшим на бывшую родину.

— Но я грубой антисоветчиной не занимался. Ведь я, если вы знаете, поэт; переводил стихи Эдгара По ещё в Советском Союзе, мои переводы были признаны лучшими. Вот вы фантастику издаёте, а я переводил стихи американского фантаста Хайнлайна к его рассказу «Зелёные холмы Земли», сочинял стихи к сценарию «Туманность Андромеды» Ефремова.

И он прочитал по памяти, ни разу не запнувшись, своё космически-философское стихотворение, в котором земные космонавты развели костёр на чужой планете, на берегу чужой реки варили уху из чужих рыб и мечтали о доме. И забрали мою душу слова поэта и с трудом отпустили.

— Пусть ваши композиторы напишут к ним космическую музыку.

Потом опять перешёл на свою тему:

— Я знакомил советских радиослушателей с произведениями их же писателей, с тем же «Доктором Живаго». А помните пастернаковское: «Я весь мир заставил плакать над красой земли своей»? И тут же я читал в микрофон письма рабочих и крестьян: мы, мол, не читали и не будем читать этот антисоветский бред, мы знаем, что так мог написать только враг Советского государства.

Да, это был в чём-то даже монолог героя.

— Василий Павлович, а чем вы ещё занимались?

— А этого мало, что ли? — Тут он резво вскочил и чуть ли не побежал в коридор, к висящим на стене полкам с какими-то книжками в мягких обложках белого цвета. Это было не что иное, как номера журнала «Континент», к которому у нас по идеологическим лекалам воспитывали чувство брезгливости, преуспев в этом. Было ещё пугающее словосочетание НТС, то есть Народно-трудовой союз, и одиозный журнал «Посев».

— Я входил в редколлегию «Континента», мы печатали Аксёнова, Солженицына, Войновича, других запрещённых писателей, и через меня, как и в Ленинграде, шла поставка журнала в Союз. Разными путями. И дипломатической почтой, и через моряков, через водителей-дальнобойщиков, туристов тоже не забывали.

— И брали? Не боялись?

— С моряками и «водилами» были налаженные связи, с туристами труднее. Гнали они нас, называли предателями. Зашоренные были очень.

И я вспомнил приятельницу мамы Елену Николаевну, ездившую в восьмидесятых годах в морской круиз вокруг Европы, и её рассказ, как к ней пристал в ресторане быстрого питания то ли в Марселе, то ли ещё где черноволосый человек, говоривший по-русски и представлявший потомком русских дворян. Она еле от него отделалась, а потом в каюте в сумке обнаружила — «Представляешь, Валька? — антисоветский журнал «Континент», так я, не читая, выбросила его за борт». — «Тяжёлый хлеб, — подумал я, — был у Василия Павловича».

Потом Бетаки тоже ударился в воспоминания. Оказывается, он знал и живую Ирину Одоевцеву, и живого Виктора Некрасова, и живого Александра Галича, и живого Льва Круглого, запавших мне в душу ещё в Советском Союзе. С писателем Некрасовым он любил прогуливаться по бульвару Сен-Мишель в Латинском квартале, заходя по дороге во все кафе пропустить по стаканчику французского вина, в том числе и в то кафе, в котором любил сживать Хемингуэй, когда у него были деньги. В тридцатые годы «папа Хэм» был совсем не богат.

Одоевцевой Василий Павлович посвятил скабрёзные стихи, которые Ирина Густавовна милостиво приняла: «Что взять с матерщинника?»

*Она спала когда-то с Гумилёвым,
Но всё не вечно — он давно в аду.
Потом случилась встреча с Ивановым,
Но дама бредит наважденьем новым:
В историю войти через... (калитку).*

Как Одоевцевой не бытъ снисходительной к Бетаки, когда она сама привела ему рассказ Бунина о Куприне: «Куприн ругался виртуозно. Как-то пришёл он ко мне. Выпили, закусили. Вера Николаевна гостеприимная очень. Он за третьей рюмкой спрашивает: «Дамы-то у тебя приучены?» Отвечаю: «Приучены. Валяй!» Ну и пошёл. Гениально ругался. Талант и тут проявлялся. Самородок. Я ему даже позавидовал».

Бетаки ругался попроще. Да и не это главное. Какие замечательные стихи он написал о бульваре Сен-Мишель в жёлтых тонах! «Как только закат натолкнётся с разгона / На арки мостов и облизет бульвары, / Подтёкшую славу со стен Пантеона / Смывают весёлые жёлтые фары».

А его дружба (или знакомство) с Александром Галичем совсем меня с ним примирила. Ах, если бы весёлый матерщинник пришёл раньше к поэту, может быть, и не случилась бы такая нелепая смерть. А я помню, какие странные песни звучали в дни моей юности:

*Облака плывут, облака,
Не спеша плывут, как в кино.
А я цыплёнка ем табака,
Я коньячку принял полкило.*

А ведь мы привыкли к таким: «Наш паровоз, вперёд лети, / В коммуне остановка. / Другого нет у нас пути, / В руках у нас винтовка». Василий Павлович похоронил в Париже и Льва Круглого из «Шумного дня», кинофильма моего детства. И ещё многое он рассказывал. Хотел я задать ему ещё один вопрос, но не задал. А не жалко ли ему Генку Фридмана? Не спросил, потому что знал, по крайней мере, два варианта ответа. Первый: «Это некорректный вопрос». Второй: «За свободу нужно платить». Первый и второй, перемежающиеся матом.

Расстался я с Василием Павловичем хорошо, ибо «не судите, да не судимы будете». Правда, потом возникло одно «но».

Дома я прочитал прозаическую книгу Василия Павловича, после чтения которой мне захотелось вымыть руки. Как он мог такое написать? Да, не самые лучшие представители рода человеческого боролись за нашу свободу и добились своего. Впрочем, и Марина Цветаева, снимавшая одно время квартиру в том же Мёдоне, не отличалась нравственной чистотой, но, тем не менее, осталась в памяти русской великим поэтом.

Вот так и я тоже оказался вовлечён в это кружение времени. Есть расхожее выражение: «Увидеть Париж и умереть». Нет, умирать я пока не буду. Просто у меня будет теперь иная жизнь. Париж вмешался в будущую мою судьбу. Какая она будет — не знаю. Но верю, что великолепная. Париж опять ждёт меня, но уже без Бетаки. Умер Василий Павлович на восемьдесят третьем году жизни. Мир праху его! А непрекращающееся желание спорить, убеждать в правоте своей оценки людей, убеждённых в обратном, осталось.

Татьяна Александрова
г. Миллерово
Ростовской области
Первое место в номинации
«Детская литература»

Новогодняя сказка

Приближался Новый год. Выпал долгожданный снег, и город преобразился. Кругом белым-бело. Особенно радостно детям: наконец-то пришла настоящая зима, можно кататься на санках, на лыжах, играть в снежки.

Вот распахнулись двери школы, и детвора, оставив душевные классы, вырвалась на улицу. А тут! В морозном воздухе летят пушистые снежинки, под ногами хрустит свежий снежок. ... «Ой, как здорово!» — слышатся ребячьи голоса. Замелькали ловко запущенные снежки.

Стайка девчонок лет десяти направилась к автобусной остановке. Из них выделялась одна — крупная, высокая девочка, одетая в белую шубку из натурального меха и такую же пушистую шапочку. Её упитанное, миловидное личико со слегка вздёрнутым носиком выражало некоторую надменность. Она что-то говорила своим спутницам, а потом громким назидательным тоном обратилась к чуть отставшей от группы девочке:

— Смотри, Настька, не опоздай завтра на конкурс! Ты выступишь после меня. Да платье получше надень, не приходи в своих обычных лохмотьях!

Девчонки ехидно засмеялись, поглядывая на ту, которую «белая шубка» назвала Настькой.

Ею была невысокая, худенькая девочка с бледным лицом и большими выразительными глазами. Она была одета в скромную тёмную курточку с капюшоном. Из-под синей вязанной шапочки с белым узором, выбивались кудряшки светлых волос. Ничего не ответив на выпад своей «подруги», она сказала всем «до свидания» и направилась в противоположную от остановки сторону...

«Настенька, Настюша», — так звала девочку любимая бабушка Валя. А больше у Насти никого из родных не было. Да и бабушка была ей не родная. Настя до пяти лет жила в детском доме, оставшись сиротой. А бабушка Валя работала в этом детском доме нянечкой. Настя очень привязалась к ней. И женщина решила оформить опеку над девочкой. Жила бабушка Валя одна, да и возраст был далеко не молодой, потому ей долго не хотели отдавать Настю. Но, в конце концов, нянечке разрешили оформить опеку. Вот уже пять лет Настя живёт у бабушки Вали, и та души в ней не чаёт.

Настенька спешила домой. Ведь сегодня бабушка должна была закончить шить ей новое платье на конкурс песни. Настя будет выступать перед всей школой. Был куплен необыкновенно красивый и дорогой материал, — розовый, с сиреневым отливом.

Настя была одарённым ребёнком. Она училась в музыкальной школе, занималась вокалом, играла на фортепьяно. Бабушка часто говорила Насте: «В будущем тебе это пригодится. Пусть нам на дорогую одежду не хватает, главное — ты учишься!» Училась Настя на «отлично». А уж пела — заслушаешься! Учителя на неё нарадоваться не могли. Вот только девчонки-одноклассницы не очень её любили. Может, потому, что она была девочкой замкнутой. Ни с кем особенно не дружила. А может, ей просто было некогда: музыка, вокал, учёба. Дома бабушке помогать надо. Ни на какие мероприятия с одноклассницами у неё не хватало времени. А девчонки считали её гордячкой. Вот и сегодня Анжела (это та, «белая шубка») её высмеяла, а все хихикали. Это неправда, что Настя ходит в лохмотьях! Просто, Анжелку родители одевают в дорогих бутиках, и то, что куплено на рынке, Анжелка считает лохмотьями.

Ангела тоже отличница, но даётся ей учёба труднее, чем Насте. Она занимается с репетиторами. И также, как Настя, — вокалом и музыкой; но учителя к ней ходят домой — в их большой особняк. У неё очень состоятельные родители. Настя не раз видела, как утром её в школу привозят на дорогой иномарке. И хоть все считали, что это очень круто, Насте было совершенно безразлично, на чём её привозят. Она ей не завидовала, как остальные.

Главное, у Насти есть свой дом. — Пусть это всего лишь однокомнатная бабушкина квартирка. Но её всегда там ждёт любимая бабушка и по утрам всегда печёт вкусненькие блинчики.

Своих родителей Настя вообще не знала. Бабушке, когда она оформляла над Настей опеку, директриса детского дома рассказала странную историю. Настина мама, будучи беременной, ехала в поезде. Неожиданно ей стало плохо. На ближайшей станции её сняли и привезли на «скорой» в роддом их города. Ребенок родился очень слабеньким, врачи не надеялись, что девочка доживёт до утра. Через некоторое время, ошибочно посчитав ребёнка мёртвым, они заявили об этом молодой женщине. Прилетевший срочно муж спешно забрал убитую горем роженицу и увёз её в московскую клинику восстанавливать здоровье... Когда вдруг оказалось, что семимесячный ребёнок выжил, молодой мамы в роддоме уже не было. В суматохе в больничных документах не записали адрес женщины. Было известно только то, что она Эльза Савина. Её пытались разыскать, но всё было безуспешно.

Это всё, что знала Настя со слов бабушки о своей маме. Она и фамилию её носила. А назвали её уже в доме ребёнка. У девочки была мечта, что, когда она вырастет, обязательно найдёт своих родителей.

...Настя шла домой по заснеженному городу. Уже смеркалось. Оживлённый тротуар освещали красочные витрины магазинов. В одной из них стояла большая кукла в длинном, нарядном платье. В её пышных, волнистых волосах красовался огромный розовый бант, на ножках были расшитые бисером туфельки. Она была такая красивая, что Настя, прильнув к витрине, долго не могла отвести от неё глаз. Ей даже показалось, что кукла ей подмигнула.

Настя мечтала о такой кукле, когда была совсем маленькой, но если бы её подарили ей сейчас, она тоже была бы рада. «Наверное, эта кукла очень дорогая, и вряд ли кто подарит мне такую» — вздохнув, с сожалением подумала Настя и, оторвав взгляд от витрины, заспешила дальше.

Вокруг предновогодняя суеда. — Прямо на тротуаре выстроили в ряд ёлки. Шла бойкая торговля. Двери магазинов постоянно распахивались, впуская и выпуская толпы покупателей... На пешеходном переходе дали зелёный свет, Настя быстро стала переходить дорогу, и тут идущая впереди сторбленная старушка упала, прямо ей под ноги. Девочка наклонилась, помогла той встать, затем перевела через дорогу, очистила от снега её пальто. Старушка благодарно ей сказала:

— Ты добрая девочка, счастья тебе, и пусть все твои заветные мечты сбудутся!

— Спасибо, бабушка, и вам здоровья, и всего хорошего! Может, вас проводить домой?

— Нет, нет, не беспокойся, я тут недалеко живу, — отказалась старушка.

Настя помахала ей на прощанье рукой и пошла дальше, подумав про себя: «Такая старенькая и выходит под вечер одна на улицу...» Через некоторое время она обернулась, чтобы посмотреть, благополучно ли бабуля идёт дальше, но не увидела её, — та как будто растворилась в зимних сумерках. Людей в той стороне, куда она пошла, почти не было. Лишь только тихо падающий снег в том месте, куда направилась старушка, вдруг закружился в потоке неожиданно налетевшего сильного ветра, и образовавшийся снежный столп поднялся к небу. «Странно, куда же она делась, — искала глазами её Настя, — Ну, да ладно, может, свернула куда-нибудь», — решила она.

Настя пришла домой. К её удивлению, бабушки дома не было. Возле телефона лежала записка; из неё девочка к своему огорчению узнала, что бабушка находится в больнице. — В последние дни у неё часто побаливало сердце. Она оставила Насте номер телефона больничного отделения. Девочка тут же принялась звонить. Через некоторое время услышала бабушкин голос:

— Настенька, солнышко, не беспокойся, я на пару дней сюда, не больше. К Новому году обязательно приду. Продукты у тебя есть, еды я наготовила. А ко мне не ходи, это далеко. Мне уже гораздо лучше после капельниц. Врачи думали, что инфаркт, но не подтвердилось.

— Бабушка, — кричала взволновано Настя в трубку, — Скажи мне, куда ехать, какая палата?!

— Нет, нет, не вздумай, голубушка моя, я сама скоро буду дома. Вот только платье я тебе дошить не успела к завтрашнему концерту. Может, в другом пойдёшь, в голубеньком? Или сама попробуй дошить: там немного осталось.

Настя не думала сейчас о платье. Ей было очень горько от того, что бабушка в больнице. Видно, уж очень ей стало плохо.

А платье лежало на столе, рядом со швейной машинкой. Оно было всё в наметках, с неподшитым низом. «Ну, что ж, можно попытаться самой дошить его», — подумала Настя. Не хотелось идти на конкурс в прошлогоднем, голубом, она предвидела ехидные взгляды одноклассниц и особенно — Анжелы.

Чтобы как-то уйти от грустных мыслей, занялась уборкой. Подмела, вымыла пол и решила, что можно уже и ёлку нарядить. Ёлку они ставили с бабушкой искусственную, она лежала в кладовке и ждала своего часа, там же были игрушки. Настя так любила наряжать ёлку с бабушкой, но сегодня она сделает это сама. «Бабушка вернётся из больницы, а тут её ёлочка нарядная встретит!» — решила девочка порадовать бабушку. В квартире уже чисто, вот только мусор осталось вынести.

Накинув курточку, она взяла пакет с мусором и вышла в подъезд. Соседская дверь была открыта; сегодня у них было тихо. Видно, закончили свой ремонт; а то стоял такой шум, что у бабушки от него болела голова. Настя заглянула в открытую дверь и ахнула. Какая же красота! Из коридора был виден большой зал: стены его оклеены обоями персикового цвета с позолотой, по периметру потолка светились маленькие лампочки и отражались в его глянцевой поверхности, посередине потолка большая люстра, светлый паркетный пол... Это была четырехкомнатная квартира. Прежние соседи её продали, и кто здесь делал ремонт и собирается вселиться ни Настя, ни бабушка не знали. Только однажды пришёл к ним человек от нового хозяина четырехкомнатной квартиры и предложил бабушке продать им свою однушку. Новые соседи хотели объединить её со своей квартирой. Но бабушка наотрез отказалась переезжать куда-либо. Этот район ей очень нравился, центр всё-таки, да и Настина школа недалеко. Больше бабушку по этому поводу не беспокоили.

Настя несколько секунд любовалась новой квартирой, и уже спускаясь по лестнице, думала: «Вот бы нам с бабушкой тоже отремонтировать свою... Ничего, вырасту, заработаю денег и обязательно отремонтирую», — пообещала она сама себе.

Девочка выбросила мусор и тут заметила стоящий возле мусорного бака большой чёрный пакет, из которого торчала маленькая кукольная ручка. Настя не смогла пройти мимо. «Бедная кукла! Выбросили, наверное, за ненадобностью», — подумала девочка. Она потянула за эту ручку. Из пакета показалась большая кукла с голубыми глазами и застывшей на пластмассовом личике улыбкой. На ней было надето красивое, но порванное и измятое платье. А так — совсем целая кукла, очень симпатичная; конечно, не такая красивая, как та, в витрине, но всё же хорошая кукла... У Насти не было игрушек. Они остались в детском доме. Бабушка ей покупала книги, на игрушки не оставалось денег.

Насте было очень жаль брошенную куклу, и она решила забрать её домой. И тут ей показалось, что из пакета на неё кто-то смотрит. О! Да там ещё игрушки!

Девочка достала из пакета пыльного коричневого мишку, зайца с надорванным ухом и клоуна со смешным лицом. На его клоунском наряде отсутствовали пуговицы, отчего костюмчик распахивался, и видно было его набитое ватой тряпичное тельце. Настя решила забрать всю эту брошенную братию домой. Не встречать же им Новый год на мусорке!..

Она принесла игрушки домой и принялась за работу. Зашила кукле платье, зайцу — ухо, клоуну на костюм — найденные в бабушкиной шкатулке пуговицы. Куклу искупала, причесала пушистые белокурые волосы, а платье её, клоунский костюм и остальных найдёнышей выстирала под краном.

Пока наряжала ёлку, игрушки сушились на батарее. Затем Настя погладила им одежду, нарядила куклу и клоуна во всё чистое и выглаженное.

— Какие же замечательные получились игрушки! — воскликнула Настя, глядя на результат своего труда. Она усадила их возле ёлки. «Вот, теперь мне не так одиноко!» — радостно подумала она. — «Эх, только платье своё я не успела дошить», — огорчилась Настя.

Было уже около полуночи, ей очень хотелось спать, она расстелила постель и легла, укрывшись тёплым одеялом. «Всё-таки придётся завтра выступать в прошлогоднем наряде, — продолжала перед сном горевать Настя. — Ну, ничего, зато у меня теперь есть

кукла!» Она глянула на свою новую «подругу». Та сидела под ёлкой в пышном с оборочками платьице и радостно улыбалась. Насте показалось, что именно ей она улыбается. Девочка улыбнулась кукле в ответ и заснула.

Она, конечно, уже не слышала, как большие настенные часы пробили полночь. В окно сквозь лёгкую занавеску смотрели мерцающие звёзды и яркий месяц... И вдруг игрушки стали оживать. Кукла захлопала длинными ресницами, поднялась с пола и стала теревить мишку:

— Вставай, соня!

Клоун и заяц уже прыгали под ёлкой.

— Ура! Мы в тепле, у нас тоже будет новогодний праздник, — радовались они.

— Какой я чистенький, аккуратненький, — разглядывал себя довольный клоун.

— Да тише, вы, — попыталась успокоить их кукла. — Пора за дело!

Игрушки подошли к кукле, и она повела их к столу, на котором стояла швейная машинка и лежало недошитое Настино платье.

— Мы должны закончить её праздничное платье, чтобы она завтра была в нём на школьном празднике, — сказала строго кукла.

Ловкими маленькими ручками кукла принялась подшивать низ платья, клоун и зверушки выбирали наметку. Работа кипела. Через некоторое время платье было готово. И даже выглажено. Они аккуратно повесили его на спинку стула и запрыгали от радости — платье получилось очень красивым.

— Вот девочка обрадуется! — воскликнул клоун. — Люблю, когда дети радуются и смеются!

— Она очень добрая девочка! Если бы не она, встречали бы мы Новый год на помойке, — заключил мишка.

Между тем, небо за окном начало светлеть. Игрушки расположились под ёлкой и замерли.

Настенька так сладко спала, что, конечно, не слышала всей этой возни. Разбудил её звонок телефона в прихожей. Настя быстро поднялась и побежала туда. Звонила бабушка:

— Как ты там, внученька?! Не проспала?

— Нет, — заверила её Настя.

— У меня всё хорошо, сегодня к вечеру я вернусь.

Настя очень обрадовалась, что уже сегодня бабушка будет дома. Закончив разговор, она вернулась в комнату и тут увидела на стуле платье.

— Ой! Какое красивое!.. Да кто же его дошил?! Ведь вчера оно лежало на столе всё в намётках.

Настя в недоумении разглядывала платье. «Может, всё-таки бабушка, — приезжала, когда я спала, и по телефону мне ничего не сказала...»

Но тут взгляд её упал на часы... Она опаздывала.

Быстро умылась, слегка перекусила, платье повесила на плечики и закрыла чехлом. Они всегда переодевались в школе перед концертом. Настя надела курточку и вышла из квартиры, хлопнув дверь. И, о досада! Ключ от квартиры остался дома. «А вдруг бабушку опустят поздно, что я буду делать без ключа!» — переживала Настя. Она стояла на пороге в растерянности, от досады ей хотелось плакать.

Тут дверь соседней квартиры открылась, и оттуда вышел высокий, хорошо одетый мужчина средних лет. Увидев Настю, он поздоровался:

— Ну, здравствуй, соседка! Давай знакомиться. Меня зовут Александр, а тебя?

Настя назвала своё имя и продолжала стоять возле двери, держа в одной руке платье, а в другой — пакет с концертными туфельками. Заметив растерянность на её лице, сосед спросил:

— У тебя что-то случилось?! Может, я смогу тебе чем-то помочь?

— Да вот ключи оставила в квартире, а бабушки дома нет. Если она сегодня из больницы поздно вернётся, то я в квартиру не попаду...

— А ты куда сейчас, с платьем-то?

— У меня конкурсный концерт в школе, я пою.

— Так давай я тебя подвезу, певица! А вечером к бабушке съездим, если она не придёт до этого.

Настя обрадовалась. Это был выход.

А между тем, в Настинем классе был переполох. Концерт-конкурс должен был вот-вот начаться, а одной из главных конкурсанток не было. Учительница пения не находила себе места. Ведь на свою любимицу Настю она возлагала большие надежды. Ей так хотелось, чтобы девочка победила, ведь награда за первое место — приглашительный билет в Москву на Рождественскую кремлёвскую Ёлку! Её ученица была достойна этой Ёлки.

Анжела стояла в окружении подруг. Они рассматривали её красивое кремовое платье с сияющим люрексом:

— Ой, Анжела, наверное, тебе платье в ателье шили?

— Нет, что вы?! Это платье мне папа привёз из Италии, — высокомерно пояснила она подругам и тут же добавила с раздражением, — Что-то Настьки нет, — пятнадцать минут до начала.

Ей не терпелось посмотреть, в чём же придёт соперница. И очень хотелось сразить ту своим дорогим нарядом.

— Странно, — удивлялись девчонки, — ведь она никогда не опаздывает.

— Может, где-то в снегу застряли со своей бабушкой, теперь пока добредут... — ехидно предположила Анжела.

В класс зашла учительница пения и, увидев, что Настя всё ещё нет, подошла к окну в надежде, что девочка уже на подходе. И тут же её увидела. Из подъехавшей к школьному двору машины вышла Настя. Ей помогал, поддерживая за локоток, высокий симпатичный мужчина. Учительница не удержалась и воскликнула:

— Ну, наконец-то, она приехала!

Девчонки подбежали к окну.

— Ничего себе, прибыла наша Золушка на роскошной карете в виде «Лексуса», — с удивлением и завистью в голосе произнесла Анжела.

Настя, запыхавшись, вбежала в класс. Учительница кинулась к ней:

— Давай быстренько снимай курточку, переобувайся и пойдём наряжаться за кулисы в актёрный. Концерт через десять минут.

...Как же хороша была юная певица в своём розовом с сиреневым отливом платье! Розовый цвет подчёркивал нежный румянец на щеках, лёгкий шёлк облегал стройную фигурку и струился книзу мягкими волнами. Учительница была очень довольна её внешним видом. «Ты обязательно победишь», — заверила она девочку. Настя в ответ улыбнулась. И на её щёчках обозначились милые ямочки.

Настя пела с таким вдохновением, что даже члены жюри застыли в немом восхищении. Голос у Насти, не смотря на её внешнюю хрупкость, был сильным и сочным. Он обволакивал, завораживал.

Первую премию единогласно присудили Насте. Она получила желанный приз — приглашительный билет на кремлёвскую Ёлку. Наверное, даже больше чем Настя, радовалась её учительница:

— Ты молодец, Настенька, оправдала мои надежды!

И только обладательница второй премии — Анжела, была не рада. Ведь она во всем хотела быть первой. Потому она небрежно заметила в кругу своих подружек:

— Подумаешь, мне папа без всяких премий достанет билет на кремлёвскую Ёлку...

Когда кто-то из девочек похвалил Настино пение, она с негодованием воскликнула:

— Ну, так идите, нахваливайте эту выскочку! Вон она танцует...

После концерта-конкурса начался новогодний бал. Настю в числе первых пригласил на вальс мальчик из параллельного класса, затем пригласил другой... После нескольких танцев, получив школьный подарок, Настя засобиравшись домой, — ведь она должна была ехать с соседом к бабушке в больницу.

Выйдя на улицу, она увидела Александра. Он ждал её, стоя возле машины.

— Ну, что Настенька, как успехи?

Настя рассказала, что заняла первое место и получила приглашительный билет на кремлёвскую Ёлку.

— Молодец! В Москву теперь надо ехать.

— Да, бабушка обещала, что мы обязательно с ней поедим на новогодних каникулах в Москву. Ехать же недалеко, всего четыре часа на поезде... Если, конечно, ей здоровье позволит.

По дороге в больницу Настя рассказывала соседу о том, как проходил конкурс, какая красивая в школе ёлка, как здорово было танцевать, и, что новое платье ей очень понравилось. Насте было хорошо и радостно на душе, она улыбалась.

Сосед смотрел на неё и тоже улыбался:

— У тебя такие славные ямочки на щеках; ну точно, как у моей жены. Вот заберём твою бабушку из больницы, я вас познакомлю с ней. Она уже к этому времени должна приехать с работы.

Потом, чуть помолчав, спросил у Насти:

— А твои родители где?

— Я сирота. Родителей своих никогда не видела. Меня бабушка Валя забрала из детдома.

Сосед удивлённо на неё посмотрел и как-то задумчиво хмыкнул: «Ну, надо же». По дороге он продолжал украдкой рассматривать профиль девочки.

Скоро они уже подъехали к городской больнице.

— А как твоя фамилия, Настенька? — спросил сосед.

— Савина, — ответила Настя тихо, удивившись тому, как неожиданно ласково назвал её сосед.

Александр неожиданно резко затормозил у ворот больницы. Настю качнуло вперёд.

— Ты извини меня, девочка, — пытался загладить неловкость Александр.

Настя вышла из машины, а он смотрел ей в след. Потом стал звонить по телефону жене. И до Насти донёсся его взволнованный голос...

Бабушку действительно выписали. Чувствовала она себя уже хорошо. Очень обрадовалась Насте и удивилась одновременно. Засыпала её вопросами:

— Что за сосед?! Как же ты могла с незнакомым человеком поехать?! Вон сколько случаев разных!

Узнав, что Настя забыла в квартире ключ, расстроилась окончательно. Настя её успокаивала:

— Бабушка, ты увидишь какой это добрый человек! Он тебе понравится, и с его женой сегодня познакомимся. Они же теперь наши новые соседи... Он меня так выручил! Я бы опоздала на конкурс... А когда ты успела дошить моё новое платье?

— Я его не дошивала, — удивлённо возразила бабушка, — Я же тебе говорила, чтобы ты сама это сделала.

— Бабушка, когда я проснулось, оно было уже готово! Вот чудеса! Я подумала, что это ты приехала, когда я спала...

Они растерянно смотрели друг на друга.

Александр вышел из машины им навстречу, галантно представился бабушке и помог усесться.

— Вы уж простите нас за беспокойство, которое вам причинили. Перед Новым годом у всех своих забот хватает. А тут ещё с внучкой моей пришлось...

— Мне совсем это несложно. Я в отпуске сейчас, занимался переездом на новую квартиру.

Некоторое время ехали молча. Показался знакомый двор. Сосед припарковал машину прямо к подъезду.

— Ну, вот и приехали, дорогие соседушки! Прошу на выход.

Он помог бабушке и девочке выйти из машины, подал Насте её концертное платье. На площадку своего этажа они поднялись втроем. Пока бабушка доставала из сумки ключи, порывисто распахнулась соседская дверь. На пороге стояла красивая женщина средних лет. Её белокурые волосы были аккуратно уложены в причёску, на ней было светлое, шёлковое платье, которое на фоне ярко освещённого дверного проёма, казалось лёгким, воздушным... Насте показалось, что она похожа на сказочную фею. Женщина приветливо улыбнулась, и на её щеках обозначились ямочки.

— Вот, познакомьтесь, это Эльза — моя жена, а это наши соседки, — представил их друг другу Александр.

Увидев Настю, Эльза пытливо посмотрела на мужа, тот слегка кивнул, и вдруг на глазах у женщины показались слёзы...

— Эльза... — как эхо повторила Настя имя соседки. Она восторженно смотрела на неё, не отрывая взгляда. За всю свою десятилетнюю жизнь она не встречала женщин с таким редким, притягательным для неё именем. Из рассказов бабушки она знала, что именно так звали её маму.

Молодая женщина и девочка смотрели друг на друга, как замороженные, а окружающие — на них. Обе белокурые, голубоглазые, так удивительно похожие...

— Девочка моя, — наконец, тихо сказала женщина и протянула руки к Насте.

Настя, очнувшись, растерянно произнесла:

— Мама... это же моя мама! — Она бросилась навстречу прекрасной фее.

— Хорошая моя, я знала, я чувствовала, что ты жива, — приговаривала Эльза, обнимая Настю.

В новогоднюю ночь они вчетвером сидели за столом в квартире Настиных, вновь обрётённых, родителей. Бабушка Валя рассказала всё, что знала о рождении Насти. Да, именно с Эльзой десять лет назад случилась эта история. И все эти годы она корила себя за то, что уехала тогда, не убедившись, что её ребенок действительно умер. Она часто видела сны, в которых её девочка была жива. Сердце ей подсказывало, что это действительно так. Это мучило, не давало покоя. Она специально уговорила мужа переехать в этот город в надежде найти дочку. Он, видя терзания жены, не стал возражать, и они переехали сюда из Москвы. И надо же такому случиться, что предчувствия жену не обманули, — их дочь отыскалась, живая и здоровая. Когда Александр позвонил Эльзе и рассказал, что познакомился с девочкой, как две капли воды похожей на неё, она сильно разволновалась. А узнав, что та носит их фамилию, уже не сомневалась, что это их дочь. Взглянув на Настю, убедилась в этом окончательно.

Утром первого января, проснувшись в своей новой отдельной комнате, Настя увидела на прикроватной тумбочке большую красивую куклу, — ту, которой она любовалась в витрине магазина. Настя очень обрадовалась. Теперь у неё будет две куклы. Они станут добрыми подругами. — Своих найдёнышей она, конечно же, не забыла.

«Мечты сбываются! Наверное, так бывает только под Новый год», — рассуждала Настя, лёжа в постели и разглядывая новую куклу... Ей вспомнилась та старушка, которой она помогла подняться и перейти дорогу. А ведь тогда странно исчезнувшая бабуля ей пообещала, что все Настины мечты сбудутся! А Настя не придавала её словам особого значения.

Потихоньку приоткрылась дверь её комнаты: на пороге стояла мама. А из кухни донёсся запах жареных блинов и послышался бабушкин голос:

— Блинчики готовы. Всем завтракать!

2.01.2013 г.

Ярослав Кауров
член Союза писателей России
г. Нижний Новгород

Всё-таки жив!

Не лебёдушки, не кораблики, –
В дорогом, родном, уголке
Кто-то выбросил в реку яблоки,
И плывут они по реке.

Будто девушки в ней купаются,
Скинув на берег свой наряд.
Так плывут они, кувыркаются,
Розоватые, по два в ряд...

Кто так запросто людям выпростал
Эту детскую наготу?
Кто же вынянчил, кто же выбросил
Эту дивную красоту?

Не лебёдушки, не кораблики, –
В дорогом, родном, уголке
Кто-то выбросил в реку яблоки,
И плывут они по реке...

Как чудес пророческих явление
Отмечаю в сложной череде
Появление и исчезновение
Ярких звёздных бликов на воде. –

Будто бы от рая простирается;
Будто я, как прежде, молодой...
Хорошо поётся и мечтается
Рядом с этой тёмною водой.

Так близка, доступна и таинственна,
Величава, кротка, глубока, –
Словно путь на небеса единственный,
Шепчет песню, окая, Ока.

Подсоленная корка хлебушка –
Какой большой деликатес!
Меня учил так кушать дедушка,
Водивший за грибами в лес.

...Ещё вкусней идёт картошечка –
С яичком, салом и лучком.
С платочка подбираешь крошечки
И запиваешь молочком...
Вот так душа и пообедает
И насвистит родной мотив...
Да только кушать это следует,
Два стога сена накосив.

Посвящается маме

Судьбой неведомой ведомый –
На счастье или на беду, –
Я пленник родового дома
И старой яблони в саду,

И удивительного света,
Что тихо падал сквозь листву.
И будет длиться, длиться это,
Пока смотрю, пока живу.

Пока пишу, пока мечтаю, –
Мой старый дом, мой старый сад,
Как колыбель, меня качают
И что-то тихо говорят,

И охраняют это сердце
Минуты, месяцы, года...
И я хотел бы после смерти
Остаться с ними навсегда.

Немного надо одиноким:
Чтобы, как сотни лет назад,
Вздыхал, нашёптывая строки,
Мой старый дом, мой старый сад...

Песчаная российская дорога
В леса, в поля уходит из-под ног...
Она возьмёт тоску, печаль, тревогу,
И из цветов подарит мне венок.

Она родней прозрачных детских веноч,
Что под молочной кожей протекли,

И так же вьётся необыкновенно
По телу дорогой моей земли.

Я привыкаю жить легко и робко,
И, позабыв, что есть на свете дом,
Варю на костерке себе похлёбку,
Ночую в шалашах и под кустом.

Я странствую, – свободен я отныне,
Одно лишь созерцание мой труд.
Смирил надежды, скорби и гордыню...
И радуюсь, когда мне подадут.

Из окон прямо на подушку
Скользнуло солнышко ко мне.
Оно – как милая подружка
На этой лучшей из планет!
Потом к щеке моей прильнуло,
Лукавый подарило взгляд,
И потянулось... и зевнуло...
И снова упорхнуло в сад.

Я русский поэт, и знамение
Мне этого – солнечный свет.
Я русский поэт от рождения,
До смерти я русский поэт.
И это не символ, не знание,
Не сила времён или мест –
Я русский поэт, это – звание,
И образ, и слава, и крест.

Враги мои всюду рассеяны...
Отважны и верны друзья...
Я русский поэт, – не измерена
Ни сила, ни слава моя.
И в этой пустой неизмерности
Я верен врагам и друзьям,
И путь благородства и верности
Мне лёгок, и светел, и прям.

Родник, среди поля смеющийся,
И зубы заломит, – ты пей!
Я – свет исчезающий, льющийся
Подлунных ковыльных степей.
Я вкус, что так сладок мучительно, –
И вишен, и яблок, и слив...
Я русский поэт. – Удивительно,
Что я ещё всё-таки жив.

Константин Полупанов

Союз писателей России

п. Шолоховский

Белокалитвенского района

Ростовской области

Не бывает...

Повесть

(Окончание. Начало в № 1(16) за 2013 г.)

Я вышел из палатки. Яркий солнечный свет больно ударил по глазам, и они за-слезились: у меня очень чувствительная слизистая глаз, ещё со школьных времён. Вытер глаза грязными руками.

Земля подсохла, хотя вчера весь день стоял туман и моросил дождь. Сегодня сол-нышко — значит, день будет хороший...

Иду к палатке, где располагается дежурный по батальону. На ходу пытаюсь от-бить от берцев грязь, накопившуюся вчера, но не получается: присохла намертво. Полог дежурки откинулся, мне навстречу вышел Дульман — старший лейтенант Миша Дульков, выпускник тульского училища, а ныне начальник артиллерийской батареи нашего батальона.

— Доброе! — поприветствовал я, зевая.

— Доброе! А оно доброе?

— Доброе, доброе! Ночь спокойная, утро прекрасное...

— Хрен оно прекрасное, — резко перебил Дульман. — Я за тобой иду. Комбат собирает на совещание: мы завтра меняем место дислокации.

— Ну, ни ...! — протянул я. — Зачем?

— Не знаю: команда свыше пришла. Думаю, Седой сейчас всё объяснит.

— Только ведь зарылись! — вздохнул я, осматриваясь. — Хорошее место, вид-но всё...

— Не спорю, — кивнул Миша. — Ладно, пошли: все уже ждут...

Мы зашли в палатку. Я окинул взглядом стоящих вокруг стола офицеров: дей-ствительно, все налицо. Глаза у офицеров мутные, злые. В палатке витает резкий за-пах перегара: пили вчера все — обмывали майорские звёзды замполита, а он с ком-батом сбежал раньше времени, поэтому их глаза отличались от глаз всех прочих бо-дростью и свежестью.

— О-о-о! — начал комбат, играючи. — Мой зампотыг пришёл!

— Товарищ майор, — продолжил игру замполит, — а вы что, вчера больше всех пили?

— Если бы! Я вчера больше всех закусывал, а потом полночи с горшка не сла-зил. Сидел и думал о ваших звёздах, Валерий Владимирович!

Все засмеялись. Замполита перекосило; может, хотя бы теперь он поймёт, что не надо со мной играть. Уже пять месяцев вместе служим, а он всё пытается меня под-колоть. Правда, не получилось ни разу.

Замполит покраснел; ну, есть за что... Поляну накрыл за звание, называется: пой-ло — ниже среднего, а закуси вообще с «дулькин кулачок», да и то было только то,

что я распорядился выдать со склада. Хотя бы чуть-чуть инициативы проявил, нашёл бы чего-нибудь вкусного, необычного. Даже Дульман, грёбаный лейтеха, когда за старлея накрывал, подсуетился: колбаски нашёл, водочки хорошей... Так то лейтенант зелёный! А этот целого майора получил и заставил тушёнкой закусывать, гад поганый! Зажрался, что ли?..

— Отставить смех! — прервал веселье Седой. — Работы море. Слава, давай к столу!

— Понял, — кивнул я и подошёл к столу, на котором была разложена карта. — Приступим?

— Разрешаешь? — парировал комбат.

— Ага! — наивно ответил я, и все улыгнулись.

— Есть две новости! — начал он по делу. — Плохая и очень плохая.

— Это радует! — я улыбнулся.

— Плохая, — словно не слыша моей реплики, продолжил комбат, — мы меняем место расположения. Вы уже в курсе. Очень плохая: мы уходим с высоты... назад!

— Как назад?!

— Зачем?!

— Чё за фигня?!

— Молчать! — Седой понимает, как всем нам неприятно слышать такое, но приказ обсуждению не подлежит, да и времени на обсуждение нет. — Я сам не рад! Высота далась нам ценой жизни семи человек, но тут я бессилён: команду дали из Москвы, им виднее.

— Ничего они оттуда не видят! — буркнул замполит.

— Я знаю! Но мы — люди подневольные. Нам сказали — мы сделали. Мы дуем, планируем в рамках своей власти, а они — в рамках своей. А их власть побольше нашей. Всем это не нравится, но перейдём к делу! — Комбат взял указку и ткнул ею в карту. — Мы здесь, возвращаться будем в Сымлиз, ориентировочно это будет местом постоянной дислокации нашего батальона. Перед нами две задачи. Первая — как добраться до Сымлиза? Имею в виду маршрут и поддержку. По поддержке понятно, а вот маршрутов — два! — он указал на две дороги в низинах, по обе стороны возвышенности. — Вопрос: по какой идти? Та, по которой мы пришли, мне не очень понравилась. Второе — где разместиться в Сымлизе? Не забудьте, что это не просто высотка, а населённый пункт, и партизан там — выше крыши. Объявленное властями перемирие партизанам по барабану! Жду предложений...

— Думаю, стоит проверить сегодня обе дорожки, — высказал мнение Яша, командир инженерно-сапёрного взвода.

— Не стоит! — возразил Седой. — Толку нет. За ночь могут заложить, только контуру спалим. Да и реакцию твоим псам загупим!

— Я тут не помощник, — заявил Дульман. — У меня всё в колонне. А вот место нового расположения надо подобрать, мне же технику ставить...

— А поконкретней можно? — удивился комбат. — Нам всем технику ставить. Предложения?

— Ну, не знаю... — попытался уйти от ответа Миша. — У нас карта Сымлиза есть?

— Нет: мы, как зачистку провели в этом грёбаном колхозе, так все документы сразу и уничтожили.

— Не кипятись, начальник! — сбивая напор Седого, сказал я. — Карту надо найти, хотя на ней многое после зачистки не совпадает. Но карта в любом случае нужна! А на месте нам будет нужна самая высокая точка. Кто помнит, что там помимо водонапорной башни есть?

— Слав, — обратился ко мне командир танковой роты майор Сверчков, — там котельная есть. Она не в самом посёлке, а с краешку, на бугорке. Рядом заводик какой-то, всё бетонным забором обнесено. Места должно хватить для развёртывания.

— Отлично! — кивнул комбат. — Во! Нормальные идеи... А кто её чистил?

— Товарищ полковник, её Игнатенко чистил...

Все замолчали. Седой и не рад был, что задал этот вопрос: Игнатенко — бывший заместитель комбата по вооружению, его шальная месяц назад завалила, когда мы эту высоту брали. Хороший мужик был. Жалко! Замены Игнатенко до сих пор нет, а его обязанности пока исполняет молодой и совсем зелёный лейтенант Бурлака, которого даже на совещании нет: толку от него, один хрен, — никакого.

— Царство ему небесное... — прервал тишину Седой.

— Разрешите, товарищ полковник? — обратился я. — Ехать туда надо, на месте разбираться. Село пустое сейчас?

— Нет, там рота вэвэшников была. И ещё местные менты, но это надо уточнить...

— Это хорошо! Коля, — я посмотрел на лейтенанта Титова, начальника связи, — скажи своим, пусть узнают насчёт соседей. Только, быстрее! — Коля молча кивнул и тут же помчался на узел связи. — Если это так, то сегодня едем — место подбирать, а внутривенные войска прикроют...

— Идея нормальная! Вот ты этим и займёшься! — кивнул Седой.

— Понятное дело, — опять съязвил я, — кто ж ещё?

Пока обсуждали дальнейшие действия, вернулся Титов: информация подтвердилась.

— Отлично! — сказал Седой. — А что ещё?

— Слушай, Титов: а связь с вэвэшниками найдёшь? — спросил я.

— Уже ищем! — гордо ответил лейтенант.

— Всё! — Седой хлопнул ладонью по карте. — Связывайтесь с внутренними, пусть встречаются. Подготовкой руководит зампотыл! — он указал на меня. — Крайний срок — к двенадцати вы должны выдвинуться. Слава, ты с Дульковым на броне первой роты по левой тропинке, а по правой поедет разведка. Вопросы есть?

— Без вопросов! — ответил начальник разведвзвода старший лейтенант Чуканов — довольно упитанный, мужественный и самоуверенный парень.

— И правильно! — кивнул комбат. — Встретитесь на блокпосту перед Сымлизом. Далее вместе: выберите место, что куда воткнуть. Попросите внутренних, чтобы они завтра с рассвета место проверили, а заодно узнайте, как они — остаются или уходят. Обсудите маршрут, и решайте сами, чей лучше. По нему и обратно пойдёте. Чуканов, по дороге обратно выставь три-четыре секрета из своих!

— Понял, поставим.

— Долго не задерживайтесь: засветло — назад. Вопросы?

— Нет! — дружно ответили мы.

— И ещё, — добавил Седой, когда все уже повернулись к выходу. — Всем остальным приступить к свёртыванию сегодня. Ориентировочно завтра в десять утра выдвигаемся, всем быть готовыми. Остальные вопросы по сегодняшней поездке — к майору Лозинскому. По возвращении его группы — совещание! — он обвёл всех взглядом. — Вот теперь — разойдись!

Все вышли. На выходе я прикинул. Ко мне подошли Дульков и Чуканов.

— Что думаешь? — спросил разведчик.

— Сейчас! — Я посмотрел по сторонам, увидел уходящего командира первой роты и закричал: — Искрин! Капитан, ё-моё! Капитан! Саша!

— А? — наконец обернулся он.

— Иди сюда! — Я махнул рукой; дождавшись, когда он подойдёт, спросил: — Ты забыл, что БТР мне даёшь?

— Забыл...

— Короче, Саша, с тебя БТР! Хороший БТР, с хорошим водителем! Понял?

— Обижаешь, Слава!

— Плюс к этому хорошего стрелка-наводчика, хорошего снайпера, хорошего гранатомётчика и двух нормальных стрелков! Итого с тебя шесть человек и машина. В одиннадцать сорок пять уже на выезде стоим.

— Всё будет! — кивнул Искрин и ушёл.

— А почему Седой меня с тобой послал? — спросил Дульков.

— А ты больше про свою технику говори... Сходи к Яше, пусть даст двух толковых сапёров на всякий случай. Толковых сапёров! Скажешь, я попросил... Чук, один сапёр тебе, один мне. Остальное, относительно разведки, по твоему усмотрению. Не маленький! Советую взять Тупахова: опытный прапорщик, боевой.

— Понял! В одиннадцать сорок пять буду на выезде! — козырнул Дульков.

За что люблю разведку, так это за умение мало и по делу говорить, одновременно много и хорошо работая. А прапорщик Тупахов — личность уникальная. Его в батальоне уважают; во-первых, опытный, прошёл первую чеченскую срочником, вторую контрактником, а когда там война кончилась, получил прапорщика — и сюда. Его называют наркоманом войны. Во-вторых, он человек душевный, вроде священника местного без рясы: когда хреново бывает, пойдёшь к нему, душу выложишь, он выслушает и всегда совет хороший даст. Тупахов сам через всё прошёл и знает, как и с хандрой бороться, и с личными проблемами, и со всем остальным, что мешает на войне жить. В-третьих, этот прапор в бою за жизнь сослуживца свою голову сложить не побоится: я сам ему жизнью обязан, а помимо меня — ещё человек семьдесят наберётся. Поэтому — с ним хоть в огонь, хоть в воду.

До выезда оставалось больше полутора часов, и я решил сходить к Титову. Иду и уже издали вижу: «ума — палата!» Пока ракету не поймают, антенны не замаскируют.

Навстречу мне шёл боец.

— Тормози, рядовой! — остановил его я. — Где начальник?

— Чего?

— Связи, рядовой! Связи! Найди его: скажи, я ищу!

Боец побежал в кунг КШМки, стоящей метрах в пятидесяти, и через несколько секунд из кунга выскочил главный связист.

— Коля, Коля!.. — разочарованно говорил я, пока он бежал ко мне.

— Я, товарищ майор!

— Коля, я сколько раз говорил: антенны спрятать! — начал я ругать молодого лейтенанта. — Коля, приедем в Сымлиз — я с тебя не слезу. У тебя личный состав, техника, и ты за всё это отвечаешь... По чему первым делом бьёт противник? По связи! Лейтенант,ймаешь ракету — отдам под трибунал!

— Понял, товарищ майор! Понял! — Коля понимающе закивал.

— Ты говорил, что тебе Чук притащил что-то?

— Да, товарищ майор! Он с рейда два дня назад антиквариат притащил — четырёста тридцать девятую станцию.

— Спутниковую, что ли?

— Её самую. Год выпуска — 2004. Мы в училище её не проходили, и как с ней работать, я не знаю. Разобраться бы...

— Что вы там вообще в своём Ульяновске проходили? В Сымлиз приедем, там и разберёмся... Вэвэшников поймали?

— Конечно! — Коля гордо улыбнулся. — Я сказал, что вы приедете: они встретят!

— Молодец! Ладно, давай! — я протянул ему руку. — И не забудь продумать связь во время завтрашнего марша. Увидимся!

— Удачной поездки!

Я, не спеша, пошёл к себе в землянку. Солдаты оживились — видно, уже получили команду готовиться к переезду.

На часах одиннадцать, пора одеваться. Свитер военной раскраски с высоким воротником. Закидываю бронник, который неприятно цепляет уши. Сверху разгрузка. Четыре рожка по сорок пять в кармашки, один на АКС. Братъ, не братъ ещё? Ладно, возьму ещё два по тридцать — на всякий случай. Две «эфки» оборонительные, две наступательные. «Макарыча» в трофейную кобуру на ноге. Автомат на плечо. Ито-

го килограммов двадцать пять — тридцать. Весело? Хорошо, что уже весна: бушлат не надо на себя напяливать...

Времени — двадцать минут двенадцатого. Отправляюсь на выход.

Импровизированный КПП, дорога, по сторонам — два окопа для стрельбы лёжа и землянка. В каждом окопе по бойцу с ПКМ. Залез в землянку; там сидит прапорщик из третьей роты и спят двое солдат: это — смена.

— Товарищ майор... — прапорщик встал.

— Занимайся! Какой телефон на дежурку?

— Вот этот! — прапорщик указал на «тапик» с надписью «деж» на белом «шил-дике».

Я взял трубку, покрутил ручку и сразу же услышал:

— Дежурный!

— Кто? — хочу узнать я.

— Дежурный!

Спросонья, наверное.

— Фамилия!

— Старший лейтенант Брагин!

— Брагин, это майор Лозинский; слушай внимательно! Звонишь капитану Букину, командиру третьей роты, пусть два взвода приводит в боевую готовность. Они займутся эвакуацией моей группы и группы старшего лейтенанта Чуканова. Через десять минут, в одиннадцать сорок, ты звонишь сюда, и я слушаю доклад о готовности. Понял?

— Так точно!

— И ещё! Отбой взводам только после нашего возвращения. Действуй!

Я положил трубку, вышел на улицу и закурил. Хороший всё-таки будет день. Почти тепло. Весна — пора любви. Свежая зелень, птички, солнышко — романтика. Как будто и не на войне вовсе...

Что я здесь делаю? Нужна мне эта война? Я потряс головой, прогоняя эти вредные мысли: на таких мыслях можно такой депресняк поймать, что потом неделю отходить будешь. Ещё раз потряс головой — контрольный выстрел в сторону депрессии. Так, хорошо...

Подъехал БТР Искрина, с него спрыгнул один из бойцов.

— Товарищ майор, прибыли в ваше распоряжение! Младший сержант Песоцкий!

— Отлично! — я посмотрел на часы и пожал ему руку. — Ребята опытные?

— Да! У всех, кроме второго стрелка, вторая командировка!

Я внимательно рассмотрел приехавших. Крепкие ребята: лица не молокососные, даже у второго стрелка; младший сержант немного перекачан... Подъехал Чук со своими, но слезать с брони не стал — показал на часы: время! Тупахова с ним не было: это плохо, у того особая чувствительность на неприятности...

— Где Дульков? — этот вопрос я задал уже самому себе.

Из землянки вышел прапорщик:

— Звонили, всё готово!

Смотрю, бежит Дульман с двумя сапёрами.

— Дульков, имей совесть! Сказано в одиннадцать сорок пять — значит, в одиннадцать сорок пять! — я посмотрел на часы. — А уже одиннадцать сорок семь!

— Извиняюсь! — запыхавшись, ответил он.

— По машинам! — крикнул я. — Чук, встречаемся на блокпосту...

Я прикинул: пятнадцать километров, скорость сорок — шестьдесят...

— Встречаемся в двенадцать тридцать: это — крайнее время. Всё, поехали!

БТРы тронулись. Под задницей — подушка, поэтому мягко: водитель, видно, толковый — через «мягкую» точку к командирам подход знает. Нет, надо было бушлат брать: на ветру прохладно. Погода всё равно хорошая, по сравнению с прошедшей зимой.

Метров через триста дороги разошлись; я снял с плеча АКС, развернул приклад, снял автомат с предохранителя. Бойцы по бокам наготове, артиллерист на корме, я по центру, ноги раскинул в разные стороны от башни. Чук ушёл из виду. Мы одни: если где засада, нам эвакуация едва ли успеет помочь.

Дорога вьётся по-над склоном возвышенности. Слева — метров тридцать ровно и гора. Внимательно наблюдаю за дорогой. Смотрю на подозрительные кусты и постройки, на всё, что может таить в себе опасность. От ветра глаза слезятся, периодически вытираю их руками. Эта дорога мне уже не нравится: в случае чего, не спрятаться — мы здесь как на ладони. Водила едет бодро и умело, как по американским горкам. Вот только, горки эти — русские...

Через полчаса увидел блокпост. Подъехали. Чук ждал, почему-то ехидно улыбаясь. Спрыгнули с брони, размялись. Со стороны города летел «бобик», через минуту он с визгом остановился возле чуковской машины. Из него вышел капитан, расхлябанной походкой подошёл к нам. Высокий, плотный, с прикольными родинками по всему лицу — и улыбается во весь рот. Протянул мне руку и представился:

— Витёк! Полянников! Для своих — просто Поляна! Я вас буду сопровождать!

— Славик, — мы пожали друг другу руки, — Лозинский! Для своих — Слава.

— Вова, — поздоровался разведчик, — Чуканов.

— Вот и отлично, мужики: познакомились! — продолжил капитан, не переставая улыбаться. — Что хотите в Сымлизе? Я так понимаю: ваш батальон здесь зачистку проводил? Зачем вернулись?

— Да нам пришла команда к вам на ПМЖ перебраться. Рад?

— Безумно счастлив новым соседям! — улыбается капитан.

— Короче, наш батальон будет здесь завтра. Сейчас мы хотим осмотреть котельную и прилегающую к ней территорию, — перешёл я к делу.

— Понятно, — протянул Полянников. — Не вопрос, прошу за мной!

И он запрыгнул в свой «уазик».

— Как он тебе? — спросил Чук.

Я пожал плечами.

— Да хрен его знает... Не зря их внутривенными называют... По-моему, он или выпивши, или накуранный. А может, просто такой и есть: глаза вроде нормальные.

— Главное, чтобы работу делал нормально, — кивнул Чук. — Поехали.

«Уазик» развернулся, и наша броня поехала вслед за ним. Через пару километров начались постройки. Жилой массив — страшно. Сердце ускоряет темп. Глаза настороженно всматриваются в окна частных домов. Людей мало — очень мало людей: день на дворе, а народу — почти никого. Странно...

Поворачиваем налево; дальше — прямая дорога, километрах в трёх-четырёх виднеется большое здание котельной. По обе стороны дороги — частные дома, последними по краям стоят пустые трёхэтажки. Когда мы пришли сюда с зачисткой, они уже были пустыми. Почему? Не знаю; говорят, в них жили русские... Дома без окон и дверей в прямом смысле: оконных рам нет — растащили на дрова. От трёхэтажек до котельной метров триста.

В окне правого дома замечаю движение. Вскидываю автомат, но поздно...

В голову колонны летит гранатомётный снаряд. Полянников успевает среагировать и уходит левее, но взрыв слишком близко. Взрывной волной машину два раза переворачивает и ставит обратно на колёса. Начинаю стрелять, но стреляю больше наугад. БТР разведки резко останавливается, закрывая бронёй кувыркнувшийся «уазик»; так же резко тормозит и наш. Больно ударяюсь боком о башню.

— Уходи за ...! Уходи за неё!!! — ору я так, что сердце выскакивает. — Уходи, говорю!!!

Наш водитель берёт левее «уазика». Разведка вытаскивает пострадавших; двое разведчиков стреляют по дому; мои тоже стреляют. Остановились, прыгиваем по левому борту. Страх прошёл, пошёл адреналин.

— Дульман, с ним! — я тыкаю в солдата. — Смотри на этот дом! — указываю на левую трёхэтажку. — Если что, сразу стреляй!

За бронёй слышу крики: это значит, что есть раненые. Плохо!

Меняю рожок, стучу по броне и опять ору:

— Башню на дом! Башню на дом! Работай КПВТ! — я привстал. — Песоцкий, со мной!

Башня завертелась. Заработал КПВТ, мы побежали к «уазику». Надо быть полным дебилом, чтобы высунуть голову, когда в тебя стреляют из КПВТ. Это мощь: крупный калибр легко пробивает кирпичные стены. Даже у самого трусливого солдата храбрости прибавляется, если на его стороне КПВТ; но если наоборот, то пиши — пропало! Сам попадал под такой обстрел, знаю: страшно до безумия. Единственное что остаётся — молиться...

Подбежали, вытащили всех. Поляна — живой. Все в крови: у рядового из шеи течёт кровь, у другого солдата оторвана ступня.

— Взяли, взяли!!! — ору, сам себя не слыша. — Взяли, вашу мать!..

Боковым зрением вижу: на землю, как подкошенный, падает Чук, рядом с ним поднимаются фонтанчики пыли. Понимаю, что он мёртв...

Взрыв! Подпрыгивает и загорается впередистоящий БТР. Ещё один выстрел с третьего этажа, из «мухи» — по нему же. Стреляю по этажу: уже не страшно. Впереди, возле взвэшников, с колена стреляет Песоцкий, но вдруг его автомат замолкает.

«Может, патроны кончились?» — думаю я, не прекращая стрелять. Но Песоцкий неестественно прогибается назад, разводит руки и падает. Лицо в крови... Снайпер!

Стреляю, ору, снова стреляю. Закончился магазин; вскакиваю и подбегаю к Полянникову. Глаза его реагируют слабо, но он жив. Контужен? Пытаюсь поднять; поднял на спину, кое-как придерживаю правой рукой — в левой автомат. Бегу за свой БТР. Ноги подкашиваются. Спотыкаюсь, падаю. Чувствую: сил поднять Полянникова больше нет. Хватаю его за руку и тяну волоком за единственное спасение от пуль — за наш БТР. КПВТ замолк, боекомплект на нуле. Ору, тяну. Ещё чуть-чуть... Есть! Мы за бронёй!

От перенапряжения я сразу сел, облокотившись на баллон. Одышка, ноги сводит судорогой. Продолжая матерно орать, смотрю в небо: оно чернеет — начали гореть колёса чуковской машины. Поворачиваю голову налево: Дульман сидит в шоке; видно, как очень медленно ходит вверх-вниз кадык на его горле. За ним рядовой стреляет, но его спину прошивает очередь. Стреляли из дома перед нами: резко встаю, безумно хочется жить. Я — мишень! Колочу кулаком по броне.

— Уходим! Уходим! За дом уходим! Дульман! — ору я во всё горло. — Дульман!!!

Он услышал. Вдвоём берём под руки Полянникова, бежим к дому, из которого стреляли. Бежать всего метров восемь, но это много, очень много. Ноги не слушаются. За спиной слышу выстрелы, и сразу же чуть правее меня в землю впиваются пули...

Сердце, кажется, скоро остановится. Опять одиночный, более мощный выстрел. Понимаю, что это СВД. Снова ору. Ещё выстрел; падает Дульков, следом Полянников, рядом сваливаюсь я. Лежу, мгновения кажутся вечностью... На меня смотрит Дульман; он лежит на животе, голова повёрнута вправо, глаза всё смотрят — неподвижно так смотрят, не моргают. Мёртвый взгляд... Я встаю на колени и толкаю его, но реакции нет. На шее, под подбородком — пулевое отверстие, из которого ещё сочится кровь...

Контуженный Полянников пытается ползти самостоятельно: жить хочет! Как будто я не хочу... Ничего не вижу, слёзы текут ручьём. Кричать больше не могу, захлабываюсь в истерике. От безнадёжности бью Полянникова рукой в грудь, но он на удар уже не реагирует...

Ещё выстрел. Мимо! Вытираю глаза, встаю. Поворачиваюсь в сторону дома, где сидит снайпер. Часто моргаю: глаза слезятся. Вижу смутно: между мной и домом стоит густая пелена дыма от горящих машин. Дыхание успокаивается, сердце ускоряется. Протираю глаза, смотрю на дом.

— Ну что, суки? — хрипло кричу я в сторону трёхэтажки. — А? Стреляйте, суки! — я развожу руки, подставляя грудь. — Давайте!

На крыше дома встаёт человек. Из-за дыма я вижу только очертания тела. Он поднимает руку, указывая в сторону котельной. Я поворачиваю голову туда и вижу, как с крыши котельной, через оптический прицел, на меня смотрит человек с бородой. Я вижу его так, как будто он в двух шагах от меня. Я вижу его чётко, вижу даже шрам на его тонкой брови. Но котельная от меня в трёхстах метрах! Страшно... Он смотрит на меня, будто пытаясь что-то разглядеть во мне.

— Ты так ничего и не понял... — тихо говорит он с кавказским акцентом.
Странно, но я его слышу — и слова, и акцент...

Я вскакиваю. Сижу. Вокруг темно и очень, очень страшно...
Чего я не понял?

Чувствую, как по лицу лётся пот, всем телом ощущаю глухие удары сердца. Смотрю по сторонам — тупо, бессмысленно. Слабый свет в окне. Дыхание частое. С трудом поворачиваю голову влево: там горит красная лампочка, а ещё левее и дальше светится оранжевое пятно. Что это? Не понимаю... Что это? Всматриваюсь, но всё равно непонятно. Телевизор? Это телевизор — красный светодиод телевизора! Всматриваюсь: а пятно — это выключатель сетевого фильтра. Я — дома? Я мёртв? Или жив? И я — дома? Да, я дома! Дома!!!

Это был просто сон, страшный сон. Трясущимися руками ощупываю поверхность под собой: мягко... Это диван — точно, диван. Щупаю дальше: моё любимое одеяло. Я дома!

Сердце понемногу успокаивается. Это был сон, всего лишь сон! Стираю ладонью пот с лица.

«Успокойся, Слава, ты дома, — думаю я. — Но чего я не понял? Чего?..»

Дыхание медленное. Так же медленно опускаю тело на диван, но дивана нет: вместо него — бездна, пустота, и я проваливаюсь и падаю. Я падаю! Кричу, связки до предела напряжены. Сердце вырывается из груди. Кричу, размахиваю руками, хочу за что-нибудь зацепиться, но вокруг ничего нет... Безнадёжно закрываю глаза и снова куда-то падаю, падаю, падаю...

Заставляю себя остановить падение и сесть. По комнате ещё бродит эхо моего крика. Слабый свет встающего солнца едва освещает комнату — мою комнату. Я присматриваюсь, до боли напрягая глаза, и убеждаюсь в том, что не ошибся: это моя комната, моя квартира — моя ростовская квартира.

— Слава, что случилось? — спросила Саша, проснувшаяся от моего крика. — Слава?!

Я смотрю на комнату: всё нормально. Я дома. Дыхание реже, биение сердца спокойней. Я у себя дома. Это был сон, страшный сон — всего лишь сон... Я прокручиваю его в голове, пытаюсь всё вспомнить и запомнить: дом, мама, папа, рана на ноге, еда, война, БТР, автомат, дорога, совещание, посёлок, котельная, Дульков, снайпер...

— Слава! — испуганно кричит Саша.

Я поворачиваю голову и смотрю на неё пустыми глазами.

— Слава! Слава! Ты меня слышишь?!

Я киваю и начинаю часто моргать.

— Слава, это был сон! Плохой сон! Успокойся, я рядом!

— Да. Да, — с трудом пытаюсь прийти в себя, отвечаю я. — Да, это всего лишь плохой сон...

На всякий случай щиплю себя за руку. Больно! Да, это был сон. А реальность...

Вот она — реальность: я смотрю на Сашеньку; какая она у меня красавица! Её голубые глаза испуганны — наверное, больше, чем мои.

— Саша! Саша, я тебя очень, очень люблю! — начинаю сбивчиво шептать я.

— Я тебя тоже, мой малыш! — Саша чмокает меня в кончик носа.

И мы начинаем целоваться...

Такая страсть у нас была только в нашу первую ночь, точнее, неделю, когда мы вообще не вылезали из кровати. Мы снова ложимся. Целуемся. Жадно целуемся. Моя левая рука касается её обнажённой груди. Она, обладательница самого красивого тела, самая умная, нежная и ласковая, любит меня, а я люблю её. Разве это не прекрасно? Её рука плавно спускается к основанию моего живота, она начинает медленно водить ноготками...

— Подъём!

Сашенька садится на меня сверху, упираясь руками в плечи...

— Курс, подъём! Тревога! — слышу голос издалека.

Я обхватываю руками её ягодицы. Изредка касаясь пальцами кожи, я не спеша поднимаю руки к её великолепной груди...

— Первый взвод, подъём! — снова голос, теперь уже знакомый.

Руки достигли намеченной цели. Сашину грудь невозможно ни с чем сравнить... Закрываю глаза...

— Лозинского разбудите! — слышу я совсем рядом.

Кто-то толкает меня в бок. Я не хочу! Не хочу! Не хочу!..

Нехотя открываю глаза. Над головой — белый потолок; я в казарме... Снова закрываю глаза: Сашенька ритмично продолжает двигаться, ускоряется...

— Лозинский, вставай! Тревога! — слышу голос своего замкомвзвода Траха.

Нехотя скидываю ноги с кровати и какое-то время сижу, ничего не соображая: голова совсем не работает. Сон, сон, сон... Ах, какой хороший сон! Вспоминаю основные моменты, чтобы не забыть его: Саша, БМВ, ресторан, охранник, мост, квартира... Дом, мама, папа, рана на ноге, еда, война, БТР, автомат, дорога, совещание, посёлок, котельная, Дульков, снайпер...

Когда я вспоминаю снайпера, мне снова становится страшно.

Чего я не понял?

— Слава, оторви свою задницу от кровати! — орёт Трах.

— Сейчас встану! — ору я в ответ и с трудом поднимаюсь на ноги.

— Ты чё на меня орёшь? — возмущается Трах.

Я не отвечаю: лучше вообще промолчать — дешевле выйдет. Пусть остынет, а то он слишком заведён: начнёшь отвечать невпопад — греха не оберёшься...

Вперемешку с мыслями о сне думаю о том, как же мне надоел его голос. Ужас! Триста дней в году, исключая отпуска, на протяжении вот уже почти четырёх лет меня будит не дневальный, которого я не слышу, а именно Миша Трахин. Если прикинуть, то я уже примерно тысячу сто раз просыпался от его крика: «Лозинский, вставай!» Тошнит. Я понимаю, должность у него такая, но можно было бы как-нибудь и понежнее. Как мама, например: «Славик, пора встать! Просыпайся, соня! Доброе утро!» — примерно так, только без поцелуя. Улыбаюсь. Смотрю по сторонам: все одеваются.

— Слава, судя по тому, как оттопырены твои трусы, хороший сон тебе снился! — с издёвкой говорит сосед по кровати Вася.

— Хороший! — нахально отвечаю я.

— Сухо? — смеётся он.

— Суше, чем у тебя!

Беру штаны, натягиваю; затем — майка, китель. Пока одеваюсь, периодически закрываю глаза и пытаюсь вспомнить Сашу. Получилось! Когда натягивал кирзачи, её образ был уже точно и навсегда запечатлён в моей памяти. Какая же она красивая! Таких девочек, наверное, на самом деле не существует...

Мне под ноги падает вещмешок, и я поднимаю голову.

— Владей, начальник! — говорит Васька. — И спасибо можешь не говорить!

— Да пошёл ты! — ехидно улыбаюсь я в ответ.

Собираю постельное бельё, укладываю в вещмешок. Матрац в скатку, сверху стул, тумбочку кладу на кровать; все действия отработаны до автоматизма. Беру мешок,

иду на центральный проход к оружейке. Следом за мной идёт Цыпа, за ним — Трах с шинелью в руках. Он натягивает шинель и даёт команду строиться для получения оружия. Из расположения бегут курсанты. Смотрю на часы, которые висят над входной дверью: только тридцать четыре минуты шестого. С учётом того, что команду дали в половину, мы делаем всё намного быстрее установленного времени. Правильно, научились технике на первых двух курсах. Теперь мы дембеля в квадрате — год с копейками до выпуска.

Срабатывает противная сигнализация на оружейной комнате. Получаю автомат, штык-нож, подсумок и четыре магазина. Становлюсь с Цыпой возле тумбочки дневального, экипируюсь. Остальные бегут надевать шинели. Нам они не нужны: мы меняем суточный наряд и потому остаёмся в казарме.

Думаю про свой дивный сон, про Сашу...

Подходит Вася, суёт мне противогаз.

— Что, тормозишь?

— Есть немного, — киваю я и беру из его рук противогаз, который забыл взять в оружейной комнате.

Планшет и вещмешок кидаю возле ящика с песком. Цыпа становится у тумбочки, старый наряд уходит одеваться. Старый дежурный и Витя, новый дежурный, продолжают выдавать оружие остальным взводам. Я становлюсь на входные двери, которые закрыты на засов. Стою, опять думаю о сне. Снова мелькает горящий БТР, я как будто ещё слышу выстрелы... Но это стучат в дверь. Смотрю в глазок — ротный. Открываю, он входит.

— Товарищ майор, — начинаю докладывать по уставу, — за время моего дежурства происшествий не произошло. Дневальный за дежурного курсант Лозинский!

— А где дежурный? — спрашивает ротный, опустив приложенную к головному убору руку.

— В оружейке ещё. А кто подорвал, товарищ майор?

— Просто училищная тренировка. Через две недели комиссия приезжает... — бросил он и направился в канцелярию.

Я закрыл дверь. Что у папы с работой? Не пойму! Война? Сашенька, какая же она красивая! Я мечтательно вздыхаю...

Дежурные уже закончили выдачу оружия, взвода почти построены на центральном проходе. Витя командует и докладывает ротному о готовности подразделения. Ротный говорит, что медленно: он всегда так говорит, хотя и теперь личный состав уложился с запасом. Звучит команда на выход, и невыспавшиеся, сонные тела одно за другим вываливаются на улицу. Замыкающими вышли ротный, взводный и старшина.

Двери закрыты, мы в казарме втроём: я, Витёк — дежурный — и Цепляев, второй дневальный: третий дневальный ушёл в столовую... Всё спокойно. Непривычная тишина после утреннего гама.

— Слава, — обращается ко мне Витёк, — что мы тут делаем? А? Однокашники часика через три проснутся с какой-нибудь девчужкой под боком, на мягкой кровати студенческой квартиры, выпьют пива с похмелья... А мы уже мечемся с утра пораньше, как угорелые...

— Витя, задавай себе этот вопрос, когда тебе хорошо, а не когда тебе хреново! Задай этот вопрос на плацу через год, когда будешь звёзды получать. Что ты здесь делал пять лет? — нехотя отвечаю я.

— И всё же?

— И всё же ты здесь учишься...

Я сел на ящик с песком, прислонился к стене и поднял голову вверх. Потолок в чёрном дыму... Потряс головой. Показалось...

Я тоже часто задаю себе тот вопрос, с которым обратился ко мне Витя, обычно именно в такие моменты, как сейчас. Но особенно часто я задавал его себе на первом курсе, когда было по-настоящему тяжело. Ко второму курсу, как и все, начал приви-

кать. И привык. То, что раньше казалось невероятно трудным, стало обыденным. Повседневность стала веселее: мы всячески стремились разнообразить нашу однообразную казарменную жизнь, а юмор был постоянным спутником службы. По выходным мы собирались вместе, нашли себе девчонок, кто — местных, кто — приезжих студенток. Встречались парочками. И вот, глядя на бывших товарищей, а теперь лучших друзей, понимаю, что они прошли через те же трудности, что и я. И теперь у меня есть надёжные друзья, есть где спать, есть что есть, дома ждут родители, мне платят деньги, через год я получу два диплома, лейтенантские погоны... Вот и ответ на Витин вопрос: я здесь учусь.

— Цыпа, — я посмотрел на товарища, — слушай, а какую книгу ты читал до «Библии секса»?

— «Толкование сновидений». А что?

— Это Фрейд написал?

— Да, Фрейд. А что?

— О чём пишет? Что он думает о снах?

— Ты скажи, в чём дело, а я скажу, что пишет!

— Сон хороший приснился... Так что он пишет?

— Счастливый! Сон приснился, ещё и хороший. Мне уже неделю ничего не снится... — с завистью вздохнул Цыпа.

— К телу! Ближе к телу! — продолжал настаивать я.

— Фрейд утверждал, что ничего в жизни не происходит спонтанно. Все мысли, все фразы и тем более сны несут какую-то информацию, имеют смысл, — начал объяснять Цыпа. — Так вот, в отношении снов: сон — это производное от прошлого, то есть события, уже случившиеся в твоей жизни. Либо сон — это что-то тобой желаемое на подсознательном уровне.

— Ну, это явно не прошлое! А будущее может быть?

— Согласно Фрейду, нет! — уверенно ответил он. — Хотя... сегодня пятница...

— И чего? — не понимая, спросил я.

— Фрейд — учёный, философ. А согласно народным поверьям, сны с четверга на пятницу сбываются... Далеко был в будущем?

— Не помню! — я усиленно копался в памяти. — То ли в две тысячи пятнадцатом, то ли в две тысячи двадцать пятом... А как разобрать желаемое?

— Скорее всего, всё сновившееся тебе и является желаемым тобой... Но это не точно.

— Ты сам-то что думаешь? — продолжал я пытаться друга.

— Так это я и думаю! — Цыпа улыбнулся. — Это уже мои мысли, а не Фрейда. Подумай, может, что-нибудь повторялось?

— Спасибо. Подумаю... — кивнул я и пошёл в комнату досуга.

Повторялось? Что повторялось?.. Родители? Да, был дома! Правильно, если не был дома, то думал о нём: давно не был! До дома всего двести километров, а я не был там уже три месяца. Родители? Обычно ездил к ним каждый месяц. Так долго я не был дома только на первом курсе, а сейчас четвёртый. Но с этими проверками и комиссиями разве уедешь?!.. Дом, родители, что ещё? Родственники? Нет! Что в окружающей обстановке? Ничего! Что ещё? Друзья? Нет! Женщины? Нет! А Саша? Точно, Саша! Красивая девушка с мужским именем. Почему — Александра? Отец Саша, брат Саша! Ну и что? Ничего, это не то... Какая же она красивая! Хорошо, это — что-то... Что ещё? Дорога? Да, но что это — путешествие? Банально! Ресторан? Был в ресторане, но я один раз был на левом берегу, и то не в ресторане, а в ночном клубе. Какой ресторан? Может, это к застолью? Нет, с этими проверками гулянок ещё месяц не видеть!.. Что в ресторане? Блатные? Еда? Нет, не то! Охранник, лицо знакомое. Кто такой? Где я его видел? На кого он похож?.. Кто? Кто? Не помню...

Лёг на стол, смотрю в потолок. Надо попробовать расслабиться...

Так кто же он? А-а, да это же Калаш — Олег Калашников, которого отчислили в прошлом семестре! Непонятно... А остальные — кто? Кто ещё? Не помню! Что

ещё там было, во сне? Кровь! Да, кровь — много крови!.. БТР, БМВ — к дорогим покупкам? Чушь! Бесмыслица!

— Лозинский! — зовёт меня скучающий Цыпа.

— Подожди! — ору я. С мысли сбивает!..

Что ещё? Дульман?! Это же Дуля с первого отделения! Прикольно... Кто ещё был? Какое-то совещание... Вспоминаю, кто был на совещании. Помню не всех, но те, кого помню, — все ребята из моего взвода. И клички даже те же: Седой, Чук... А вэвэшник Полянников — это Витя, дежурный. И к чему это?..

Итого имеем: родители, дом — одно; девочка Саша; дорога — нет; друзья. Вроде, больше ничего...

Выхожу из комнаты досуга в коридор.

— Ты что, соскучился? — спрашиваю Цыпу.

— Что ты там завис? Вспоминал? Ну и как — вспомнил?

Я молча кивнул.

— Ну и забудь! Будешь из-за каждого сна так голову ломать — свихнёшься.

— У меня первый раз такое, — пожал я плечами. — Просто, сон действительно интересный...

— И что, повторялось?

— Дом, девочка красивая и пацаны наши снились...

— Стандарт! — ухмыльнувшись, небрежно отмахнулся Цыпа.

— Не понял? — удивился я такому выводу.

— А что непонятно? — Цыпа посмотрел на меня, как на дурачка. — Домой хочешь?

— Да!

— Вот тебя подсознание домой и кидает! С девочкой красивой сексом занимался?

— Да.

— А наяву когда в последний раз?

— В отпуске. В чём логика? — я честно пытался вникнуть в его рассуждения.

— То есть три месяца назад?! Вот подсознание и говорит, что пора уже. А пацаны и мне снятся! Ты же каждый день, двадцать четыре часа в сутки их рожи видишь. Уже четыре года. Твои глаза просто привыкли к этим мордам. И, если их убрать, у тебя, наверное, цикл прекратится!

— Какой цикл? — недовольно и непонимающе спросил я.

— Это я образно говорю... — улыбается Цыпа.

— Цыпа! — вытягиваю паузу. — Тебе азбуку читать, а не Фрейда! Психолог хренов!

— Это ты зря! Слава, это моё мнение, а ты можешь думать по-другому. А правду всё равно знает только Он! — Цыпа многозначительно ткнул пальцем куда-то вверх.

— А где Витёк? — спросил я, оглядывая расположение.

— Вон, на первой кровати заливает, — Цыпа махнул рукой.

— Чего хотел, товарищ курсант? — спросил Витёк, продолжая лежать.

— Товарищ сержант, разрешите обратиться? А когда наши придут?

— Как только, так сразу... — Витёк пожал плечами.

— Поляна, а ты мне снился!

— И как я?

— А никак! Ползал контуженный и улыбался! — смеюсь я.

— Вот спасибо! — Витёк улыбается своей козырной, во всё лицо, улыбкой.

— Расплылся... Как слон, довольный!

— Кайф всё-таки, что мы по боевому расчёту здесь, а не в каком-нибудь резерве. Стояли бы сейчас на плацу, морозились...

— Повезло! А на улице дождик срывается. Пока там проверяют всех, и замерзнуть, и промокнуть можно.

— Целый час недоспал! — Витёк широко зевнул.

— Спать хочется! — я тоже зевнул. — Я вообще полдвенадцатого лёг: курсовую дописывал.

— Одно хорошо, на зарядку не надо бежать, — потянулся Цыпа.

— Что правда, то правда!

— В отпуск хочу! — заявил Витёк.

— Все хотят. Но тебе грех жаловаться: ты местный, в увольнение вышел — вот и дома. Вот тебе и мама, и папа, и друзья! И еда домашняя!..

Мы проболтали до семи. Цыпа от безделья начал возле зеркала строевые приёмы выдавать, выкручивая нелепые пируэты. Потом пришли наши, замёрзшие, как зяблики. Сдали оружие, а дальше всё пошло по обычной программе: умылись, заправили кровати, навели порядок и отстояли на утреннем осмотре.

К восьми пошли на завтрак. Погода на улице — мерзопакостная: густой туман и прохладно. Новочеркасск вообще похож на Лондон: постоянно дожди, туманы, ветра.

Из головы не выходит сон, а в нём — Саша. Завтрак окончательно испортил настроение. Попив кофейного напитка и съев бутерброд с маслом, отправились обратно в казарму.

Пока офицеры подводили в канцелярии итоги подъёма по тревоге, старшина дал полчаса свободного времени до занятий. Мы с друзьями пошли в чайную — подышать настроением нормальным кофе с молоком и шоколадкой. Получилось. Без десяти девять нас построил ротный, подвёл итоги. Как всегда, наша рота отработала лучше, быстрее и качественнее, но надо стремиться к улучшению показателей.

Пошли на занятия. Три лекции в так не бодро начавшийся день — это просто мечта. Голова как будто не работает, мыслями полностью погружён в свой странный сон. Начальник ведущей кафедры рассказывает о радиостанциях нового поколения. Ловлю себя на том, что я, как Цезарь, анализируя сон, успеваю конспектировать и вдобавок к этому воспринимаю на память интересную для меня информацию. Так как у меня плохое зрение, сижу за первой партой с краю, выставив ноги в проход: под стол они не помещаются. Тупо смотрю в зелёную доску, на которой ничего нет. Полковник-преподаватель это заметил.

— Лозинский!

— Я, товарищ полковник! — вскочил я.

— Ты с нами?

— С вами!

— Он с ней... С лохматой! — раздаётся с последних парт, следом за шуткой — хохот всей аудитории.

— Отставить! Лозинский, представишь конспект в конце лекции.

— Есть!

— Садись!

— Есть!

Я сел, начальник продолжил лекцию.

Из чего я собрал образ Саши? Может, она есть нечто общее между подругами, которые мне нравятся? Нет, не похоже... Я закрываю глаза и вижу Сашу, как наяву. Внимательно смотрю на её лицо, стараясь запомнить, потом вновь открываю глаза. Нет! Абсолютно что-то новое, что-то совершенное...

Машинально продолжаю конспектировать. А может, и правда — пора просто переспать с кем-нибудь? Фигня! На втором курсе у меня десять месяцев женщины не было, и ничего такого не происходило, а тут всего лишь три месяца. Мелочи! Вспомнил американскую комедию «Сорок дней, сорок ночей». Улыбаюсь. У них сорок дней без секса — это подвиг, по их меркам мне можно памятник воздвигнуть. Посмотрел по сторонам: тут половина таких...

А может, это просто усталость? Может, и усталость...

Где бы найти себе такую Сашу?

Начальник подымает ещё троих курсантов: они спали, и им тоже придётся представить конспекты. Меня в сон не клонит. Война со сном — это отдельный аспект

курсантской жизни. По роду деятельности курсантам, как и солдатам, спать хочется всегда и везде. До училища я, например, засыпал только на животе, и то с трудом. Уже здесь научился спать на спине, сидя за партой и, не поверите, даже стоя. Стоя спать легче, когда есть третья точка опоры — стена, например, или лопата. Но можно и без них. В борьбе со сном пощипывания, удары, тряска головой помогают на очень короткий промежуток времени; здесь важна мораль, что-то, что представляет для тебя интерес, — интересная тема, цель. На данный момент для меня сон — это и есть мораль. И он явно интереснее лекции. Мозг думает о нём в темпе, который не позволяет мне заснуть.

«Саша, Саша, Саша...» — бесконечно крутится в моей голове. Настолько красивых девчонок я ещё никогда не встречал!

Ладно, стоп! Хватит думать о Саше: она — вымысел, фантазия, «продукт» моего подсознания. Надо ехать домой: не только я, но и родители уже соскучились. Хорошо, что перезваниваемся каждый день: я в курсе того, что дома, они в курсе того, что у меня в училище. Когда приеду домой, первым делом бабушкиного борща со сметаной наверну. Какой у бабушки борщ! Хочется есть, есть и есть! Я-то вырос не на «растишке», а на борще бабушкином...

Как трактор, заурчал желудок. Хватит думать о еде, а то сам себя вхолостую переварю!

Пара закончилась. Из четверых поднятых я получил за конспект «четыре», а остальные — «бананы». Пошли на перекур. Погода улучшилась, туман рассеялся. Стоим с Васькой в курилке за клубом, курим.

— Ну и кого ты? — спрашивает он.

— В смысле?

— Кто снился?

— Не мужик!

— Это радует! И кто она?

Я вкратце, пока курим, рассказываю ему сон. Он в шоке. Я и сам ещё в шоке. Докурили, пошли учиться дальше.

Ещё две пары, социология и метрология, прошли в том же духе. За это время вспомнил почти весь сон. Интересный он всё-таки...

Обед, потом свободное время — и на самоподготовку. Всем взводом пошли на консультацию по многоканальным системам передачи: завтра защищать курсовую. Послушал структуру защиты, записал перечень дополнительных вопросов. Думать о Саше порядком надоело, но ничего поделывать с собой не могу. Второй час самоподготовки занимался курсовой, разложил всё в папку, подписал, оформил.

Не выдержал и на перерыве пошёл в роту: верный способ не думать о женщине и загубить желание — это качаться. Чем я и занялся. Нагрузки на мышцы и давление металла на тело поставили голову на место. Два часа тренировки вымотали. Прохладный душ — немислимое удовольствие!

На ужин не пошёл: в очередной раз есть картошку с килькой не было никакого желания. Пошёл в увольнение...

Улицы пусты: погода нелётная. Руки мёрзнут: забыл перчатки. Пойти гамбургер с кофеём скушать, что ли? А больше ничего и не остаётся!

Иду в ближайшую грильницу. Настроения нет. Думаю о витринах, одиноких прохожих, погоде, дороге — в общем, обо всём, что вижу. Заказал; пока ждал, покурил. Гамбургер — это праздник для желудка: довольно вкусно, сытно и относительно дешёво. Кофе горячий, пью медленно.

Подъехала красная «бэха». Эх, мне бы такую! На улице темно, видно плохо, но за рулём, точно, женщина. Вот так вот: кто-то почти всю жизнь служит своей стране, постоянно переезжает из гарнизона в гарнизон и катается на «жигулях», а она просто родилась красавицей и, скорее всего, ничего в своей жизни ещё не сделала. Повезло!

Женщина вышла из машины и направилась в мою сторону. Я допивал свой кофе, который неприятно обжигал язык, и исподтишка разглядывал её. Дорогая, стильная

одежда, красивая фигура. По мере её приближения ко мне я пытался рассмотреть лицо женщины, но неожиданно его осветил уличный фонарь, и моё сердце тут же замолотило в груди с частотой автоматной очереди. Я ещё продолжал всматриваться, но глаза уже приняли и узнали знакомые черты...

Такого просто не может быть!!!

Женщина не прошла мимо, а почему-то остановилась как раз напротив меня. Просто стояла и смотрела. Глаза в глаза. Глаза такие — не спутаешь...

— Саша?! — пересилив шок, спросил я.

В ответ она только кивнула. Без удивления.

Тогда Саша приехала из Ростова в Новочеркасск к подруге. Мы поговорили, обменялись номерами и договорились встретиться на выходных, а потом ещё полностью разговаривали по телефону. Она приехала на следующий день и сразу сказала, что ей плохо без меня. Чувства наши были взаимны. Первое время я никому о ней не говорил, о сне — тем более...

Летом мы ездили на две недели в Крым. Какие это были недели! Райские! Мои родители приняли Сашу как родную, а вот её родителям я не понравился. Сашин отец действительно оказался очень богатым человеком, но по натуре — полным и абсолютным деспотом и диктатором. На пятом курсе Саша приезжала в будни ко мне, а на выходные я ездил к ней в Ростов.

После выпуска, 5 июля 2008 года, мы поженились. Распределение я получил в Ленинградский военный округ. Несмотря на протесты отца, Саша поехала со мной. За пять лет я дослужился до майора, карьера шла в рост, а 15 июня 2010 года Саша родила мне сына. Мы были безумно счастливы. Когда пришло время подписывать новый контракт с Министерством обороны, её отец всё-таки настоял на моём переходе в его бизнес. В тот момент мне действительно хотелось бросить всё и уехать на войну — подальше от всего этого, но я помнил сон... и, пойдя против принципа, согласился. Я почти ничего не делал, получая большие деньги, но работа мне абсолютно не нравилась. Я терпел это ради Сашеньки. В 2015-м у нас родилась дочь, и именно после её рождения я решил уйти из бизнеса и заняться политикой. Было странно, но тесть поддержал мою инициативу и полностью профинансировал выборы в депутаты Государственной думы. И я выиграл!

Мы с Александрой и детьми переехали в столицу. Москва мне не понравилась, поэтому при любой возможности мы всей семьёй выезжали за город, на дачу. Однажды там, на даче, ко мне подошёл какой-то старик и попросил денег. Я дал. Старик поблагодарил и, уходя, сказал:

— Ты хороший человек, но ты так и не понял, что он — твоя судьба! А от судьбы не уйдёшь...

В политике я достиг больших успехов, у меня появились большие связи с большими людьми. К выборам в 2020 году я создал свою партию, которая, по опросам общественности, опережала всех оппонентов. Я уже заранее праздновал победу, но за неделю до выборов, направляясь на совещание, я поймал снайперскую пулю...

Исполнителя, выходца с Кавказа, сразу задержали, и в этот же день он повесился в СИЗО. Моё убийство вызвало страшный резонанс в политических кругах, но уже через неделю о нём забыли, как забыли и обо мне...

Забыли все, кроме моей любимой Сашеньки, моих детей и моих родных.

Похоронили меня на родной земле, в Ростовской области — в посёлке городско-го типа, где я когда-то родился и вырос.